

С.К. БАШМЕВА

В
оригинале
и
переводe

8С(Балк)2
Б — 332
83.3Ба

В книгу кандидата филологических наук С. К. Башиевой вошли размышления автора о выдающемся балкарском поэте и прозаике Кайсыне Кулиеве, навеянные многочисленными письмами читателей писателю. В книге поставлены также некоторые проблемы художественного перевода, дается анализ романа Кайсына Кулиева «Была зима».

Редактор *Р. Х. Ацканов*

Башиева С. К.

Б — 332 В оригинале и переводе. — Нальчик: Эльбрус, 1990. — 104 с.

ISBN 5-7680-0355-X

Размышления о творчестве выдающегося балкарского поэта Кайсына Кулиева, а также о некоторых проблемах художественного перевода.

Б 4702100600-087
M125(03)-90 48-90

8С(Балк)2
83.3Ба

ISBN 5-7680-0355-X

© С. К. Башиева, 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Жить по-человечески — это искусство, труднейшее умение поступать одновременно целесообразно и нравственно. Для того, чтобы жить нравственно, надо знать природу добра и зла, иметь понятие о долге, доблести, справедливости.

В. И. Толстых¹

Поэзия Кайсына Кулиева сложна и проста — она закрыта для мелких и никчемных душ и открыта, широко доступна каждому доброму сердцу. Около пятидесяти лет тому назад Кайсын вошел в прекрасный мир поэзии сборником стихов «Здравствуй, утро!», покориw читателей изумительными по чистоте и яркости произведениями, и остался в нем навсегда, заняв одно из лучших мест. Уже тогда в молодом Кайсыне угадывалась сильная творческая натура. Природа щедро наделила его бесконечной душевной добротой, ярким светом музности, несеяскаемым оптимизмом и необычайной прозорливостью ума.

Сейчас такие высказывания о К. Кулиеве, как «уникальное явление в поэзии двадцатого века», «выдающийся поэт современности» никого не удивляют: смелая и высоконравственная, мужественная и нежная поэзия Кайсына Кулиева заняла в сердцах миллионов людей планету особое место. Трудно, видимо, было писать такие стихи, которые одинаково дороги разным людям. Как нелегко быть человеком, своим умом, чувствами охватившим огромную, накалившуюся до предела нашу планету, с ее маленькими и большими противоречиями. Вряд ли бы родилась тогда эта строфа, если бы поэту было легко:

Любая строка — это путь муравья,
истершего горб о невидимость.
Рука добывала и в клочья рвала
непостижимые формулы ночи.

(Перевод Б. Ахмадуиной)

И он трудился, как пахарь на пашне, творя свои бессмертные произведения, которые, как извилистые тропинки в горах, вели его по крутым склонам к сияющим вершинам поэзии; жил надеждой и любовью, без позы и ложного притворства; воспевал мужество и нежность; благодарил родную землю за тень чинара в знойный день и тепло солнца в зимнюю стужу, за хлеб и воду; радовался дождю в горах и снегу в родном Чегеме; любовался пышным цветением абрикоса и звездной ночью; славил материнское молоко и руки женщины; познал вкус черного хлеба и соленой воды; горевал над безмолвным раненым камнем и понимал его боль; не падал духом в горестные дни и не гордился в годы славы; просил судьбу не убивать тишину и улыбку ребенка; верил в бес-

¹ Толстых В. И. Сократ и мы. М.: Политиздат, 1981. С. 52.

смертие и вечность любимых гор и знала, что стихи не избавят его от смерти...

Каждой своей строкой, каждым своим поступком Кайсын Кулиев старался принести людям маленькую или большую радость, отдых от мелких и крупных тягот, дари им и песни, и сердце свое, находил точные и верные слова, чтобы занести в души, обращаясь к тем, кто добывает свой хлеб насущный, и к тем, кто ушел из жизни, к женщине и к ребенку, к камню и к траве, и передавая всем щедрость таланта и души своей. Он любил людей так, как сын любит мать, сочувствовал им в горе и в несчастье, переживая за них и раскрыл перед ними свой многогранный мир искренно и безгранично.

Я жил среди людей, и час моей печали
Сердечностью своей они мне облегчали.
Они зажгут очаг, они мне слово скажут,
И пожелают благ, и раны перевяжут.
Я тоже, как могу, быть может, добрым взглядом,
Иль делом помогу вам, кто со мною рядом.

(Перевод Н. Гребнева)

Действительно, люди платили поэту тем же. Изю дня в день К. Кулиев получал десятки писем от своих читателей, собравшись по перу. Письма разные, но полные любви и благодарности за подаренные минуты радостного общения с высоко нравственной поэзией. Теперь они стали архивным материалом, но важно другое: каждое письмо — это кусочек безмерной признательности читателей за доброе утро, за веру в человека, в будущее его, за стойкость камня и бессмертие жизни на земле.

Сейчас трудно сказать, успевал ли К. Кулиев отвечать всем своим корреспондентам. Человек необычайной скромности, он не любил рекламировать отзывы о своем творчестве. «Я отрицательно отношусь к тому, что нередко писатели в воспоминаниях цитируют лестные для них слова или письма знаменитых людей»², как бы подтверждая наши мысли, говорил сам поэт. Но теперь, когда его нет рядом с нами, письма эти стали новым источником, раскрывающим нравственный и духовный облик Кайсына, ибо для того, чтобы составить творческий портрет поэта, ценно любое свидетельство.

Из многообразной архивной корреспонденции Кайсына Кулиева, предоставленной нам для работы Ж. К. Кулиевой и сотрудниками ЦГА КБАССР, пользуясь случаем, которым мы выражаем свою искреннюю благодарность, нами выбраны письма, имеющие литературно-художественную ценность. В них мы выделили основные проблемы, которые волнуют всех прогрессивных людей, — это любовь к родной земле, борьба за мир, нетерпение вла.

В первой части «Мир и радость вам, живущие!» нашли свое отражение мысли автора о К. Ш. Кулиеве, навеянные письмами читателей; во второй — «В оригинале и переводе» — поставлены некоторые проблемы художественного перевода произведений поэта; в третьей — «Начало и конец зимы» дан анализ романа «Была зима».

² Кулиев К. Поэт всегда с людьми. М.: Советский писатель, 1986. С. 15.

МИР И РАДОСТЬ ВАМ, ЖИВУЩИЕ!

* * *

Благодарю тебя, земля моя родная,
За воду, что я пью, за хлеб, который ем,
За то, что здесь рожден, что из любого края
Я возвращался вновь к тебе, Чегем!

(Перевод Н. Гребнева)

За шесть дней до Великой Октябрьской социалистической революции высоко в горах в селении Верхний Чегем в семье Кулиева Шувы родился мальчик с живыми смысленными глазами. Могла ли знать его мать, неграмотная горянка, так и не прочитавшая ни одной строки своего сына, какую судьбу подарит ее маленькому Кайсыну новая жизнь, пришедшая с Октябрем?!

Кайсын рос, как и сверстники, среди безмолвных гор и диких скал, там, где летом в теснине ущелья бешеным потоком несет река Чегем, а зимой на угрюмой бурой скале одиноко спит рябина, скакал над бездонной пропастью, слушал у костра неторопливые рассказы пастухов и шепот подсолнуха, вдыхал теплый запах кукурузной лепешки и всматривался в узкие тропы, уходившие за облака, радовался первым звукам русской речи и цветению абрикоса, ощущал величие гор и с завистью смотрел вслед орлу, гордо парившему в синем просторе неба... Суровая и изумительно красивая природа Кавказа с ее сказочными горными вершинами и роскошными лугами, испещренными временем камнями и звонкими ручьями покорила сердце маленького Кайсына на всю жизнь и получила в его произведениях новое воплощение; в ней он черпал силы для душевного подъема и духовного общения, в радости и печали она помогала поэту думать и мечтать, размышлять и любить; и мысли Кайсына, рожденные в теснине Чегемского ущелья, уходили ввысь, к горным вершинам, чтобы оттуда лететь на широкие просторы России. «Кавказ долго жил, покоряя красотой гор и печалью ничтогой скал»¹,— говорил сам поэт. Здесь он постигал азы трудной и суровой жизни балкарцев, покои веков добывавших свой хлеб и воду из камня, здесь он слушал предания седовласых горцев, издревле отличавшихся душевным богатством, мудростью и стойкостью, умением терпеть и прощать, ценивших доброту и труд, у них он учился науке быть настоящим человеком. Наставники Кайсына — простые чабаны, землепашцы, народные

¹ Кабардино-Балкарская правда. 1968. 13 января.

певцы, косари — потом станут героями его произведений, к ним он, спустя годы, приезжал и в знак благодарности за учение читал свои мудрые и добрые стихи, запечатлевшие нежность шершавых рук горянок и морщины родного народа.

«От Ваших прямо-таки изумительных стихов повеяло на меня чудесной, живительной прохладой родных Кавказских гор; в них я услышал такое родное, такое дорогое сердцу моему журчанье наших серебристых ручейков, перед моим мысленным взором по склонам горных долин и ущелий в величавом спокойствии проплывали молочно-белые туманы, а в синеве неба, над вершинами суровых гор медленно парили горные орлы,— писал Кайсыну Кулиеву в 1961 году из Москвы ногайский писатель Ф. Абдулжалилов.— Все в Ваших стихах, написанных эмоциональным и красочным языком, весомым и лаконичным поэтическим слогом, на тонкой наблюдательности, на высоком и точном чувстве слова,— все в них горское, самобытное, национальное в хорошем смысле слова. Ваши произведения общечеловечны по своей значимости, но в то же время заставляют горца еще больше узнать всю прелесть горского края и еще больше любить этот край»².

Человек, с детства привыкший видеть вокруг себя кавказскую природу, читая стихи Кайсына Кулиева, как бы заново открывает ее для себя и вновь восхищается ею, вновь и вновь она потрясает его своей ошеломляющей и суровой красотой, настолько сильно чувственное, эмоциональное и предметное выражение картин горного края поэтом. Ведь Кайсын Кулиев по-особому слышал журчанье горных речек, изумился могуществу и долголетию горы, неприступности скал, по-своему передал бессмертную красоту родной земли, совершенно по-новому постиг язык камня и увидел величие красок заходящего солнца.

«Я горд тем, что наша земля родила поэта, который смог передать прекрасными словами поэзию, мудрость гор, прекрасную душу людей, живущих в горах»³,— пишет читатель из Карачаево-Черкесии А. М. Бадахов, которому стихи К. Кулиева напомнили неторопливые разговоры стариков его аула, рассказы пастухов на кошах и даже самые ранние впечатления его детства. Такой, видимо, должна быть подлинная поэзия.

Живая, самобытная словесная живопись Кайсына Кулиева, богатая содержанием и насыщенная светом, жизнеутверждающей силой, созвучна духовным запросам широкого круга людей. Благодаря поэту, горы и скалы Кавказа полюбили и читатели, никогда не видевшие их. «О горы в Чегеме! — восклицает в своем письме Г. К. Никитина из Ленинграда.— Читая о них, вспомнила, как любила горы Марина Цветаева, их гордую высоту, неприступ-

² ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 1, ед. хр. 79, л. 1—2.

³ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 3, ед. хр. 77, л. 3.

ность, и одну из своих поэм назвала «Поэмой горы» — вершины, куда могут взойти только избранные, вставшие над бытом, живущие напряжением всех своих сил.

Дорогой Кайсын Кулиев — прекраснейший, большой, вдохновенный поэт, редкий человек, как Вы нужны людям, как много сердца во всех Ваших словах, как обнажены и полны мужества, героизма, чистоты и нежности стихи, как Вы любите Человека, Родину и всю красоту мира, как Вы отдаете им себя, как хотите, чтобы мир и люди стали лучше⁴. Читательницу покорила поэзия Кайсына всем — и мыслями, и языком, и высоким гуманизмом, и любовью ко всему сущему.

«Я уверен, что Вас как поэта ожидает в Чехословакии успех. Ваши стихи, глубоко гуманные, богаты, как богат язык Ваш как поэта. Меня очень глубоко потрясли и остались в душе. Мечтаю когда-нибудь до конца жизни увидеть Ваш родной Чегем»⁵, — писал Кайсыну автор переводов «Книги земли» на чешский язык Йелинек Вацлав.

О своем желании хотя бы издали посмотреть на то, как пенится Чегем, на высокие горы Кавказа, попробовать кизил с сожалением писал К. Кулиеву семидесятипятилетний пенсионер из Курска В. Д. Ахрамеев⁶.

Да, Чегем, по образному выражению М. Дудина, — это «лукоморье-чудо, волшебное окно, через которое влетела в душу Кайсына, блестя фазаньим опереньем, поэзия»⁷, — стал близким и родным тем, кто никогда его не видел. И сейчас трудно сказать, был бы тот поэтический мир, неповторимый и прекрасный, который теперь называют кулиевским, без Чегема?!

С камня на камень — то зелен, то ал —
ты по ущелью, бушуй, бежал.
Песня, пронахвшие горечью гор,
я не могу позабыть до сих пор,
ах, мой Чегем!
Нет, ты не вниз по теснине бежал,
ты через сердце мое протекал.
Был я травой на твоём берегу,
был валуном на прибрежном дугу,
ах, мой Чегем!
Если я жизнь без тебя коротал,
я и за жизнь эту жизнь не считал.
Что бы ни случилось со мной, ты и впредь
будешь все так же, бушуй, звенеть,
ах, мой Чегем!

(Перевод О. Чухонцева)

⁴ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 3, ед. хр. 77, л. 55, 59.

⁵ Там же, оп. 5, ед. хр. 56, л. 1.

⁶ Архив Ж. К. Кулиевой.

⁷ Дудин М. Ветер времени // Литературная Россия. 1970. 18 сентября.

Может быть, прочитав эти строки, воскликнула инженер из Еревана М. Арустамова: «Какую надо иметь добрую душу, чтобы до боли в сердце так преданно любить свой народ, свою родину!»⁸.

«Я не знаю балкарского языка, но знаю Ваши стихи в русском переводе,— писал К. Кулиеву киевлянин В. Бровченко в 1966 году.— Мне дорога Ваша мужественная любовь к своей земле, к своему народу»⁹.

И не случайно то, что люди, полюбившие нашу республику, Чегем по стихам Кайсына Кулиева, спешат сюда, чтобы наяву увидеть родной край поэта, ибо, как сказал Я. Сирмбардис, переводчик «Раненого камня» на латышский язык, о народе по стихам можно больше узнать, чем читая сухие тома истории¹⁰.

Учитель русского языка и литературы Л. М. Силенко из Запорожья летом 1976 года провел вместе со своими учениками поход по местам жизни и творческой деятельности Кайсына Кулиева, маршрут которого был определен по произведениям поэта. Они встречались в Чегеме с родными Кайсына. И хотя ребятам, впервые приехавшим в горы, было трудно, их цель — узнать побольше о любимом поэте — помогала забыть всякую усталость. А 1 ноября, в день рождения Кайсына Кулиева, на классном часе, они рассказали о своих впечатлениях, сопровождая их чтением стихов и демонстрацией цветных слайдов и фотографий, сделанных в Чегемском ущелье. Собранный же материал о поэте послужил для работы школьного литературно-художественного кружка¹¹.

Не удивительно и то, что в 1973 году группа альпинистов с турбазы «Башиль» одну из безымянных вершин, покоренных ею, назвала Пиком Кайсына Кулиева¹².

Нежно и горячо был привязан поэт к родной земле. Здесь ему было дорого все: черная шаль матери и белые шапки гор, испещренный морщинами древний камень и зеленая трава, душистый мед и горькая соль, вода, текущая между скалами, и слезы ребенка, каждая тропинка и каждое дерево. «Здесь жили дорогие мне люди — мой отец, моя мать, братья, которых я больше никогда не увижу,— пишет он.— Каждый раз мне кажется, что следы от их ног остались навек на этих тропах, словно их не могли смыть дожди многих лет. Здесь я впервые увидел снег на горе и дождь на отцовской сакле, облака над дорогой, звезды над аулом, лунный свет на саклях, облака над дорогой, рассвет в окне, закат на белых хребтах, похожий на цвет зрелого кизила, будто сказочный великан залил снега красным вином. Здесь на

⁸ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 3, ед. хр. 78, л. 1.

⁹ Там же, оп. 1, ед. хр. 77, л. 10.

¹⁰ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 1, ед. хр. 77, л. 49—50.

¹¹ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 5, ед. хр. 91, л. 7.

¹² Советская молодежь. 1973. 9 октября.

колених матери, прижавшись к ее теплой груди, я засыпал счастливым детским сном. Все у меня отсюда — жизнь и песня. Чегем — мое начало, мой исток. Здесь я сложил первый стих, сложу и последний»¹³.

Производительные и потрясающие слова, которые можно назвать подлинным гимном любви к Родине. И эта любовь не навязчиво передается каждому человеку, который прикасается к поэзии Кайсына. Читательница из Томска С. И. Ольгович во время своего отпуска в одной из расщелин «Скал сказок» на о. Итуруп Южной Курильской гряды сделала великолепный снимок «Цветы на скале» и прислала его Кайсыну Кулиеву: «Буду очень рада, если Вы тоже увидите в нем отголосок Ваших стихотворений»¹⁴, — писала она поэту. Как глубоко должны были запасть строки:

Когда с обидой и печалью
Я жил на гористой земле,
Мне снился ты за дальней далью,
Цветок на каменной скале,
Чтоб перед пламенем согреться,
Вздудал я искорку в золе
И вновь к тебе тянулся сердцем,
Цветок на каменной скале,
Кровинкой рдея над туманом,
Ты, не взлелеянный в тепле,
Моим остался талисманом,
Цветок на каменной скале,

(Перевод Я. Козловского)

чтобы, находясь за тридевять земель, вспомнить их и выразить свою любовь, признательность Кайсыну Кулиеву. Скалы Чегема и Итурупа для читательницы — это частица нашей прекрасной природы, которая родила в ней самые добрые чувства. Так поэтическое открытие Кайсына Кулиева помогает людям открыть окружающий их мир. Кайсын умеет учить людей видеть вокруг себя красоту, смотреть на нее добрыми глазами. И источник этой душевной щедрости, привязанности к земле, величия природы — Чегем, в котором поэт видит всю Вселенную. Маленький Чегем — узкое ущелье, со всех сторон закрытое горами и скалами, в которое Кайсын Кулиев приезжал и в дни печали, чтобы найти утешение, и в дни удачи, чтобы поделиться радостью со своими земляками. В Чегеме он возвращался из дальних странствий с особым трепетом и волнением, чтобы увидеть милые горные тропы, цветущий абрикос, созревший кизил, звонкий родник. И каждую встречу со своими земляками в любой точке страны Кайсын Кулиев

¹³ Кулиев К. Поэт всегда с людьми. С. 4.

¹⁴ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 1, ед. хр. 83, л. 18.

воспринимал как большую радость. Вот что рассказал нам один из бывших корреспондентов поэта И. А. Кучуков: «В 1974 году Кайсын Кулиев приезжал в Казахстан для участия в Днях советской литературы. Для меня, родившегося вдали от Кабардино-Балкарии, любая весть, связанная с землей моих предков, была особенно дорога. Когда я узнал о приезде К. Кулиева, сразу поехал на книжную ярмарку, которая проводилась с участием писателей на площади Абая. С большим трудом протиснулся к Кайсыну: вокруг него было много людей. Поэт был весел, много шутил, смеялся, давал автографы читателям. И когда он собрался уходить, я понял, что больше такой возможности познакомиться с ним у меня не будет. Переборов робость, я выдавил из себя: «Салам алейкум, Къайсын!». Услышав балкарскую речь, он очень удивился, схватил меня за руку и засыпал вопросами: «Кто? Откуда?» Узнав ко всему, что мои родители из Чегема, он стал ликовать, как ребенок, стал звать громко Д. Кугультинова: «Давид, я балкарца встретил, да еще из Чегема!» Позже по просьбе И. Кучукова Кайсын выслал ему два своих поэтических сборника «Вечер» и «Книгу земли».

Примечательна и история, произошедшая с Кайсыном в одном из санаториев города Нальчика после литературного вечера. Давая автограф одному из читателей, он спросил его фамилию и имя. Тот ответил: «Чегемов Магомед».

— Как! Ты из Чегема, почему я тебя не знаю? — спросил поэт по-балкарски. Однако Магомед оказался жителем Дагестана. Тем не менее Кайсын Кулиев не отпустил его, повез в родное село, показал Чегемское ущелье. «После слово «Чегем» стало для меня как бы талисманом», — говорит Магомед¹⁵.

Как-то Салих Гуртуев очень образно сказал, что Кайсын Кулиев — лицо нашего народа, наш своеобразный паспорт. Действительно, люди, порой не знающие Нальчика, республику, услышав в качестве ориентира имя поэта, восклицают: «О Кайсын Кулиев! Эльбрус!». Поэтическое дарование Кайсына сродни по своей мощи и величии высочайшей вершине Кавказа, и «поэзия его, исполненная мужества и силы, — как сказала однажды А. Кешоков, — вырвалась из ущелья на простор. В ней мысли и чувства балкарского народа, отблеск нашего века»¹⁶. «Мне особенно в Вас правится удивительно гармоничное сочетание яркого, изысканного Востока с хорошей и широкой западной культурой»¹⁷, — писала К. Кулиеву профессор из Москвы Н. П. Чернина в 1972 году.

Кайсын Кулиев далек от поэтических красотостей, восточного пышнословия, точен в мелочах, скромно, как чабан и землепашец,

¹⁵ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 2, ед. хр. 238, л. 63.

¹⁶ Кабардино-Балкарская правда. 1959. 11 октября.

¹⁷ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 1, ед. хр. 165, л. 168—169.

сдержан в эмоциях, словно древний горец. И в то же время читатель чувствует в его поэзии восточную мудрость, ставшую под его пером синонимом доброты и человечности, мудрости, на редкость оптимистичной и гуманной. Поэзия Кайсына Кулиева подлинно народная, ибо те трудности, которые преодолевал на своем пути балкарский народ, пережил и сам поэт. Но, как говорит читатель Р. Левинсон, она не мрачна, а «исполнена величайшей радости жизни и веры в нее. Нам нужна, необходима такая поэзия»¹⁸.

О своем потрясении, когда впервые открыла для себя Кайсына, пишет Е. Игнатенко из Москвы. Ее поразили доброта хлеба и мудрость трав, приятие жизни во всех ее нюансах, простота и естественность, светлая атмосфера и простор, человечность и мужество, правдивость и реальность, вечное и новое, традиционность и современность его стихов. «Счастлива Балкария, имея такого поэта!» — заключает читательница¹⁹.

Но поэзия К. Кулиева давно перешла границы родной Кабардино-Балкарии. В его стихах читатели видят не только кавказские вершины, слышат клёкот орлов, чувствуют запах земли, но гораздо больше — мудрое восприятие жизни во всех ее сложностях.

* * *

Люди, дайте отдохнуть печали,
Дайте руки, ноги ей омыть,
Дайте хоть теперь! Раз мы вначале
Не смогли ее остановить.

(Перевод К. Симонова)

Кайсын Кулиев, видевший своими глазами обгащенный кровью снег и полные ужаса глаза детей, стонавшие от боли под тяжестью бомб сосны и пепел сожженных городов и сел, следы жертв фашизма, не мог без содрогания думать и писать о войне.

Я видел, как селенья догорали,
Как люди умирали на снегу,
Я, видевший, как люди умирали,
Не ненавижу смерти не могу.

(Перевод Н. Гребнева)

Рассвет 22 июня 1941 года поэт встретил парашютистом-десантником на латышской земле. Тяжелые испытания выпали на

¹⁸ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 2, ед. хр. 177, л. 9.

¹⁹ Там же, оп. 3, ед. хр. 77, л. 65.

долю Кайсына: горечь первых отступлений и потерь, постоянная боль за горе людей не давали ему покоя. Каждое из созданных на войне произведений впитало в себя кровь, пролитую автором на полях сражений, надежду и веру в победу советского народа. Именно в эти годы родились глубоко оптимистичные стихи, ныне известные всем произведения — «Земля моя», «Слово сердца», «Самое дорогое», «Поэты», «Всегда гордился тем, что горец я» и другие, в которых отражена не только драматическая атмосфера тех военных лет, но и уверенность в Советской армии. Вот как было написано, по словам К. Кулиева, стихотворение «Сосны России шумят». Утром 1 октября 1941 года корпус, в котором служил поэт, подняли по тревоге и на самолетах отправили к Орлу, занятому танковой армией гитлеровского генерала Гудериана. Внизу, на земле, ничего не радовало глаз: потоки беженцев, грязь, слякоть, непогода, залпы орудийных выстрелов, в общем, тяжелая картина военных дорог — все смешалось, и лишь сосны в лесу стояли гордо и непоколебимо, словно ничего и не происходило вокруг. Но поэт почувствовал в их шуме глухую тревогу. «В сумке моей лежал томик избранных произведений Лермонтова,— вспоминал впоследствии К. Кулиев.— В самолете я вытаскивал его и смотрел на портрет. Это утешало меня и связывало со всем мне дорогим на свете и моим родным Кавказом. Придавало мне твердости»²⁰. В то утро поэт сложил стихотворение «Сосны России шумят».

География боевых дорог К. Кулиева обширна: он сражался на латышской земле и в Подмоскovie, в Орле и на Сталинградском фронте, форсировал Сиваш и брал Перекоп. На фронте поэт не был наблюдателем событий, он всегда находился в гуще, в центре военных действий.

Полный кавалер ордена Славы С. И. Батагаев из Бурятии в дни празднования 25-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне рассказал одному из журналистов о том, что в боях за станцию Локня под Москвой, когда из тридцати минометчиков осталось всего одиннадцать, судьбу их полка решили 4 вонна, одним из которых был Кулиев. На вопрос журналиста Данри Хилтухина:

— А как звали Кулиева? — последовал ответ: «Кайсын».

— Кайсын Кулиев?!

— Точно,— сказал Семен Иванович²¹.

Сам Кайсын о подобных проявлениях героизма в дни войны не говорил никому, и только скудные письма, рассказы очевидцев помогают нам восстановить картины нелегких военных дорог поэта.

²⁰ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 1, ед. хр. 19, л. 17.

²¹ Там же, ед. хр. 77, л. 54.

В дни, когда враг находился недалеко от родных гор, Кайсын просился на Кавказский фронт, но в боях под Орлом был тяжело ранен и доставлен в Чебоксарский госпиталь. Находясь там, в октябре 1942 года, К. Кулиев получает письмо из Союза писателей с просьбой приехать в Москву для того, чтобы решить вопрос о демобилизации поэта.

«Радуют нас Ваши стихи,— писал А. Деев²².— Мы узнаем в них Вас, живого, способного, уравновешенного и вместе с тем горяча — горячего, страстного. И стихи эти доставляют удовольствие не только нам, узкому кругу работников Союза. Хотя бы из того, что они сразу пошли в прессу и радио передает их всякий раз, как только речь идет о Кавказе,— хотя бы из этого вы можете увидеть, что эти стихи нужны, что попали они к нам в самый подходящий момент...

И стихи — ваши дети — и ваши письма подсказали нам, что вы очень устали и что вам надо немного отдохнуть... Вот почему я сразу в своем письме ставил вопрос о необходимости вашего приезда в Москву.

Думаю, что это вам удастся. Пусть вас пошлют для назначения в Москву. А здесь мы кое-что устроим в управлении кадров. Я говорил вчера с А. А. Фадеевым, он согласен с тем, что вас надо на время освободить от непосредственной боевой работы, чтобы дать возможность «отписаться», вылить в поэтической форме все чувства, переживания, настроения, накопившиеся за этот год. Иначе вас это будет отягощать, будет мучить. Трудно носить в себе столько мыслей и чувств, ощущений.

Я несколько не сомневаюсь, что вы в мыслях уже на Кавказе. Это вполне естественно. Ведь вы сын Кавказа, истинный сын всегда там, куда его зовет родная земля, он всегда со своей родной землей и народом. Здесь вы совершенно правы. Но ведь вы и своими стихами боретесь за Кавказ и боретесь очень активно. Ваши стихи — крупные снаряды по врагу, потому что они поднимают ярость народа, гнев, ненависть против гитлеровцев. И надо эти стихи писать и посылать, чтобы они доходили до народа.

Так вот мне думается, что вы должны некоторое время пожить в Москве, а затем, если уж это будет нужно, пойти в армию, как писатель, поработать в печати...

Это целесообразно, необходимо и для сохранения основных писательских кадров в республиках. Ведь эти кадры так дороги нам, народу, стране. Ведь с таким трудом выращиваются они! Вы понимаете теперь нашу заботу»²³.

²² Сотрудник Правления Союза писателей СССР, занимавшийся вопросами национальных литератур в те годы.

²³ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 2—2а.

Но Кайсын Кулиев был неумолим. Впоследствии он напишет об этом: «Я не мог, не имел права считать себя лучше тех, кто сражался и погибал. Их так же ждали дома матери, как моя в Чегемском ущелье. На этот счет у меня тогда были твердые убеждения. К тому времени я уже видел много и многое испытал. Быть парашютистом я уже не мог, но вернуться на фронт был способен»²⁴.

После выздоровления в начале ноября 1942 года Кайсын приезжает в Москву. К этому времени его стихи печатались в газетах «Правда», «Красная звезда», в журналах «Дружба народов», «Огонек» и др.

А. Фадеев очень душевно принял поэта. О том, как он относился к нему, говорят строки из записной книжки писателя за 18 мая 1943 года: «Прекрасный балкарский поэт Кайсын Кулиев. Подлинный горец и подлинная поэзия»²⁵. А. Фадеев договорился с Политуправлением Красной Армии о включении Кайсына в список писателей, которых должны были демобилизовать. А Е. Д. Стасова организовала первые переводы его стихов на европейские языки. Всюду К. Кулиев чувствовал в то время заботу о себе. Через несколько дней Союз писателей устроил творческий вечер К. Кулиева, на котором присутствовали А. Фадеев, Н. Асеев, Б. Пастернак, С. Вургун и другие писатели, а стихи поэта читали В. Звягинцева, Д. Кедрин, М. Петровых.

Пробыв в Москве некоторое время, Кайсын все-таки отказался от демобилизации и вернулся на фронт в качестве военного корреспондента газеты «Сын Отечества» 51-ой армии, но работа эта была не по душе бывшему парашютисту, и он ходил в атаку, видел огонь передовой своими глазами, делил разбухшую от дождей горбушку хлеба с товарищами, а в минуты временной передышки писал стихи и посылал в Союз писателей. «Стихи хорошие. Глубокие, лиричные, проникнуты высоким чувством человека, который горячо принимает к сердцу все, что творится вокруг. Только так может писать настоящий поэт»²⁶, — писал А. Деев Кайсыну в феврале 1943 года. «Хорошие, правдивые стихи. Волнуют они и сразу узнаешь их — Кулиев писал»²⁷, — сообщила поэтесса сотрудница радиокомитета из Нальчика М. Кустова 5 января 1944 года после получения ею с фронта новой подборки стихов К. Кулиева.

Так входил К. Кулиев в поэзию — с пером и автоматом в руках — решительно и стремительно. К. Симонов как-то сказал, что

²⁴ Кулиев К. Поэт всегда с людьми. С. 17.

²⁵ Фадеев А. Собр. соч. М.: Госиздат художественной литературы, 1961. Т. 5. С. 179.

²⁶ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 4.

²⁷ Там же, ед. хр. 75, л. 6.

у каждого фронтовика была своя война. Войну Кайсын видел в глазах матерей, с тоской смотревших вслед сыновьям, и протянутых детских ручонках; в пропахших порохом стихах и стиснувшим от боли зубы солдате; в бешеном ржании коней с обгоревшими кровью боками и в подбитом, как лермонтовский стих, орле; в скорбных пепелищах деревень и скромных крестах над солдатскими могилами...

Но стих поэта, как конь, закусивший удила, шел вперед, не страшась никаких препятствий. И как бы ни был труден путь Кайсына, он в самые печальные минуты не терял самообладания, не расставался, как горец с папайхой, с мужеством, и в душе его не раз звучал искрометный и жизнерадостный напев ислама.

«Мы все — поклонники Вашего таланта, и радуемся тому, что знали Вас тогда, когда Вы только начали дорогу в тысячелетие,— писал бывший однопольчанин К. Кулиева Е. Нейман из Запорожья в 1975 году.— В моем фронтовом дневнике за 7 апреля 1943 года есть такая запись (это было под Ростовом): «Сегодня к нам в редакцию приехал поэт Кайсын Кулиев. Это очень жизнерадостный, веселый и хороший поэт. Он нам читал свои стихи, Есенина». Потом Кайсын играл в литературную игру, плясал под грохот артиллерийских снарядов и безудержные аплодисменты бойцов до утра бешеным исламей. «И это на фронте, рядом со смертью!»²⁸— восклицает автор письма.

В апреле 1944 года К. Кулиев был тяжело ранен под Севастополем. Однопольчане думали, что он никогда больше не сможет танцевать исламей. Кайсын же, преодолевая боль, читал свои новые стихи молоденьким медсестрам, шутил, был весел, как всегда. Там же, в госпитале, получил орден Отечественной войны II степени и партийный билет. Но с армией пришлось расстаться. Поэт запомнился своим однопольчанам «жизнерадостным юношей, с буйной густой шевелюрой и горячими темными глазами. В них частенько мелькали озорные искорки, а иной раз они становились печальными до горечи»²⁹. Спустя годы, они будут писать Кайсыну о том, что его стихи «очень сильны. И прежде всего тем, что душа поэта, тонкая, музыкальная душа сына Кавказских гор в тяжелых испытаниях оказалась крепкой, как старинный клинок из стали, откованный лучшими мастерами народа»³⁰.

Каждую строку Кайсына его фронтовые товарищи читают как дорогие воспоминания об огненных годах войны, собирают по крупицам все, что издается поэтом и о нем, вырезают из газет и журналов подборки стихов, ищут сборники стихов в книжных ма-

²⁸ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 3, ед. хр. 81, л. 4.

²⁹ Там же, оп. 2, ед. хр. 169, л. 1.

³⁰ Там же, л. 6.

газинах, ибо поэзия Кайсына для них — это дорогая память их далекой и суровой юности³¹.

Война проверила Кайсына Кулиева, как и многих советских людей, на звание настоящего человека. Все испытал он — холод, голод, тяжелые утраты, радость больших побед, уроки жестокости и заблуждений, но он выдержал все тяготы жизни стойко и мужественно, остался верным всему земному и возненавидел зло.

Война потрясла поэта на всю жизнь. Он до конца своих дней помнил о ней, как о самой большой трагедии в жизни нашей страны и, словно пропуская через призму собственных ощущений, пишет в стихотворении «Вместо реквиема»:

В те дни, когда я был парашютистом,
Когда подо мной земля белела, краснела,
Когда пашни, дома стали холодной золой,
Когда камни почернели, словно черное море,
Каких я видел парней, каких героев!
С ними я входил в кровавые сражения.
Глаза их, словно звезды.
Видно, они родились в какой-то чудный день.
Какие парни были — как мечи!
О, и их земля поглотила...

(Подстрочный перевод)

И хотя война уходит все дальше и дальше, главное в ней — зло, смерть, жестокость никогда не будут забыты, ибо и сейчас на земле то там, то здесь вспыхивают огни безумия, по-прежнему плачут матери и дети, и раны войны никак не могут зажить.

И Кайсын Кулиев продолжает сражаться своим мужественным пером, как когда-то минометным огнем, со всеми, кто хочет убить мир, и строки из стихотворения «Вместо реквиема» потрясают всех, кто хочет тишины.

«Сегодня в класс два ученика одновременно принесли Ваше стихотворение «Вместо реквиема», — писали в 1970 году Кайсыну Кулиеву ученики средней школы ст. Ново-Мышастовской Краснодарского края. — Читали каждый отдельно, а потом на уроке литературы наша учительница прочитала вслух еще раз. Стояла необыкновенная тишина. И вдруг раздалась громкая аплодисменты»³². На перемене ребята бросились в школьную библиотеку, но там не оказалось ни одной книги поэта.

Действительно, этот своеобразный поэтический памятник мужеству, отваге тех, кто остался на полях сражений, матерям, не дождавшимся своих сыновей, никого не оставляет равнодушным.

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Мы как-то привыкли к Вашей

³¹ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 3, ед. хр. 81, л. 1.

³² ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 1, ед. хр. 82, л. 8—9.

союзной — и даже больше — известности, к Вашим великолепным стихам. В общем, утратили способность удивляться, и все же Вы заставили нас это сделать своим «Вместо реквиема»³³, — поделилась с поэтом читательница из г. Карачаевска Л. П. Егорова, пережившая по-настоящему волнующие минуты.

Любители поэзии всегда чувствуют подлинное творчество, умеют отличать зерно от шелухи и пишут об этом автору.

Кайсыну Кулиеву присущ трезвый оптимизм, противопоставленный трагизму века, источник которого в глубокой связи со своей землей, с народом. Балкарцы издавна трудились в суровых климатических и природных условиях, добывая хлеб из камня, и не теряли, как бы им ни было трудно, любви к жизни.

Поэт остро чувствует ответственность людей за мир, смотрит в глаза действительности без иллюзий, заставляет человека задуматься над вопросами нравственной самооценки своих поступков. «Ложь и лакировку жизни я считаю не только оскорбительными для искусства, но и малодушием или трусостью. Трагическая правда учит углубленному отношению к жизни, мужеству и нравственной чистоте», — таково убеждение поэта. Недаром он любил восточную пословицу: «Враг говорит сладко, а друг — сурово»³⁴. Кайсын Кулиев, как и всякий разумный человек, любил все светлое, радостное, доброе, но жизнь принимал такой, какой она есть, — счастливой и горькой, без прикрас, достойно встречал жизненные неприятности.

Кайсыну присущи необычайная поэтическая широта и индивидуальность взгляда на окружающую действительность, тонкая психологическая наблюдательность и острота видения, поэтому так поразительна сила эмоционального воздействия его стихотворений на читателей.

«Стихи К. Кулиева как-то по-особому близки, понятны мне. Я пережила войну, опухала от голода (было мне тогда 8 лет). Я прекрасно знаю вкус мерзлой брюквы и гнилой картошки»³⁵, — пишет А. Юсупова из Кустанайской области, у которой есть сын, поэтому естественна ее тревога за его будущее.

Любовь к миру, к людям сквозит через каждую строку К. Кулиева: об этом свидетельствуют названия поэтических сборников: «Мир дому твоему», «Говорю людям», «Живу среди людей», «Звездам — гореть!»... Поэт пишет о человеке в наш экстремальный век, когда решается вопрос: быть ему или нет, о человеке, которому, в сущности, не так уж много и надо — душевного тепла, уверенности в завтрашнем дне. И читатель это чувствует. Но самая скрупулезная точность в поэзии не может раскрыть всю

³³ Там же, ф.Р-852, оп. 1, ед. хр. 77, л. 17.

³⁴ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 1, ед. хр. 19, л. 25.

³⁵ Там же, оп. 2, ед. хр. 165, л. 188—189.

силу творческого видения автора, если ему не хватает эмоционального заряда. А К. Кулиев как-то по-особому, только ему присущим мировосприятием умел постигать красоту и трагизм нашего времени, страдать из-за раненого камня и заглохшего колодца, погибшего под колесом машины цветка и сраженной молнией алычи, горькой золой Майданека и ран Вьетнама, боли людей и стопа срезанной травы. Этим он дорог всем, кто хочет тишины, покоя. Недаром, когда Индире Ганди нужно было найти слова, чтобы выразить свою тревогу за судьбу мира, она процитировала строки из стихотворения Кайсына Кулиева «Где-то стонет женщина вдали...» Она сказала: «Жертвы, приспесенные советским народом во имя защиты своих идеалов, обусловили его горячее стремление к миру. Испытав на себе все ужасы войны, он, естественно, ненавидит ее. Как справедливо сказал поэт Кайсын Кулиев: «Каждая пуля на войне поражает одну цель — сердце матери».

Где-то стонет женщина вдали,
Напевает песню колыбельную.
Вечный страх, тревоги всей земли
Проникают в песню колыбельную.
Первой пулей на войне лобой
Поражает сердце материнское.
Кто б ни выиграл последний бой,
Но страдает сердце материнское.

(Перевод Н. Гребнева)

Поэт-фронтовик Кайсын Кулиев не мог писать иначе. Пройдя через войну, испытания, он, как бы подводя итог их трагическим последствиям, пишет:

Ноги у печали стали черные,
Шла она босой по неживым
Пенелищам, по жилищам взорванным,
По снегам войны пороховым.
Руки у печали стали черные,
Рылась она в пепле и золе,
От убитых отгоняла воронов,
Предавала мертвецов земле.
Платье у печали черное,
Слишком долго с нами она шла
Той дорогой, где по обе стороны
Сыновей обугленных тела.
Люди, дайте отдохнуть печали,
Дайте руки, ноги ей омыть,
Дайте хоть теперь! Раз мы вначале
Не смогли ее остановить.

(Перевод К. Симонова)

Люди, дайте отдохнуть печали, чтобы замолкло горе навсегда, чтобы луна и солнце, посмотрев однажды на землю, не нашли на

ней следов крови, чтобы матери пели счастливые колыбельные песни, а дети не знали слова «война». Об этом мечтал Кайсын Кулиев. Об этом мечтает каждый разумный человек.

* * *

Человеком остаться сумей
В пору радостей и лихолетий.
Человеком остаться трудней,
Чем прожить бесполезно на свете.

(Перевод Н. Гребнева)

Стихи эти родились под пером человека, на которого жизнь обрушивала тяжелые удары, нагромождая боль, утраты, но они не сломили духа поэта, не вытравили душу его. Жестокость, злость, беспощадность были чужды Кайсыну Кулиеву.

Самым большим, изнурительным испытанием для Кайсына Кулиева было насильственное переселение балкарцев в 1944 году в Среднюю Азию. К этому времени его сборник стихов «Горы мои», находившийся в издательстве, по предложению Союза писателей СССР был представлен к Государственной (Сталинской) премии, прошел все инстанции, однако случившееся помешало стать К. Кулиеву лауреатом.

Весной 1944 года поэт был тяжело ранен. Когда он выписался из госпиталя, поехал в родное ущелье. Перед Кайсыном открылся страшный лик трагедии — полуразрушенные сакли, оставшиеся без присмотра животные, пустынные улицы. Всюду царила жестокость. Любимые горы и скалы молчали. Кайсын бродил по улицам и говорил: «Это все равно, что взять младенца и выбросить в окно морозной ночью!.. Ведь народов-преступников не бывает»³⁶.

Поэту было предложено поселиться в любом городе Советского Союза, кроме Москвы и Ленинграда, но он пошел по «кровавым следам своего оскорбленного народа», как говорил сам Кайсын, ибо «потеряв коня, о плетке не плачут».

Этому трагическому периоду истории балкарского народа К. Кулиев посвятил, как считал он сам, свою лучшую поэму «Осуят» («Завещание»), не переведенную до сих пор на русский язык.

Сейчас, когда благодаря новому курсу партии и правительства в литературе исчезают «белые пятна», и писатели все чаще обращаются к фактам и событиям, до недавнего времени преданным забвению, думается, что поэму прочитают и русскоязычные читатели.

Сам Кайсын Кулиев, к сожалению, не дожил до этих дней, но ушел из жизни, не изменив своим нравственным принципам, остался верен правде жизни — чести, совести, чувству долга. Все

³⁶ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 1, ед. хр. 19, л. 28—31.

испытания он вынес, сохранив в себе чувство собственного достоинства, поэтому его произведения правдивы своей принципиальностью, суровостью, исключительностью образов и утверждением веры человека в то, что жизнь дана для мирного очага.

«Ложь и лакировку жизни я считаю не только оскорбительными для искусства, но и малодушием или трусостью. Трагическая правда учит углубленному отношению к жизни, мужеству и нравственной чистоте»³⁷, — говорил Кайсын Кулиев, которому порой советовали забыть о случившемся. «Зачем беречь старые раны? Страшное суждение! — возмущался он. — Случившееся с целыми народами — это не просто старые раны, а трагический кусок их истории, большая частица их сердца. Это не сломанная лопата, которую можно и выбросить, и забыть»³⁸.

Несмотря на то, что в Киргизии поэт приобрел много друзей, «тяжелые испытания, не дающая душевного удовлетворения работа, постоянная боль и горе», по его словам, не способствовали особому творческому подъему. Об этом периоде К. Кулиев говорил: «Лучшие годы во многом были погублены, а мой звездный час был упущен»³⁹.

В 1946 году вместе с киргизской делегацией К. Кулиев ездил на II съезд писателей СССР, и там он еще больше почувствовал остроту своего горя: «Меня в литературе не существовало, и никого я не представлял на съезде», — с горечью вспоминал он впоследствии. И его можно понять. Немота, длившаяся более десяти лет, угнетала поэта. Но и в эти тяжкие годы К. Кулиев жил болью и любовью ко всему живому и неживому, верой и надеждой. Основные мотивы его поэзии — умение чувствовать чужое страдание, трезвый оптимизм, мужественное принятие жизни во всех ее красках — отражение судьбы самого поэта.

«Поэзия рождается из пережитого, как искра из кремния, из убеждения, тесно связанного с опытом. Люди всегда умели трудиться и сражаться. Но даже тогда, когда хватало хлеба, на земле не хватало милосердия»⁴⁰, — писал поэт.

Но Кайсыну Кулиеву повезло. Он вновь увидел родные снежные горы. По возвращении из Средней Азии поэта неоднократно избирали депутатом Верховного Совета СССР.

«Перед штурмом Турецкого вала и Перекопа Кайсын был у нас в редакции дивизионной газеты «Вперед на врага», — писал в мае 1974 года председателю окружной избирательной комиссии тов. Лесеву В. Д. Дарбни Аршавир. — В эти дни он переживал величайшую трагедию, все думал о судьбе своего народа. Он пла-

³⁷ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 1, ед. хр. 19, л. 25.

³⁸ Там же, оп. 2, ед. хр. 95, л. 113—114.

³⁹ Там же, оп. 1, ед. хр. 19, л. 33.

⁴⁰ Кулиев К. Поэт всегда с людьми. С. 23.

кал, как ребенок. Я вытер его слезы, подарил однокласснику произведенный Лермонтова (которого он безумно любил), обнял крепко и сказал: «Кайсын, дорогой! Не плачь. Наступит славный день нашей победы, твой народ вернется в свои горы и аулы, ты в один прекрасный день станешь депутатом Верховного Совета СССР. Так и получилось»⁴¹. Да, К. Ш. Кулиев до последних дней своей жизни представлял свою республику в высшем органе народной власти. Справедливость была восстановлена. Стихи, написанные в Киргизии, составили вторую книгу двухтомного издания избранных произведений поэта на балкарском языке (1958 г.). В эти же годы увидели один за другим свет поэтические сборники Кайсына «Горы», «Хлеб и роза» и др.

Молчавший несколько лет голос К. Кулиева зазвучал с новой силой.

«Надо было иметь мужества большой запас, потому что помимо походов и сражений ему пришлось испытать еще многое,— писал о К. Кулиеве Николай Тихонов в 1959 году,— что, пройдя тяжёлые испытания, он вынес все и не только не утратил, а усилил поэтическое чувство мира».

Поэт, воспевавший стойкость камня, сам проявил невиданную сдержанность, терпение, мужество. Жестокость, злость были ему чужды даже тогда, когда жизнь была его беспощадно. Кайсын был добр ко всему земному, ненавидел насилие над людьми, природой. Кинорежиссер В. Вороков рассказывает о том, как во время съемок фильма на Тереке с участием Кайсына Шуваевича они решили срубить дерево, тень которого падала на лицо поэта и портрета картины.

— Что вы, ребята,— взмолился Кайсын.— Не надо рубить... Такое чудесное дерево...

Но через некоторое время вода затопила островок и унесла это дерево.

— Смотрите, Кайсын Шуваевич, а «ваше» дерево-то унесло,— заметил один из ассистентов.

— Понимаешь, дорогой, Терек имеет на это право, а мы, люди, должны смотреть без злобы на мир, должны быть добрыми⁴².

«Должны быть добрыми» — в этой фразе весь Кайсын Кулиев — быть добрыми в любой ситуации, делать добро, пока можешь. Человек эмоциональный и до глубины души честный и порядочный в отношении к окружающим, он умел не только страдать за чужую боль, но и помочь превозмочь ее. Вот почему его поэзию люди воспринимают как своеобразный нравственный кодекс, по

⁴¹ Из архива Ж. К. Кулиевой.

⁴² Вороков В. Слово о Кайсыне // Кабардино-Балкарская правда. 1985. 9 августа.

которому они учатся побеждать жизненные невзгоды, противостоять злу, предательству, реализовать внутренние потенциальные силы, когда необходимо максимальное напряженное сил, она помогает чувствовать, словно сейсмограф, толчки добра и зла. Сам Кайсын часто сетовал, что на земле не хватает милосердия, чуткости, душевной доброты. В своих письмах читатели часто спрашивали его: В чем корень зла? Почему один калечит другого? Как к депутату Верховного Совета СССР к нему обращались нередко и те, чьи родственники совершили преступления. Кайсын считал, что с детства взрослым надо учить детей уважительному отношению к окружающим, порядочности, честности своим примером, ибо дети очень впечатлительны и легко поддаются влиянию — плохому либо хорошему. Жестокость родителей отзывается, как эхо, жестокостью в детях. Поэт любил приводить в пример балкарскую народную пословицу «Эшекни туююп ат этмезсе» — «Осла побоями не сделаешь конем». Кайсын сам с детства был воспитан своей неграмотной матерью, простой крестьянкой, тому, что жизнь — это самое ценное на свете. Жизнь — это добро и свет, порождающие душевность, тепло, чуткость, справедливость, хотя рядом с ними существует зло, жестокость. «Я никогда не забывал о том, что не зря Прометей похитил огонь для людей, а в том, что порой на земле горят дома, титан не виноват», — говорил Кайсын Шуваевич, поэзия которого оразила это его убеждение: милосердие, доброту, человечность невозможно уничтожить. Этим она сильна и помогает людям в горестные дни найти себе утешение.

М. С. Алнева из г. Майского благодарит в своем письме поэта за то, что его сердце не очерствело в трудные годы жизни, за теплые строки, которые Кайсын подарил женщинам, девушкам, матерям, очень необходимые им в будничные, в вечных заботах дни. «Я беру с Вас пример побеждать жизненные невзгоды и благодарю Вас за то, что не дали опуститься, озвереть; с Вами светлеет душа, Человек, большой друг людей. Желаю, чтобы Ваша поэзия всегда жила с народом, как корни могучего дуба на земле»⁴³, — пишет читательница.

С ней солидарна москвичка Л. Гуреева, муж которой батальонный комиссар П. П. Гуреев в августе 1942 года погиб, защищая Баксан, и навечно остался в кабардино-балкарской земле. «Огонек в тумане» я перечитала несколько раз, — писала она Кайсыну Шуваевичу в 1975 году. — Рожь, по которой Вы ползли с тяжело раненым солдатом, мне кажется высокой кукурузой, выращенной в Кабардино-Балкарнии. А я, перенесшая столько горя с двумя малыми детьми, кажется, и тогда повторяла Ваши стихи, хотя и прочитала их два года назад:

⁴³ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 1, ед. хр. 83, л. 3—4.

Искренность, умение переживать за чужую боль, радоваться каждому мгновению жизни, передавать это счастливое ощущение другим, волновать сердца и есть, видимо, то, что мы называем кулиевским искусством, которое подняло человека на небывалую высоту.

«Вашу поэзию я люблю за веру в добро и жизнь... Нравится мне Ваш черный конь на белом снегу, и ветер белый, белый, а потом зеленый, и женщина, которая купается в реке, и зеленая ветка в последний день... Но особенно меня хватают за сердце слова о чужой беде, которой люди не умеют жить,— писала поэту преподаватель ГИТИСа Н. Н. Аноева.— У людей отзывчивость, естественное человеческое чувство, с годами уходит, как вода в песок. И, наверно, поэзия может удержать его в человеке»⁴⁵.

Эмоции читателей понятны: ведь остаться равнодушным к поэтическому открытию равносильно омертвлению, бесчувственности. И люди входят в кулиевский мир, как об этом мечтал сам поэт, с доброй улыбкой, словно в новый дом, и в благодарность за чудо пишут письма, в которых восхищаются своим открытием, радуются чистоте и образности, прозрачности его поэтических картин, сетуют на то, что не могут приобрести дорогой сердцу томик стихов. По-разному воспринимают люди поэтическую стихию К. Кулиева, но все они одинаково признательны поэту: «Позвольте преклонить перед Вами колени за Ваше огромное доброе, человеческое, неизменно поэтическое сердце. Счастливы, что живу в одну эпоху с Вами, учусь у Вас быть человеком»⁴⁶,— пишет журналист Е. Сигарев из Петропавловска-Камчатского.

Поэзия К. Кулиева дорога и близка нам своей верой в человека, в его разум, помогает смотреть на мир новыми глазами, по-кайсыновски добрыми и искренними, учит воспринимать чужое горе и радость, как свое, избавляет от мелочности и комплексов. Читая стихи поэта, возникает желание быть таким же чутким, добрым и сердечным, как их автор. И сколько сил, энергии нужно было ему, чтобы подобно неслышасемому горному роднику, находить путь к сердцам людей, передавать им тепло своего мужественного и нежного сердца, свой неистребимый оптимизм, улавливать тончайшие нюансы человеческих горестей и радостей. И люди верят, как и Кайсын Кулиев, в бессмертные звезды, солнечного света, синевы неба и дорожной пыли, запаха цветов и тра-

⁴⁴ Там же, оп. 3, ед. хр. 78, л. 9.

⁴⁵ ЦГА КБАССР, ф.Р-852, оп. 1, ед. хр. 26, л. 1.

⁴⁶ Там же, оп. 2, ед. хр. 165, л. 195.

вы, колосьев и колыбельной песни — во все то, что дорого каждому здравомыслящему человеку.

«Ваши стихи просто поразили меня своею великолепною красотой. Ваши мысли о человечестве очень важны для всех народов,— писал К. Кулиеву в 1976 году учитель русского языка и литературы из ФРГ Альберт Расмуссен.— Ваша «женщина, которая купается в реке», не зная зла и смерти, вьюги, зимы и тюрьмы, и сумы, должна познакомиться со всеми людьми всех стран!

...Я порою читаю книги других советских писателей, но Ваши стихи больше меня тронули, чем все другие. Вы действительно открываете сердце человеческому горю. К сожалению, в нашем мире есть много горя. Нам надо слушать Вас, доброго поэта нашего времени!

Спасибо за Ваше искусство, дорогой Кайсын Шуваевич! Я желаю Вам вечных успехов! Восхищающийся Вами Альберт Лаврентьевич Расмуссен»⁴⁷.

Женщина купается в реке,
Солнце замирает вдалеке,
Нежно положив на плечи ей
Руки золотых своих лучей.
Рядом с ней, касаясь головы,
Мокнет тень берговой листвы.
Затишают травы на лугу,
Камни мокрые на берегу.
Плещется купальщица в воде:
Нету зла, и смерти нет нигде.
В мире нет ни вьюги, ни зимы,
Нет тюрьмы на свете, нет сумы,
Войн ни на одном материке...
Женщина купается в реке.

(Перевод Н. Гребнева)

Сколько нравственной чистоты и глубокого философского содержания в этом небольшом стихотворении, которое побудило далекого читателя написать поэту. В этом сила таланта Кайсына Кулиева — в обнаженной искренности, умении увидеть в самой обыденной картине радостные и нежные краски, восхищаться живым и неживым и заражать этим обостренным чувством других людей, помочь увидеть то, что остается в тени и не видно многим.

«Читая Ваши стихи,— пишет Л. Н. Павлова из Уфы,— хочется думать, хочется плакать. Вы даете силу, хочется пожить еще на земле... Даже камень под ногой и то хочется благословлять после чтения Ваших стихов, хочется быть лучше, добрее»⁴⁸.

⁴⁷ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 5, ед. хр. 89, л. 5.

⁴⁸ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 3, ед. хр. 78, л. 43.

Вот такие чувства вызывает поэзия К. Кулнева у каждого человека, кто добр душой, кто любит жизнь.

Очень много писем Кайсын Кулиев получал от детей с просьбами приехать в школу на встречу, выслать книги; молодые граждане страны делились с любимым поэтом мыслями о Родине, о литературе, вели откровенный разговор о своих маленьких проблемах. Ведь первое знакомство каждого советского школьника с поэзией К. Кулнева связано с «Горской поэмой о Ленине», прекрасным произведением, которое учит детей высокой гражданственности и нравственности; связано со строками об учителе Борисе Игнатьевиче, который преподавал маленьким горцам уроки «зовущего, как мир, и широкого, чарующего русского языка».

О В. И. Ленине написано немало прекрасных произведений, среди которых поэма Кайсына Кулиева занимает достойное место. Она была задумана поэтом давно. В год возвращения из Средней Азии он впервые посетил кремлевскую квартиру В. И. Ленина. «Она удивила меня своей обычностью, скромностью... Когда я увидел, как жил величайший руководитель великого социалистического государства, мое удивление и волнение заставили меня взяться за поэму»⁴⁹, — говорил Кайсын Шуваявич. И он рассказал о вожде языком горца, доступно и просто, и в то же время достаточно ярко раскрыл его образ через судьбу своего народа. Поэтому как юные читатели, так и взрослые воспринимают поэму с особой теплотой.

Фрагменты из поэмы остались на всю жизнь в памяти и журналиста А. Чеглакова, который впервые услышал ее по радио. «Еще тогда я запомнил наизусть то место, где рассказывается, как в родной аул привезли раненого Бекболата, а он даже в бреду все время вспоминал о своем бешмете, в кармане которого привез портрет Ленина»⁵⁰, — говорит он.

«Горская поэма о Ленине» Кайсына Кулиева, — пишет И. Т. Патрин из г. Волжского, — это сама жизнь, правда и любовь к вождю мира и всего человечества. Это чистейшая кровь народов, как родник, пробивающийся из зеленых глубин и растущий в полноводную реку, море и океан»⁵¹.

Но больше всего потрясает письмо группы заключенных, отбывавших срок наказания в исправительно-трудовой колонии в Мордовской АССР. Они услышали поэму в одной из радиопередач и написали Кайсыну о своих впечатлениях и попросили прислать книгу. «Поэма нам очень понравилась. К сожалению, быстрое чтение не дало нам возможности более подробно уловить все наибо-

⁴⁹ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 1, ед. хр. 19, л. 37.

⁵⁰ Там же, оп. 2, ед. хр. 177, л. 5.

⁵¹ Там же, оп. 1, ед. хр. 79, л. 37—39.

лее поэтические места поэмы. Но даже то, что нам удалось запечатлеть из прочитанного, дает нам право думать о Вас, как о настоящем, большом советском поэте. Поэтому мы загорелись желанием знать как можно больше о Вашем творчестве»⁵².

Это ли не лекарство от равнодушия, жестокости, приведших авторов письма к тяжким преступлениям! И если Кайсын Кулиев сумел пробудить в их очерствевших сердцах интерес к жизни, значит, он помог им посмотреть на себя новыми глазами, трезво оценить свое прошлое, преодолеть нравственную глухоту. В этом реализация величайшего назначения поэзии — дать ощутить человеку тепло души, воспитать в нем любовь и уважение к окружающим, умение переживать за чужое горе.

«В могучем хоре лучших поэтов Ваш голос, правдивый, с большой любовью к людям, имеет свой чистый тон, раскрывает душу сына гор,— пишут школьники из с. Забуянье Киевской области.— С чувством большой радости мы всегда встречаем Ваши стихи на страницах газет, журналов, слышим по радио и гордимся Вами. Все, о чем Вы говорите,— о Родине, о думах и заботах простых людей, труженников, о труде, о жизни, о человеке,— живет в нашем сердце»⁵³.

Поэзия Кайсына Кулиева — выражение его жизненных позиций, нравственных убеждений. Он умел смотреть на себя глазами других. Поэт обладал особым даром общения с природой, в которой он познавал необъятный и многогранный мир, видел и слышал то, что было недоступно многим, поэтому в его стихах столько философских противоречий и нет в них мнимого благополучия и красивого самодовольства. «Правда жизни в стихах Ваших сливается все с новыми исканиями простора и свободы,— писал К. Кулиеву семидесятипятилетний пенсионер из Курска В. Д. Ахрамеев в 1975 году.— Тернист путь поэтического подвига совершенно в той же мере, что и путь подвига общественного, когда велики предъявляемые к своему мастерству требования, отдаваясь сердцем, душой и умом в распоряжение поэзии. И мысленно представляю глаза, полные вдохновения, пытающиеся увидеть прекрасную высь. Как понятны Ваши все шелесты и шорохи многообразной жизни. Вы сжились с ними, пропустили через свою душу, чтобы, свободно и упоенно вынося образы и чувства, вдохнуть их в художественное выражение, щедро отдавая их людям, чтобы все люди, любящие поэзию, замороженные ритмами и сочетаниями слов, тоже отдавались самозабвенно всем явлениям жизни. Ведь люди, подобно поэту, должны в прочитанном успеть

⁵² ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 1, ед. хр. 79, л. 39—40.

⁵³ Там же, оп. 3, ед. хр. 76, л. 2.

сочетать в восприимчивости своей непосредственность и высоко-мудрие, победить косность и обыденность»⁵⁴. Автору этих строк поэзия Кайсына Кулиева помогает в дни старости сохранить чуткость, душевную щедрость, доброту, ибо именно в таком возрасте человек чувствует постоянную потребность в милосердии, в участии, ведь талант Кайсына — это порождение добра, честности и порядочности. Не зря престарелый читатель избрал эпитафией жизни строки:

Учись у Баха, что в былые годы
Боль изливал в прелюд или хорал.
У горского певца, что все невзгоды
В бесхитростную песню превращал.
Печаль твоих невзгод, твоих сомнений
Пусть станет звуком или строкой живой.
Так поступал боль превозмогший гений
И тот певец — змяляк безвестный мой.

(Перевод Н. Гребнева)

Поэт, переживший многое, выстрадавший каждую строку, столкнувшийся с невероятными испытаниями, но сохранивший при этом беспримерное высокое достоинство, близок и дорог простому человеку. Чем конкретнее его стихи, тем они жизненнее, тем больше в них философских открытий, душевных переливов и настроений, тем больше автор дарит людям духовную красоту. Поэтому понятны чувства читателя, на склоне лет нашедшего в произведениях Кайсына опору в трудные минуты: оптимизм и мужество поэта заражают всякого, кто однажды прочитал его стихи.

О том, что в дни тяжелой болезни (перенес три инфаркта, две клинические смерти) помогали жить, поддерживали стихи Кайсына Кулиева, написал житель Харькова Юрий Худенский: «И Вы, дорогой Кайсын Шуваевич, томик Ваших стихов были всегда со мной в палате, а в реанимацию, надеясь на выход, как талисман, я брал вырезку из «Литературной России»⁵⁵ с Вашими стихами»⁵⁶, — признался он в своем письме поэту.

Читательница из Рязани Н. И. Стрельцова уверена, что выжить после двух автокатастроф помогли ей именно стихи нашего земляка. «Дорогой Кайсын Шуваевич! То, что вы создаете, — поэзия в самом высоком смысле. Она чиста, как душа Вашего народа, высока и прекрасна, как горы, которые Вы так любите»⁵⁷, — писала она Кайсыну Кулиеву. «Раненый камень» поэта был с ней все

⁵⁴ Из архива Ж. К. Кулиевой.

⁵⁵ Имеется в виду подборка стихов «Здесь все мое...» // Литературная Россия. 1974. 4 января.

⁵⁶ Архив Ж. К. Кулиевой.

⁵⁷ Там же.

время, пока она была прикована к постели тяжелым недугом. К. Кулиев откликнулся на горе Н. И. Стрельцовой, написал ей теплое письмо и послал томик своих стихов. В этом поступке весь Кайсын, готовый всегда, в любую минуту помочь другим, дать возможность почувствовать человеку, нуждающемуся в милосердии, душевное тепло.

Подобные письма — тоже мерило гуманизма поэта, ибо чем больше в человеке милосердия, щедрости, тем он ближе людям. А Кайсын умел поставить себя на место других, войти в их положение и понять их. Жизнь человека, взятая в единстве его внутреннего и внешнего мира, — это отражение нравственного, психологического, духовного его содержания. Такой человек никогда не сможет стать потребителем, довольным собой и живущим спокойно, безучастно к окружающим. А К. Кулиев — один из тех поэтов, которые ценят внутреннюю чистоту, высокую нравственность и совесть. И, конечно же, читатель видит и чувствует это редкое свойство, ибо уроки совести Кайсын ненавязчиво преподает своим примером и своим творчеством.

Душевная цельность и подлинное мужество поэзии Кайсына Шуваевича подкупили и Мэри Рид, жену Джона Рида, которая в 1925 году попросила у Советского правительства политического убежища в нашей стране. Потеряв мужа, сына, пережив блокадный Ленинград, она осталась верна принципам долга, чести, не упала духом, и в этом ей в какой-то степени помогли и стихи К. Кулиева, «как воздух, прозрачные и чистые»⁵⁸.

Правда жизни без красных эпитетов, голых восторгов, радостная и горькая, с высокой моралью и мощной верой в будущее, с неприятием посредственности, лицемерия, лести, угодничества и других человеческих пороков — такова она в поэзии Кайсына Кулиева. Для большинства читателей такая правда гораздо приемлемее и ближе, чем сладкая и легкая ложь. Вот почему стихи Кайсына так помогают человеку сохранить свое достоинство в драматичные дни.

Архитектор Л. В. Дементьев из Кишинева, тяжело болевший десять лет, перед смертью в 1970 году попросил жену написать К. Кулиеву, чьи стихи поддерживали в нем бодрость, скрашивали длинные тягостные дни в постели, и пожелать ему долгой жизни⁵⁹. Возможно, Кайсын Кулиев помогал больному преодолевать трудности, возможно, давал ему энергию, чтобы не махнуть на все рукой и предаться недугу, и не давал ему упасть духом. Думаем, что признательность читателя возникла и потому, что с поэзией К. Кулиева у него сложились доверительные отношения, в

⁵⁸ Из архива Ж. К. Кулиевой.

⁵⁹ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 1, ед. хр. 79, л. 11—12.

которых он стремился восстановить свои духовные силы, найти психологическую защиту, эмоциональную поддержку. Слова поэта были для него не просто словами, а делом — не только подбадривали, но и содействовали в самом хорошем смысле. Это не удивительно, ибо в современном мире люди разучились сочувствовать, воспринимать чужие трудности, как свои, сдержанны в проявлении чувств, им не хватает тепла и нежности. А Кайсын Шуваевич был именно тем человеком, который приносил в жизнь другого особый мир.

Видимо, под впечатлением этого письма и родились строки:

...Земное завершая бытие,
Известный человек в своем народе
В свой смертный час просил читать мое
Стихотворение в русском переводе.
Возможно, под рукой у них иной
Не оказалось книги в ту минуту.
Но все ж случилось: сказанное мной
Смогло страданье облегчить кому-то...

(Перевод Н. Гребнева)

А когда поэт болел сам, он получал письма от читателей, своих друзей, в которых они писали о своем волнении за здоровье Кайсына. Приведем одно из них: «Дорогой Кайсын! Славный и добрый Кайсын Кулиев! Здравствуйте! Еще с тех пор, как я впервые прочитала стихотворение «Черный конь умирает на белом снегу», к моему восхищению и преклонению перед Вашим талантом прибавилось материнское, щемящее чувство, и теперь мне тяжело думать, что Вы больны, что пишутся больничные стихи,— писала поэту А. Баева.— Я прошу Вас: не болейте, перемогите, преодолите нездоровье, не поддавайтесь. Это не в первый раз»⁶⁰.

«...Ты и твой громадный дар нужны нам всем. Ведь самым фактом своего существования ты помогаешь жить тем, в ком еще не угасла душа и не остыло сердце»⁶¹,— писал К. Кулиеву Вл. Орлов в 1971 году, когда поэт болел.

«Пусть никогда не гаснет поэтическая звезда Кайсына Кулиева — поэта моего сердца!»⁶²— таково пожелание читателя Л. Чеберяка.

Нет, она будет долго еще светить людям, воскрешая боль за чужую печаль, вызывая любовь ко всему живому, вырабатывая умение противостоять жизненным невзгодам, будет учить их не мельчать.

⁶⁰ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 2, ед. хр. 163, л. 18—19.

⁶¹ Там же, ед. хр. 141, л. 2.

⁶² Там же, ед. хр. 165, л. 165—166.

* * *

Будем вместе
всегда и везде —
Вместе в радости,
вместе в беде.
Я без вас —
исподкованный конь
На крутом и кремнистом пути.
Я хочу нашей дружбы огонь
Через всю свою жизнь пронести.
Мы едины,
как лук с тетивой.
Я без вас,
как очаг без огня.
Буду с вами,
покуда живой.
Но и вы не оставьте меня.

(Перевод Е. Елисеева)

Больше всего Кайсын Кулиев радовался письмам друзей, собратьев по перу, тех, с кем был связан творческими узами. В них он находил радость общения, новые мысли. «Придет письмо из Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана, Киева, Минска, Вильнюса, Алма-Аты, Махачкалы, Уфы, Фрунзе, Гродно или из Элисты — и вот я снова как бы наяву пожимаю руку другу, обнимаю его, — писал поэт. — Если это счастливый мой день, то он становится еще лучше, если же трудный — мне легче побороть боль. Как замечательны они, письма наших товарищей, как притягательны их голоса по телефону, доходящие до нас, преодолев расстояния»⁶³.

Письма доносили до Чегема жизнерадостный, неистощимый дух Расула Гамзатова, душевную чистоту Давида Кугультинова, любовь Чингиза Айтматова; в них Кайсын видел обаятельную улыбку Петруся Бровки, взгляд добрых глаз Максима Тапка, слышал тонкий юмор Михайла Дудина.. Друзья, несмотря на расстояния, постоянно находились с ним, они были ему беспредельно дороги и милы. К. Кулиев всю жизнь повторял их имена с искренней любовью и остался верен им до последнего вздоха: за несколько минут до смерти он в бреду диктовал жене прощальные письма любимым друзьям...

В самые тяжелые минуты рядом с поэтом находились не только мудрые и добрые товарищи, но и произведения любимых писателей, которые оказали на его мировосприятие определенное влияние. Среди множества имен он выделял особо Пушкина и Лермонтова. Не только потому, что они знали Кавказ, воспели

⁶³ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 2, ед. хр. 93, л. 46.

его горные вершины, бурный Терек, красоту горянок. Кайсын любил их за ту радость, которая встает от их произведений, любил за веру в бессмертие жизни, оптимизм.

«У меня были горькие дни. Я обращался к Пушкину и находил в нем утешение и поддержку. Я переживал радостные часы. И опять шел к нему. И праздник мой становился несравненным. Когда я нуждался в мужестве и вере в жизнь, снова черпал их в великом поэте. В тяжкий час я чувствовал на своем плече его руку, в которой были твердость отцовской и нежность материнской руки», — пишет К. Кулиев в статье «Признание». А. С. Пушкин был для него не только гениальным поэтом, но и «источником света и энергии, прозорливости и человечности», в котором «сосредоточилось все прекрасное, что может нести в себе человек».

Великий русский поэт покорила сердце маленького горца стихотворением «Узник» и жил в его мыслях, думах, душе до последних дней жизни. Для Кайсына, жившего в далеком горном селении, отрезанном от всего мира, это была первая встреча с русской поэзией, открывшей впоследствии двери в необъятный и прекрасный мир человечности и радости, честности и бесстрашия. Об этом сам поэт писал впоследствии: «Как ни тронула мою душу судьба молодого орла, попавшего в неволю, тогда в древнем ауле, затерянном в Чегемском ущелье, почти отрезанном от остального мира горами и скалами, я еще не мог знать, что придет время и поэзия того языка, на котором написано стихотворение о плененном орле и человеке за решеткой, откроет для меня необъятный и невиданный мир предками мир, принесет столько радости. Сегодня я благодарен судьбе, что так случилось»⁶⁴.

Не переставал восхищаться К. Кулиева и М. Лермонтов, томик стихов которого поэт пронес через всю Великую Отечественную войну, и в самые горестные часы обращался к нему как к близкому и понимающему другу.

«Идеалом поэта я считаю Пушкина, именем же Лермонтова даже клялся в самые трудные дни моей жизни»⁶⁵, — говорил К. Кулиев. Это признание послужило началом дружбы поэта с лермонтовцами клуба «Парус» Липецкой СШ № 41, которые полюбили Кайсына Кулиева, как и М. Лермонтова, полюбили не только его, но и наш народ, нашу республику⁶⁶.

Так, если первые зерна поэтического мышления заронило в душу Кайсына устное творчество балкарцев, то русская классическая литература вырастила из них мощные побеги, давшие прекрасные плоды.

⁶⁴ Кулиев К. Поэт всегда с людьми. С. 40.

⁶⁵ Кулиев К. Я пришел с гор. Нальчик: Эльбрус, 1959. С. 6.

⁶⁶ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 3, ед. хр. 76, л. 1.

Как известно, в 1945—56 годах творческая деятельность К. Кулиева складывалась неблагоприятно. В это время поэт жил в Киргизии, работал спецкором газеты «Советская Киргизия», консультантом русского журнала, председателем Русской секции Союза писателей. Работа эта занимала у него много времени.

В эти тяжелые для Кайсына годы ему помогали Николай Тихонов, Борис Пастернак, Александр Твардовский. Б. Пастернак присылал книги, писал душевные письма и, как выразился сам К. Кулиев, он «постоянно чувствовал на своем плече руку этого редкостного художника, как руку Бетховена или Лермонтова... Голос его доходил до меня в моей среднеазиатской дали, как голос совести и человечности, как голос великой русской интеллигенции с ее благородными традициями поддерживать представителей культур других народов в тяжелые дни испытаний»⁶⁷, — писал Кайсын в «Автобиографии». «Если я продолжал учиться писать и вынес многие тяготы, то в этом огромная доля стараний Бориса Пастернака, наряду со всеми замечательными людьми, которых мне посылая судьба»⁶⁸.

В свою очередь Кайсын Кулиев восхищал его своим оптимизмом, человечностью и мудростью, верностью жизни и людям, стойкостью и достоинством. «Вы из тех немногих, которых природа создает, чтобы они были счастливыми в любом положении, даже в горе»⁶⁹, — писал в одном из своих писем Б. Пастернак в 1948 году Кайсыну.

Многим собратьям по перу, своим учителям Кайсын Шуваевич посвятил книгу прекрасных эссе «Так растет и дерево». И в ней тоже он, как всегда, верен художественному слову — книга написана честно и правдиво, без завышенных ноток, скидок на дружеские взаимоотношения. Поражает прекрасное знание материала, высокая литературоведческая эрудиция, культура мысли, тонкий вкус. В ней Кайсын Шуваевич проявил себя и как мастер художественного слова, и как исследователь-литературовед. Ему близки чувственная поэзия Тютчева и музыкальность стихов Пушкина, мужественные образы Лермонтова и яркие краски Жуковского, разнообразный мир песен народных ашугов и мудрость Кязима Мечиева, солнечный свет полотен Сарояна и щедрость средневековой армянской лирики, очаровывающая легкость Есенина и трагизм Блока, многогранность творчества А. Кешокова и глубина поэзии Давида Кугультинова....

Поэт выбрал такой материал, который больше всего соответ-

⁶⁷ ЦГА КБАСР, ф. Р-852, оп. 1, ед. хр. 19, л. 42.

⁶⁸ Кулиев К. Поэт всегда с людьми. С. 26.

⁶⁹ Эфендиева Т. Очень люблю Вас и верю в Вас...// Кабардино-Балкарская правда. 1987. 22 октября.

ствует его незаурядным литературным вкусам, душевному настрою и воображению.

Книга охватывает мастеров многих поколений, и в то же время в ней ощутима связь с современностью. Проза Кулиева так же пластична, эмоциональна и мудра, как и его поэзия.

«Книга хорошая по-настоящему,— писал Ст. Рассадни,— ты в ней присутствуешь зримо и обаятельно. Очень приятно, что статья время от времени взрывается лирикой, прямыми твоими выходами к читателю»⁷⁰. Читательнице из Ленинграда Е. Никитину книга «Так растет и дерево» покорила и мыслями, и языком, и подбором имен. За всем этим, по ее словам, она увидела душу Кайсына Кулиева, несущую в себе высокий гуманизм, трепет и любовь ко всему живому⁷¹. О том, что книгу прочитала с восторгом, на одном дыхании призналась в своем письме Н. Макаркина из Владимира. «Как лирично, вдохновенно, правдиво Вы пишете о поэзии, творчестве, о поэтах»⁷²,— заключает она.

«Восхитительно. Умно. Глубоко и тонко. Вы немеее, читая некоторые стихи Тютчева, а мы немеее, читая Вашу прозу!»— писала москвичка А. Драгунская.

Итак, и читатели, и критики единодушны в оценке прозы К. Ш. Кулиева — в ней поэт так же талантлив, как и в своих стихотворных произведениях.

Не менее впечатлительны и «Страницы автобиографии», в которых важны не хронологические сведения, а их осмысление Кайсыном Шуваевичем. Моральный и психологический эффект биографических фактов достаточно силен и эмоционален, ибо они оказали большое влияние на творческий потенциал К. Кулиева, ускорили его духовное развитие.

Опыт, вынесенный поэтом из житейских сражений, незримо присутствует в его произведениях. Это прежде всего опыт мужества и стойкости, не оставляющий безучастным никого, заново заставляющий осмыслить окружающий мир. Несмотря на удары судьбы, К. Кулиев сохранил уверенность в правоте своих мыслей, хотя, конечно, проскальзывают и нотки сожаления о безвозвратно ушедших годах, оставивших тем не менее след в его душе,— это удвоенное желание новых творческих поисков, чтобы наверстать упущенное.

«Это целый роман — трагический прежде всего, но и со своим свистом, как в грозу. Потрясающе»⁷³. Лучше Константина Ваншенкина не скажешь. Действительно, поэт сумел в самых обыденных

⁷⁰ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 3, ед. хр. 67, л. 1.

⁷¹ Там же, ед. хр. 77, л. 51—59.

⁷² Там же, ед. хр. 51, л. 13.

⁷³ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 3, ед. хр. 19, л. 1.

красках подняться над серостью буден, точно и эмоционально рассказать о своей жизни со взлетами и падениями, об ударах и счастливых поворотах своей судьбы. «Как много надо было пережить, пересмыслить, чтобы среди бушующих страстей, в сплошной лихорадке буден ясно, мудро и просто рассказать о главном»⁷⁴, — писал поэту после выхода книги В. Земляк.

С ним единомышлен и Г. Буачидзе из Москвы: «Дорогой Кайсын! — писал он автору. — Вашу книгу «Так растет и дерево» я воспринял как гимн дружбе народов и человеческому таланту. Читать и перечитывать ее — одно удовольствие. Кроме всего, она открыла мне еще одну сторону Вашего дарования — это прекрасное знание русского языка»⁷⁵.

Мудрость Кайсына Шуваевича состояла в том, что он умел извлекать уроки мужества из любых превратностей судьбы, учился у своих предшественников и современников красоте и величию жизни, неважно, на каком они языке говорили, в какое время жили, ибо в итоге, как говорил сам поэт, «каждый большой художник оставляет свое творчество как завещание». Он же завещал нам своими произведениями служить добру, справедливости, чести и совести. Этому он учился у других, этому учил сам, об этом он сказал однажды, выступая на Красной площади 1 Мая 1971 года: «На каком бы языке ни говорили наши матери, все равно у нас одни заботы, одни цели и стремления, ибо мы, советские люди, которых Октябрь, Ленин, Советская власть, партия сделали братьями, единой семьей. Это одно из самых прекрасных явлений в нашей жизни, в нашей судьбе, в этом наша сила, мощь, несокрушимость и счастье»⁷⁶.

Если раньше писателей разделяли языковые, культурные, территориальные барьеры, то сейчас их объединяет единая цель — служение добру, братству душ и дружбе народов. И не удивительно то, что наш земляк, поэт маленького народа, общался с собратьями по перу самых различных национальностей и при этом никогда не чувствовал никакой разобщенности.

Вот пришло эмоциональное, полное восторга письмо от Ираклия Андроникова: «И какой чудесный ты, Кайсын! Какой поэтичный, человечный и мудрый без важности! Какой ты простой и сложный (в смысле богатый), какой благородный, какой в высшем смысле слова национальный и в высшем смысле общечеловеческий. Ты, конечно, большая радость нашего века и очень сильный его выразитель»⁷⁷.

Многие годы К. Кулнев был привязан к журналу «Юность»,

⁷⁴ Там же, ед. хр. 31, л. 1.

⁷⁵ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 5, ед. хр. 88, л. 7.

⁷⁶ Там же, оп. 1, ед. хр. 18, л. 1.

⁷⁷ ЦГА КБАССР, фонд. Р-852, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1.

часто радуя его читателей новыми стихами. В архиве поэта хранятся письма покойного Бориса Полевого (тогда редактора журнала), который высоко ценил творчество поэта. «Очень добротные и мудрые стихи. По общему признанию твоих коллег,— писал Б. Полевой Кайсыну о подборке новых стихов,— это изюминка в мартовском номере «Юности»⁷⁸, просил выступить К. Кулиева на страницах журнала с напутствием начинающим поэтам.

Кайсын Кулиев был всегда благодарен подобным отзывам писателей, считал, что они «неоценнимо много дают поэту в духовном развитии, учат внутренней щедрости, уроки которой никогда не забываются»⁷⁹.

Волею судьбы Кайсын Кулиев оказался рядом с Чингизом Айтматовым на заре его творчества, читал его первые рассказы, был причастен к его первым публикациям. «Тогда казалось, что это живая, но все же обыкновенная птица, а он оказался могучим орлом, истинным поэтом, поднял киргизский материал до общечеловеческого звучания»⁸⁰,— так отзывался о Чингизе Айтматове спустя годы К. Кулиев. Свою искреннюю дружбу они пронесли сквозь всю жизнь.

Собратья по перу щедро платили Кайсыну любовью за любовь, в каждой их строке — гордость за поэта, глубокие чувства к нему.

«Живи долго так же величаво и красиво на радость нам — твоим друзьям по перу и жизни»⁸¹,— писала Кайсыну Сильва Капутикян в одном из своих писем. «Очень рад, что ты у меня есть, независимо от того, есть ли я у тебя»⁸²,— признавался ему Д. Гранин. «Я горжусь, что есть у меня на Кавказе такой друг, что рядом с белоснежным Эльбрусом сверкает его такая же высокая, поэтическая и отзывчивая душа»⁸³,— вторит им Олесь Гончар.

Стойкую нежность и неубывающую любовь питали к поэту Давид Кугультинов, Мустай Карим, Аркадий Кулешов и многие другие известные мастера слова. В их письмах очень часто звучало сожаление о том, что они не могут читать стихи Кайсына в оригинале, а Нафи Джусойты писал о своей мечте пренести в Нальчик, выучить балкарский язык, пожить некоторое время рядом с поэтом⁸⁴. В. Быков признавался, что книги К. Кулиева будут у него среди самых дорогих ему и в сердце его⁸⁵, Иршат Вер-

⁷⁸ Имеется в виду подборка стихов «Я жил, работал во имя хлеба», «Давид Кугультинову», «Вечер» // Юность. 1972. № 2.

⁷⁹ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 2, ед. хр. 93, л. 46.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же, оп. 1, ед. хр. 44, л. 1.

⁸² Там же.

⁸³ Там же, оп. 5, ед. хр. 46, л. 1.

⁸⁴ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 1, ед. хр. 38, л. 1.

⁸⁵ Там же, ед. хр. 30, л. 1.

часов писал о том, что упивается поэзией Кайсына, дышит ею и за каждой строкой чувствует поэта доброго, честного и благородного народа⁸⁶, Назар Наджми восхищается скромностью поэта⁸⁷, А. Кулешов скучал без «мудрых глаз, сердечных слов, дружеской улыбки Кайсына»⁸⁸. К. Ваншенкин пишет: «...Кайсын Кулиев — прекрасный поэт. Мы должны в поэзии поклониться нашим замечательным переводчикам, которые открыли для русского читателя Кайсына Кулиева»⁸⁹.

Долгие годы писала Кайсыну и поэтесса из ГДР Марта Вебер, полюбившая его за мужество, любовь к горам, к своей маленькой Балкарни. «С того момента, как я прочитала Ваше письмо, Вы стали мне каким-то образом внутренне близки, как друг, которому можно довериться во многих вещах... Литература — то же самое, что музыка: у нее нет границ, и она чувствует себя как дома там, где люди исполнены добрых намерений и принимают ее с благодарным сердцем»⁹⁰, — призналась она в одном из своих писем.

Многое делал К. Кулиев и для развития братских литератур: участвовал в съездах писателей, писал отзывы на новые книги, помогал начинающим поэтам, если чувствовал в этом необходимость. Особенно дороги были ему армянская и грузинская литературы, о которых поэт оставил прекрасные эссе. За многолетнюю плодотворную работу по пропаганде армянской литературы и укреплению дружбы народов СССР К. Ш. Кулиев Указом Президиума Верховного Совета Армянской ССР от 23 декабря 1975 года был удостоен звания заслуженного деятеля культуры Армянской ССР. По этому поводу Левон Мкртчян шутливо писал: «Дорогой Кайсын! Ты теперь не просто армянин, а заслуженный армянин. Еще раз поздравляю и приветствую тебя, великого кавказца!»⁹¹.

В меру своих возможностей К. Кулиев оказывал помощь начинающим литераторам. Вот отрывок из письма Г. Гагиева из Грозного: «Вы для меня не просто знаменитый поэт, знакомством с которым можно гордиться. Вы для меня — любимый поэт, учитель в поэзии. Первое знакомство с Вашими стихами просто потрясло меня. Я тогда страдал от того, что не мог нащупать свою главную тему, определить свой поэтический кодекс»⁹². Стихи Кайсына Кулиева помогли молодому поэту найти свою тему — тему любви к людям, служения добру.

⁸⁶ Там же, оп. 3, ед. хр. 20, л. 1.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, оп. 3, ед. хр. 42, л. 1.

⁸⁹ Там же, оп. 1, ед. хр. 131, л. 1.

⁹⁰ Там же, оп. 5, ед. хр. 42, л. 1.

⁹¹ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 5, ед. хр. 116, л. 1.

⁹² Там же, оп. 5, ед. хр. 43, л. 2.

Себя Кайсын не относил к выдающимся поэтам и даже вообще к поэтам: он называл себя литератором. Поэзией добра и света обычно называют его творчество. И это действительно так. Ведь поэзия Кайсына порождена верой в будущее, разумом и благородством, утверждением жизни и причастностью к страданиям людей, нежностью к земле. Вот почему его поэтическое слово становится своего рода путеводителем для начинающих, утешением в горестные минуты даже самым сильным.

Кайсын Кулнев и сам обращался к своим друзьям за опорой и поддержкой, надеждой, чувствовал их всегда рядом, в их произведениях он находил, безусловно, источник мудрости и доброты. К. Кулиев — тот человек, который и в дни лишений и бедствий находил радость общения с близкими ему по духу людьми. Чем больше он переживал, тем больше он любил, тем мудрее становился.

Даже в последние дни своей жизни поэт мужественно боролся со своим тяжелым недугом, старался не терять оптимизма. На его высохшем лице так же молодо, как и прежде, горели его глаза, мудрые и полные света. А у его постели, на журнальном столике, лежали книги Стефана Цвейга и Александра Блока. Их, очевидно, Кайсын перечитывал не случайно. Ему нужен был С. Цвейг с его драматическим трагизмом, нужен был и А. Блок с его ощущением вечности, незыблемости, красоты. Цвейг — это возвращение в прошлое, а Блок — вера в будущее. Изнурительная болезнь не вытравлила душу Кайсына, не сломила его дух. Поэт остался верен себе, своим нравственным принципам, правде жизни, сохранил чувство собственного достоинства до последних минут.

Так поэт прожил свою жизнь — на радость всем живущим, несмотря на тяготы и испытания.

Слава, известность, признание не прибавили поэту самоуверенности, самоуспокоенности: он не любил литературных восторгов и шумного блеска, ослепляющей мишуры и громких фраз, хотя судьба и вознесла его на высочайшую вершину славы. Кайсын Шуваевич хотел, чтобы его произведения приносили радость людям, были нужными в горе и счастье, в дни болезни и удачи. Да и сам поэт познал сполна это счастье — счастье общения с людьми. Творчество его — это своеобразный отчет за прожитую жизнь — трагичную и прекрасную, недолгую и в то же время вмещающую целую эпоху — он родился вместе со страной, был очевидцем ее грандиозных свершений и больших исторических событий, с которыми неразрывно была связана и судьба Кайсына Шуваевича, чрезвычайно емкая и насыщенная. Биография его — живая летопись мужественного труда не только самого поэта. В этом его счастье как поэта, ибо он увидел свет в то время, когда Октябрь воплотил надежды и чаяния его народа в жизнь. Твор-

чество Кайсына — судьба балкарского народа с его трагедиями и радостями, любовью и мудростью, бескомпромиссностью и неприятием фальши и лицемерия, хамства и оскорбления личности.

Таким он был — Кайсын Кулиев — скромным, обаятельным, любящим и любимым; таким ушел в бессмертие, стойким и добрым, ненавидящим сытость и самодовольство; величественным, как наши горы, оставаясь символом веры в бессмертие звезд, света колыбельной песни матери, — всего того, что дорого каждому разумному человеку.

В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ...

...Бывает, что вдруг твой конь превращается в корову. Хотя корову мы все очень любим, конь должен оставаться конем¹.

Кайсын Кулиев

Большое влияние на становление и развитие балкарской литературы, как и на все национальные литературы, оказало знакомство писателей с богатым культурным опытом других народов СССР, в особенности с русским классическим наследием. «Двум матерям обязаны литературы Северного Кавказа своим рождением, ростом, развитием,— писал Р. Гамзатов.— Их колыбель качали руки родного фольклора, устная народная поэзия. Но потом их взяла на плечи и уверенно подвинула к возмужанию великая русская литература, наша вторая мать»².

Одним из способов познания поэтических приемов известных художников слова для балкарских писателей был процесс перевода на родной язык, который, естественно, носил целенаправленный характер: отбирались те произведения, которые отвечали эстетическим и художественным запросам читателей.

Первые переводы на балкарский язык связаны с созданием письменности после Октября. Писатели получили возможность через газету донести свои произведения до широких кругов читателей.

Знакомство балкарцев с переводами из других литератур, в частности, русской, началось с конца 20-х — начала 30-х годов. В начале это были отдельные произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Некрасова. Так, первым печатным произведением, которое поразило К. Кулиева, был «Узник» А. Пушкина в переводе на балкарский И. Каракетова, чуть позже «Бородино» М. Лермонтова.

Первые балкарские поэты К. Мечиев, Б. Гуртуев, С. Шахмурзаев стремились отразить в своих произведениях новые события, происходившие в жизни страны,— революцию, гражданскую войну, первые шаги социалистического государства. Однако, их произведения носили романтический характер, они часто прибегали к традиционным фольклорным сюжетам. Отсутствие опыта, книжно-письменных традиций сковывало писателей, поэтому им необходимо было учиться у русских и зарубежных классиков литературы.

¹ Литературная газета. 1975. 1 января.

² Гамзатов Р. Дочь двух матерей // Литературная газета. 1959. 8 октября.

К концу 30-х годов ими были переведены произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, Байрона, Свифта. Такая переводческая работа имела как познавательное, так и эстетическое значение. Эти переводы стали для балкарских писателей первыми уроками постижения азов литературного мастерства, формирования своего читательского круга.

К концу 30-х годов были переведены романтические произведения М. Горького, «Герой нашего времени» М. Лермонтова, «Тарас Бульба» Н. Гоголя и др.

Однако первые переводы в силу объективных причин страдали определенными погрешностями: они носили буквалистический характер, т. е. переводчики стремились воссоздать не образы, а передать лексические средства произведений. И все же это были первые переводы, и им надо отдать должное. Молодые писатели, благодаря переводам, учились у русских и зарубежных мастеров слова отбору языкового материала, построению сюжета, образной характеристике описываемых предметов, событий, т. е. прокладывали себе путь к социалистическому реализму. С другой стороны, балкарские писатели способствовали становлению литературного языка, обогащали его новыми словами и выражениями.

Большую помощь молодым писателям оказывало Кабардино-Балкарское правление Союза писателей, созданное в 1934 году на основании постановления I съезда писателей; оно решало вопросы о творческой деятельности писателей, руководило литературным объединением молодых писателей, осуществляло переводы, организовало политическую и литературную учебу писателей³, активизировало издание художественных произведений в сборниках «Песни Красной Балкарнии», «Кабардино-Балкарния».

В первые годы Советской власти, когда население только приобщалось к грамоте, большое значение приобретает театр.

Деятельность первых театральных кружков начинается сразу после освобождения Северного Кавказа от белогвардейцев. В 1933 году в Нальчике была организована театральная студия для обучения ста молодых людей театральному мастерству, а в 1936 году был открыт русский драматический театр, который поставил ряд спектаклей по пьесам классиков и советских драматургов. В ноябре 1939 года постановкой драмы «Любовь Яровая» К. Тренева начал свою деятельность Балкарский колхозно-совхозный театр, для которого были также переведены пьесы «Чемпион мира» О. Фоминой (перевод Б. Гуртуева, 1936 г.), «Гибель эскадры» А. Корнейчука (перевод К. Отарова, 1937 г.).

Ознакомлению с реалистическим искусством способствовала переводческая деятельность Кайсына Кулиева, перу которого на

³ ЦГА КБАССР, ф. Р-693, оп. 1, л. 1.

родном языке принадлежат тексты таких произведений, как «Броиспоезд 14—69» В.с. Иванова, «Фуэнте Овехуна» Лопе де Веги, «Проделки Скапена» Мольера.

Благодаря переводческой деятельности Кулнева, балкарцы получили возможность ознакомиться со многими произведениями русской и советской литературы. Он в переводах стремился сочетать традиционные формы своей поэзии с новыми принципами образного мышления. Это углубляло его мироощущение, способствовало совершенствованию литературных жанров, стихотворной техники.

Процесс переводческой работы для балкарских писателей был одним из способов проникновения в творческую лабораторию мастеров художественного слова, чей опыт оказывал благотворное воздействие на формирование и становление авторской индивидуальности.

Ориентация балкарских писателей на лучшие достижения мировой литературы, их учеба у русских и советских художников увеличивают количество переводов с других языков народов СССР и усиливают межнациональные контакты, взаимный обмен переводами.

Наиболее плодотворными для балкарских писателей стали 60—80-е годы — время широкой популярности их произведений на других языках, что является свидетельством признания молодой литературы в нашей стране и за рубежом. Однако сами переводы зачастую страдают серьезными недостатками, не доносят до читателей особенности оригинала. Так, например, роман «Горные орлы» Ж. Залиханова (перевод А. Толмачева) на русском языке лишен многих реалий, придающих ему национальный колорит. То же самое можно сказать и о переводе другого романа писателя «Горящие сердца» (перевод Лебедевой): образы в нем несколько нивелированы, ступшеваны. Дух, энтузиазм молодежи в годы первой пятилетки воспринят переводчицей не в полной мере. Эти издержки чувствует и сам автор, который немало переводил и прекрасно знает возможности переводчика. Перу Ж. Залиханова принадлежат переводы романа «Герой нашего времени» М. Лермонтова (в соавторстве с Х. Кациевым), «Сын» Т. Шевченко и др.

В начале 60-х годов развивается и перевод с других языков на балкарский язык. Салиху Гуртуеву принадлежат прекрасные переводы стихотворений: «Матери» С. Есенина, «Жди меня» К. Симонова, произведений Н. Тихонова, Б. Кербабаева, М. Карима и др. Благодаря ему знаменитый «Памятник» А. Пушкина зазвучал на балкарском языке. Перевод с поразительной точностью передает сложную, эмоционально насыщенную образную систему стихотворения.

Мен кесиме ишлегенме эгерме,
Халкъны манга келген жолун ханс басмаз...

Мен ёлюп кетсем да, жүрегим жашар
Мени намуларымда ёмюрлеге...

Надо подчеркнуть, что С. Гуртуева-переводчика отличает прежде всего бережное, добросовестное отношение к переводимому материалу. Он по крупницам, долго и упорно, в течение 10 лет переводил «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели. Поэт скрупулезно изучал историю Грузии того периода, перечитал всю имеющуюся на русском языке литературу о Ш. Руставели. Переводил по подстрочнику. Работа С. Гуртуева высоко оценена читателями и мастерами слова. Книга разошлась в считанные дни. Вот что писал К. Кулиев: «Перевод Салиха я считаю вкладом в нашу поэзию, событием в ее развитии. Такая работа требовала от поэта не только незаурядного дарования, но также большого трудолюбия, усидчивости, дисциплины, знаний. Кроме прочего, поэма переведена размером подлинника — шаири. Это удавалось далеко не всем переводчикам в республиках»⁴.

Адекватность оригиналу — основной принцип, которым руководствуется С. Гуртуев в своем нелегком труде. Он переводил на балкарский язык и произведения В. Маяковского, которые, казалось бы, невозможно выразить средствами другого языка, сохраняя их форму.

Классны мыймысы,
классны иши,
классны кючю,
классны махтауу —
ма олдун партия.
Партия бла Ленин —
эгиз къарындашла,—
Историяда бармыды
аладан багъалы бизге!
Биз Ленин дейбиз,—
партияны эсге ала,
Партия десек, Ленин тюше
эсибизге⁵.

Перевод наглядно показывает, что отбор лексики С. Гуртуевым проводится с учетом не только грамматических возможностей балкарского языка, но и определяется жанровой принадлежностью, ритмикой, стилистической направленностью оригинала. Перевод поэмы «Владимир Ильич Ленин» В. Маяковского требует не формальных, а функциональных соответствий. Тесная связь языковых элементов с содержанием оригинала и стилиевой направленностью произведения позволили переводчику добиться наивысшей близости к оригиналу. В этом С. Гуртуеву, несомненно, помо-

⁴ Кулиев К. На виду у гор // Гуртуев С. У белой реки на виду. Нальчик, 1983. С. 7.

⁵ Гуртуев С. Жулдузла жарыгы. Нальчик, 1980. С. 115.

гает прекрасное знание обоих языков, мировой литературы и редкое гармоничное сочетание двух дарований — поэта и переводчика.

С. Гуртуев является членом главной редколлегии по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей при Союзе писателей Грузии.

Плодотворно занимаются переводческой деятельностью и поэты С. Макитов, И. Бабаев, М. Мокаев.

Искусству перевода трудно научить, если человек лишен литературной грамотности, азы которой должен постигать каждый писатель сам.

Правление Союза писателей Кабардино-Балкарии направило в 1973 году несколько человек на переводческое отделение Литературного института им. М. Горького в надежде получить профессиональных переводчиков, знающих язык. Но никто из них не стал переводчиком. Очевидно, в какой-то степени в этом виновато правление СП: видимо, отбор кандидатур был проведен не очень тщательно.

Сегодня практически все балкарские писатели представлены на русском языке и других языках народов СССР.

Поэтические сборники К. Кулиева изданы не только на русском языке, но и на английском, монгольском, польском, чешском, болгарском, украинском и многих других языках народов мира. В числе своих учителей Кайсын Кулиев называет Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Романа Роллана и Стефана Цвейга, Лорку и Верхарна, Есенина и Шолохова. «Раньше трудно было даже мечтать, чтобы так скоро — с точки зрения исторических масштабов — в созвездии талантливых поэтов нашей многонациональной страны засветились такие яркие звезды поэзии, как аварец Расул Гамзатов или балкарец Кайсын Кулиев, пишущие на родном языке и широко переводимые на языки других народов, — писал А. Микоян. — Это выдающиеся поэты из малых народов, но они стали такими же популярными и любимыми в стране, как талантливые поэты больших народов»⁶.

Поистине художественный перевод открыл поэта малочисленного народа людям самых разных национальностей. Словно яркая радуга, он соединил снежные вершины Кавказа с дальними равнинами и океанами.

В 1972 году Кайсын Кулиев в составе писательской делегации был во Франции. На встречу с поэтами в университет Экс-ан-Прованс пришли люди разных политических убеждений и взглядов. И несмотря на то, что во Франции в последние годы интерес к поэзии упал, одна из самых больших аудиторий, к удивлению всех, была заполнена. И это в стране, где сборники стихов Поля

⁶ Микоян А. Слово к молодым // Юность. 1972. № 12. С. 4.

Элюара пылятся на книжных полках. Такое большое внимание было уделено советским писателям.

А в Марселе у Кайсына Шуваевича спросили:

— На каком языке пишете Вы, мосье Кулиев, и Ваш друг Расул Гамзатов?

— Я на балкарском, Расул — на аварском, — последовал ответ.

— И Вас так широко читают в Советском Союзе? — удивился собеседник⁷. Его можно понять: каждая новая книга Кайсына Кулиева приносит радость всем, кто знаком с поэтом. Об этом говорят и письма, которые получал поэт.

«Дорогой Кайсын, спешу обрадовать тебя накануне Нового года, — писал Ата Атаджан из Ашхабада в 1971 году. — Отныне наш Кайсын стал говорить и звонко петь и на моем туркменском языке.

Переводы очень добротные и звучат они по-настоящему. Это первая туркменская ласточка. Она, наверно, потянет за собой стаю крылатых песен Кайсына в Каракумские просторы»⁸.

Вацлав Яелинек, переводчик из Праги, в одном из своих писем признался поэту, что стихи Кайсына нравятся своей точностью, глубиной изображения человеческого чувства⁹. Он автор переводов многих произведений К. Кулиева.

Другой переводчик Кайсына Витольд Домбровский, издавший его томик в серии лучших поэтов мира на польском языке, искренне благодарит в одном из своих писем К. Ш. Кулиева за радость общения с высокой и мужественной поэзией¹⁰.

И подобных писем в архиве Кайсына немало.

В связи с такой популярностью произведений нашего земляка актуальна и проблема адекватных оригиналу переводов. На протяжении ряда лет уже определился и круг переводчиков, которые постоянно знакомят русских читателей с К. Кулиевым, — это Н. Гребнев, О. Чухонцев, М. Дудин, С. Линкин, И. Лиснянская и другие. Авторы переводов стараются донести до читателей не только глубину образного мышления, но и самобытный, национальный колорит поэта.

Сам Кайсын Шуваевич к переводческому делу относился с большой ответственностью, он считал, что «каждый должен добывать себе хлеб, делая то дело, которое он знает, любит и делает хорошо»¹¹, т. е. поэт категорически исключал отношение к переводу как к ремеслу. Для него очень важно было, как переводят: слабо, бесцветно или с сохранением всех достоинств стиха. При

⁷ Литературная газета. 1973. 17 января.

⁸ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 2, ед. хр. 163, л. 15.

⁹ Из архива Ж. К. Кулиевой.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 1, ед. хр. 17.

том Кайсын Шуваевич справедливо упрекал и за переводы тех книг, которые ничего не дают ни литературе, ни читателям. Перу его принадлежат переводы произведений М. Лермонтова, Байрона, Махтумкули, К. Хетагурова. Много переводил поэт и с киргизского языка, который он изучил за два года. Деятельность К. Кулиева как переводчика и литературного консультанта Правления Союза писателей Киргизии имела важное значение не только для самого поэта, но и для развития киргизской литературы. В частности, перевод романа «Среди гор» Т. Садыкбаева, удостоенного Государственной премии СССР, был сделан именно Кайсыном Шуваевичем¹².

Поэт великолепно сочетал писательский труд с переводческой деятельностью, ибо одинаково прекрасно владел как родным, так и русским языком.

Он хорошо знал, как дорог переводческий хлеб, так как сам познал его вкус.

В 1964 году К. Кулиев перевел для балкарской труппы драмтеатра «Отелло» Шекспира. «Передо мной стояла гора,— писал он после завершения работы.— Мне надо было взойти на нее, но я не знал, с какой стороны подойти к ней. Гора была так высока, что вершины ее я не видел.

Работа над переводом «Отелло» еще больше убедила меня в силе и гибкости родного языка. Тюркские языки создали великодушных поэтов. Достаточно назвать Физули, Навои, Махтумкули, Габдуллу Тукая, Кязима Мечнева и Назыма Хикмета...»¹³.

Процесс перевода доставлял Кайсыну огромное наслаждение: «Я как бы сражался, не щадя себя, будто мне угрожала опасность, мне было трудно и хорошо, как в праведном бою. Я сделал честно все, что было в моих силах, чтобы Шекспир заговорил по-балкарски так, как ему вообще положено говорить в любой стране»¹⁴,— писал он впоследствии.

И к чести поэта он выдержал этот бой блестяще. На премьере спектакля К. Кулиев радовался до слез, что Шекспир зазвучал на балкарской сцене очень естественно и сильно.

Поэта часто спрашивали о том, почему он сам не переводит себя. В одном из интервью «Литературной газете» Кайсын сказал: «Стихи нельзя переводить, так как это другой ритмический мир. Однажды выразив на одном языке эту ритмическую стихию, на другом языке сам себя не переведешь. Невозможно»¹⁵.

Вместе с тем он с особой благодарностью относился к тем пе-

¹² Там же, оп. 5, сд. хр. 33, л. 2.

¹³ Кулиев К. Прими цветы балкарских гор // Литературная Россия. 1964. 24 апреля.

¹⁴ Кулиев К. Прими цветы балкарских гор // Литературная Россия. 1964. 24 апреля.

¹⁵ Литературная газета. 1975. 1 января.

реводчикам, которые расширяли круг его читателей, хотя знали, что переводы не всегда совпадают с оригиналом.

Произведения Кайсына Кулиева стали переводиться на русский и западноевропейские языки еще в сороковые годы. Уже тогда стихи поэта, эмоциональные, душевные, полные большого гуманистического начала, привлекали к себе внимание читателей.

Первым переводчиком Кайсына Кулиева было трудно: стихи из-за своей видимой простоты и при этом глубины содержания трудно было перевыразить на русском языке. Вот что писал в марте 1943 года А. Деев поэту: «Видимо, все же стихи сложноваты для них, не устраняют их своим настроенным, внутренним звучанием, которое очень трудно передать».

Пришлось нам привлечь к переводам Льва Шифферса. Он делает очень близко, точно, хотя иногда не хватает у него огня. Перевел ряд стихов Д. Бродский, но мне не очень нравится его работа. Он слишком старается что-то изобразить, и получается вычурно. Иногда грубоваты слова, вроде «огонь пожрал». А у тебя ведь слова очень просты и не словами ты добиваешься высоких эмоций»¹⁶.

Первыми переводчиками поэта на русский язык были В. Звягинцева, Н. Тихонов, Д. Кедрин, Д. Бродский, Л. Шифферс и др., а в последние годы — Н. Гребнев, О. Чухонцев, Я. Козловский, Б. Ахмадулина, Л. Шерешевский, Д. Долинский, М. Дудин, С. Липкин... Существует мнение, что Кайсыну Кулиеву повезло в русском переводе. «В практике перевода с языков народов СССР его случай — один из самых счастливых. «Русский» Кулиев обладает завидной для многих собратьев цельностью и определенностью стиля — и это при том, что у него все-таки не один, а несколько переводчиков»¹⁷. «Кстати, Вам повезло с переводчиком (имеется в виду Н. Гребнев — С. Б.), он никогда не изменяет изяществу, тонкости, задушевности, поэтичности в своем творчестве. Во всех его работах всегда и всюду чувствуешь рядом с подлинным почерком переводимого поэта его, Гребнева, мягкую, трепещущую душу и обаяние»¹⁸, — писала Кайсыну Шуваевичу и узбекская поэтесса Зульфия.

Адекватность художественного перевода во многом зависит от верной передачи речевых средств, использованных в оригинале, так как именно они в первую очередь являются критерием оценки творческой индивидуальности того или иного мастера слова.

Любая, кажущаяся на первый взгляд незначительной деталь в художественном произведении может подчас нести на себе определенную эстетическую нагрузку, таить в себе глубокий под-

¹⁶ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 6.

¹⁷ *Рассадия Ст. Вторая родина*.// *Мастерство перевода*. М.: Советский писатель. 1973. Вып. 9. С. 15.

¹⁸ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 5, ед. хр. 55, л. 1.

текст, и если переводчик не уловит эту особенность оригинала, мысль автора может утратить свою полновесность, исказиться. В конечном счете это, как правило, приводит к ослаблению эмоционального заряда образа, притуплению его остроты.

Кайсын Кулиев вдумчиво выбирает такие средства, которые позволяют ему при максимальной компактности поэтической речи достичь глубины и полноты в изображении того или иного явления. Умело используя все лексико-фразеологическое многообразие родного языка, он создает яркие и неповторимые образы. Поэзия его соткана из языковых средств самых различных экспрессивно-эмоциональных оттенков, она богата и многоцветна. Словесная палитра К. Кулиева позволяет ему дать в одном стихотворении при необычайной простоте речевых средств причудливое сочетание самых различных красок. Вместе с тем К. Кулиеву свойствен строгий подход к отбору языкового материала, по слову его, независимо от своей стилистической принадлежности, каким бы ни было стертым и обыденным, в художественной речи может приобрести новые оттенки и даже значения. Оно, «подобно лакмусовой бумажке, которая окрашивается то в синий, то в красный цвет, в зависимости от того, что на нее действует: щелочь или кислота»¹⁹, т. е. подчинено идее автора и характеру создаваемого образа.

Обратимся к анализу перевода изобразительно-выразительных средств К. Кулиева; на наш взгляд, это очень важно, ибо соотношение смыслового объема и стилистической окраски слова в структуре того или иного поэтического средства является одной из характерных черт индивидуального стиля автора, его творческого почерка.

Важную роль в художественной речи К. Кулиева играют образные сравнения, отличающиеся разнообразием и оригинальностью, свежестью и колоритом. Они, как и другие средства поэтической выразительности К. Кулиева, — плоды его творческих поисков.

Основой для образных сравнений поэт берет общеупотребительные слова, обозначающие самые различные предметы и явления окружающего мира. Нередко они объединяются по выделенному им самим признаку, т. е. объект сравнения и предмет сравнения могут в действительности не иметь между собой никаких связей: «О бушуу — кесилген терек» — «О горе ты, срубленное дерево»; «О бушуу — кюл болгъан сабап» — «О горе ты, превратившаяся в золу пашня»; «Кюн таза эди, анамы жашауунлай, тилеклери, жюреги, ниетича» — «День был ясен, как жизнь моей матери, мольбы, ее сердце, душа»; «Заман неси ёлген атча бара» — «Время идет, как конь, потерявший седока» и т. д. А в

¹⁹ Пустовойт П. Г. От слова к образу. Киев: Радянська школа. 1974. С. 48.

стихотворении «Гюржюпо поэтлерине» — «Поэтам Грузии» К. Кулиев поэтическое слово сравнивает с прыжком тигра, с тихим покачиванием колыбели, с течением быстрой реки, с рассветом, с ревом оленя, со сверканьем молнии, с белым цветением алычи, с выхваченной из ножен саблей. Для сопоставления поэтом выбраны имена существительные *кӟаплан, бешик, танг, буу, суу, элия, эрик, кӟылыч* в сочетании с причастиями. Некоторые из них подкреплены эпитетами *шош, терк, акӟ*, придающие конкретность сравнениям. Подобные сопоставления несут читателю не только определенную информацию, оказывают на него эстетическое воздействие, но имеют и познавательное значение в том смысле, что значения общеупотребительных слов, вовлеченных в сравнения, наполнены новыми оттенками и нюансами.

Ваше слово — прыжок тигра,
тихое покачивание колыбели,
течение быстрой реки,
словно рассвет, рев оленя,
сверканье молнии, белое цветение алычи,
словно выхваченная из ножен сабля.

(Подстрочный перевод)

Необходимо подчеркнуть, что «анализ по подстрочнику, как верно отметил Э. Елигулашвили, неизбежно ограничен и условен. Подстрочник, даже самый добросовестный и тщательный, анемичен, лишен мускулатуры ритма, фонетической организованности, дисциплинирующих параллелей рифм. И тем не менее так целесообразнее».

В оригинале поэт сталкивает стилистически нейтральные слова с казалось бы далекими друг от друга и несовместимыми значениями. И все же они приобрели в конкретной ситуации яркую образность и сделали язык стихотворения эмоциональнее и богаче. Подобные смелые и неожиданные сравнения несколько необычны и в то же время очень выразительны и звучат на карачаево-балкарском языке совершенно естественно. Выбор их К. Кулиевым не случаен: он хочет показать широту, размах, силу, безграничность поэтического слова.

Как же переводчик сохранил и богатство речевых красок, и необычайную простоту стихов:

Ваше слово, словно рев оленя,
боль его, его сердцебиение,
в миг, когда он слаб, как человек.
Ваше слово лепко, словно глина,
словно молния, неотвратимо,
нежно, словно молодой побег.

(Перевод Н. Гребнева)

Первое сравнение переводчик усилил введением в его состав двух имен существительных — боль, сердцебиение. По структуре оно равно сложноподчиненному предложению. Такое распространение сравнения мотивируется стремлением переводчика восполнить потери: из семи сравнений эквивалентом переданы два, заменены два, остальные потеряны. Несмотря на эти расхождения, которые, видимо, вызваны тем, чтобы стихи звучали на русском языке естественно, непринужденно, эмоциональность, образность, ритм и мелодия стихов переданы правильно.

Интересно развернутое сопоставление поэтом своих стихов с различными предметами и явлениями действительности: Кайсын Кулиев дает им как бы определение.

Мои стихи — ручьи в горах,
птицы, радующиеся весне,
побеленные снегом деревья,
зеленеющие летом деревья,
мальчишки, катающиеся на осликах,
ашки, в которые они играют.

(Подстрочный перевод)

На этот раз Кайсын Кулиев использовал бессюзные сравнения, выраженные именами существительными *суучукъла*, *чыпчыкъла*, *терекле*, *жашичыкъла*, сделав тем самым акцент на предметах сопоставления. Вступив в определенные смысловые связи, стилистически нейтральные лексемы в контексте, помимо основной, номинативной функции, выполняют и другую, более важную для художественной речи, — эстетическую, и в общем способствуют усилению образности произведения. Предметы и явления природы в данном случае сами по себе не важны для К. Кулиева, они привлекли его внимание как средство передачи его ассоциаций. В то же время каждое слово, использованное К. Кулиевым, не утрачивает своего предметного значения.

Главная мысль стихотворения — перу поэта подвластны самые различные мотивы, темы, проблемы, ведь жизнь многообразна и многогранна. Об этом свидетельствуют и ассоциации, показывающие многомерность стихов поэта: они охватывают все — от маленького ручейка, журчащего на земле, до птиц, парящих в небе.

Мои стихи — ручьи, они журчат,
теряются в потоках на равнине.
Мои стихи — стрижи, они парят
и растворяются в бескрайней сини.
Мой стих — искрящийся на солнце снег,
он принесет вам радость и растает.

Мой стих — не вечный, но живой побег,
он расцветает в срок и увядает.
Мой стих неожиданный, словно чей-то крик,
он смолк внезапно, так же, как возник!

(Перевод Н. Гребнева)

В переводе сравнения более развернутые: переводчик назвал не только объекты сопоставлений, но и указал на их действия, которые выражены глаголами *журчать*, *парить*, *растворяться*, *принести*, *растаять*, *увядать*, и этим усилил динамичность образа. Сопоставления представляют собой в основном сложносочиненные предложения, состоящие из двух простых предложений, которые образуют вместе нечто единое по смыслу. Не передано одно сравнение «ала ойнагъан ашыкъла».

Несмотря на субъективность ассоциативных признаков, образные сравнения Кайсына Кулиева характеризуются предельной конкретностью и близостью к изображаемому, строгим лаконизмом. Так, в стихотворении «Қолыбельная горе» поэт, обращаясь к горе, сопоставляет ее с пахарем, счастливым ребенком, с уставшим человеком.

Жукъла, бол тыш кечели,
солу, сабанчы кибик.
Насыялы сабий кибик,
Жукъла, тау, жукъла,
арыгъан кибик.

Нетрудно заметить, что К. Кулиев очень экономно и компактно, благодаря словесной образности, добился наивысшей выразительности, предметной точности и зрительной наглядности. Он как бы шаг за шагом формирует образ, раскрывая в нем новые стороны.

Первые два сравнения выражены именами существительными *сабанчы* (пахарь), *сабий* (дитя), а последнее — субстантивированным причастием *арыгъан* (уставший). Все имена существительные, употребленные в стихотворении, а их тридцать два, обозначают конкретные понятия. Лексика самая обыденная. Три простых сравнения, которые соотносятся с короткими нераспространенными предложениями, свидетельствуют о лаконичности словесных образов.

«Если писатель, работая, не увидит за словами того, о чем пишет, то и читатель ничего не увидит за ними.

Но если писатель хорошо видит то, о чем пишет, то самые простые и порой даже стертые слова приобретают новизну, действуют на читателя с разительной силой и вызывают у него те мысли, чувства и состояния, какие писатель хотел ему передать»²⁰, — верно и хорошо сказал К. Паустовский.

²⁰ Паустовский К. Золотая роза. Собр. соч. в 6-ти т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 2. С. 566.

Переводчица уловила идейную сущность стихов и нашла соответствующий стилистический адекват на своем родном языке. Это и спокойная интонация, и непринужденное сдержанное повествование, и правильно воссозданные образы, их простота и эмоциональная насыщенность, и необычайная предметная точность ассоциаций. Слова, взятые переводчицей как средство познания, как и в оригинале, стилистически нейтральные. Вне контекста они не имеют какого-либо эмоционального заряда, но в стихотворении, в особом смысловом окружении, они стали компонентами образа.

Сни, как пахарь, вернувшийся с поля...
Сни, гора, словно в люльке ребенок...
Сни, как путник в ущелье приятном.

(Перевод И. Лиснянской)

Более того, переводчица усилила конкретность образов, но стилистическая тональность стихотворения ею воссоздана правильно.

Простота и ясность языковых красок — характерные особенности словоупотребления К. Кулиева, но они не лишают стихов выразительности, а наоборот, оттеняют их силу и убедительность. Поэтому произведения К. Кулиева отличаются не только богатством содержания, емкостью и отточенностью мысли, но и отсутствием витиеватости, какого-либо внешнего украшения.

Кайсын Кулиев бережно, как бы по крупницам выбирает из общенародного языка наиболее нужные слова, которые могут передать его восприятие, силу переживаний. В то же время поэт не руководствуется только своим субъективным отношением к действительности, не ставит во главу угла свои эмоции. К. Кулиев — поэт, склонный к философским обобщениям. Самые простые явления окружающего нас мира могут стать для него основой емких и глубоких образов, для воплощения которых он ищет соответствующую словесную форму. При этом К. Кулиеву чуждо «выдумывание» языковых средств. Он пользуется общеупотребительным материалом, расширив его качества, свойства, границы функционирования, смысловые связи.

Стихотворение «Чегем ташыча бек болургъа» — «Хотел быть стойким, как чегемский камень», представляет собой своеобразную лирическую исповедь поэта. В нем с помощью нескольких сопоставлений К. Кулиев сформулировал свои основные жизненные принципы — стойкость духа, доброта, душевная щедрость, честность, терпеливость и т. д.

«Наш век трудный, сложный,— говорит сам поэт.— На его долю выпала тяжелейшая война... Я понял, как нужны человеку

стойкость, терпение. Но не то терпение, когда тебя бьют по голове, а ты стоишь. Я имею в виду силу духа. Все выдержать, пройти через испытания, оставаясь сыном и гражданином своей земли, — вот что главное. Об этом я говорю в стихах. Это мое убеждение»²¹.

Чегем таныча бек болурга
сойдом, Жылгы сууча таза,
чинарча чомартлай туруга,
болурга булутлача — азат.
Жулдуз кибик жарык жанарга
сойдом мен, жол кибик — чыдамлы,
кырдык кибик халал болурга,
сюююн кылагычы чырагым.

Стихотворение сосредоточило в себе итог многолетних исканий К. Кулиева, отразило его жизненное кредо. Поэт хочет быть стойким, как камень Чегема, чтобы никакие удары жизни не смогли сломить его, чистым, как воды горной речушки Жылгы, щедрым, как чинара, независимым, как облако, терпеливым, как дорога, добрым, как чинара, трава, хочет гореть, как звезда в ночном небе. Доброта, щедрость, сила духа, терпение должны быть неотъемлемыми качествами любого человека. И это глубокая убежденность К. Кулиева, основанная на его жизненном опыте, и выражена им в стихотворении с помощью простого словесного материала.

Сопоставления поэта, емкие, стремительные, не кричащие и незамысловатые, просты и скромны, как сам их автор. К. Кулиева не упрекнешь в изысканности языковых средств. Слова *таш*, *жол*, *суу*, *кырдык*, *жулдуз* — общеупотребительные, но благодаря способности поэта придавать любой лексике значимость, они наполнились глубоким смыслом и стали в стихотворении носителями основной эстетической нагрузки.

Хотел быть стойким, как чегемский камень,
хотел быть чистым, как Жылгы-река,
и щедрым, как платан под облаками,
и независимым, как облака.

Хотел быть терпеливым, как дорога,
и как трава, не причинять вреда,
и, как звезда, светиться у порога,
покамест не погасну навсегда.

(Перевод И. Лиснянской)

Переводчица успешно перенесла в русский текст образные

²¹ Белостоцкая Е. Кайсын Кулиев. Знакомые имена // Труд. 1975. 30 ноября.

сравнения К. Кулиева. Каждое сопоставление выражено эквивалентом и предельно близко к оригиналу.

К. Кулиев во всех явлениях действительности находит все новые и новые качества, оттенки и для того, чтобы показать наиболее существенные и важные признаки предметов и явлений, для большей выразительности и эффекта, обращается к сравнениям по цветовому признаку. В них стержневым словом, как правило, выступает имя прилагательное. Отсюда такие интересные ассоциации, образно дополняющие наши представления об окружающем мире, как:

Чегемде иигирликде
къар жауа кёнге дери,
акъ къойла жушон кёкден
чачханча элге — бери.

Сегодня снег идет в горах
весь день и вечер целый,
как будто там на небесах,
стригут баранов белых.

(Перевод Н. Гребнева)

Подобные сравнения К. Кулиева конкретны и яркие, эмоционально насыщены и оригинальны, свежи и гибки, отличаются зрительной наглядностью. В них нет какой бы то ни было искусственности, претензии на экзотичность. Каждый пример (а их число можно было бы увеличить) ярко отражает художественное видение Кайсына Кулиева, степень оригинальности его поэтического мышления: «Булутла — акъ тюркмен бёркле» — «облака — белые туркменские шапки»; «акъ тюеча солугъан тау башла» — «отдыхающие, словно белые верблюды, горы»; «къызылбоюн агъач тауукъ — танг» — «рассвет — красногрудый фазан»; «ашхамлары да днасыны къара жаулугъуча, багъалыдыла» — «а вечера его дороги, как черная шаль матери»; «кёкдеги ай да, къан кибик, къызарды, жанды багъыр къазан кибик, къызарып, отда сабан темир кибик, къызарды, окъ тийген атны къаны кибик къарда» — «а луна покраснела на небе, как кровь, как чугун, как железо в огне, как раненый конь на снегу» и т. д. Они помогают поэту воссоздать картины изображаемых им явлений с натуралистической точностью. Так, в стихотворении «Бата баргъан кюн» — «Заходящее солнце» с помощью сравнений по цветовому признаку К. Кулиев живописует картину захода солнца. Она нарисована великолепно, столько в ней красок, обаятельной непосредственности восприятия этого явления природы. И в этом, несомненно, главную роль сыграла необычайная поэтическая зоркость и тонкая наблюдательность Кайсына Кулиева, его острое чутье необходимых речевых средств и умение схватывать самое впечатляющее.

Метафоричное описание захода солнца во всех его оттенках достигается К. Кулиевым путем использования различных поэтических средств. Три ярких сравнения, выраженных сопоставительными оборотами с аффиксом-ча, одной из распространенных форм в карачаево-балкарском языке, «пелиуан чагъыр тѣкгенча къардагъа» — «словно великан облил вином снега»; «акъ туюча солугъан тау башла» — «отдыхающие, словно белые верблюды, вершины гор»; «бусагъатда уа, пелиуан чагъырны тѣкгенча, къызаргъандыла тѣпеле» — «вершины алы, словно великан облил их вином» задают тон своему стихотворению. А метафоры «бата баргъан кюн тауланы башларын къызгъыл эте, алтын суу нчиргенде, къаяланы ташлары аны бизни бла бирге кѣргенде», «кече келир да, бауур салыр къарны юсюне», «бешик жыр айтырла желле» создают дополнительную гамму языковых красок.

Все стихотворение насыщено красками светлых, солнечных тонов. Цветовая характеристика картины достигнута введением в образную ткань имен прилагательных *къызгъыл* (алый), *къызылала* (багровый), *саргъыл* (желтый). Они дают читателю ощущение переливания, изменения и сгущения красок природы под лучами заходящего солнца: вначале горы алы, желты, затем К. Кулиев переходит к более интенсивному цвету — багровому. Так создается им насыщенная зрительного восприятия яркая, неповторимая и впечатляющая картина. Подобная словесная живопись — чистота красок и жизнерадостное восприятие цветов, предельная организованность и собранность произведения — свидетельствует о богатстве и глубине душевного мира поэта.

В переводе оригинал воссоздан с подлинным мастерством. Перед нами — сложный, но выразительный образ, переданный точно и тонко. Большинство слов, использованных переводчиком, относится к общеупотребительной лексике. Тем не менее мажорный тон пронизывает стихотворение от начала до конца. Обычным сравнительным оборотом с союзом *как* передано только одно сопоставление: «Как белые верблюды, гребни гор», другие воспроизведены несколько иначе — в первом случае сложноподчиненным вопросительным предложением: «Не кажется ль тебе, что исплины вином облили горы в этот миг?», а во втором, наоборот, — утвердительным: «Нам кажется сейчас, что великаны вершины красным залили вином...» И все же конкретность ассоциаций сохранилась, и они, как и в оригинале, выполняют в тексте экспрессивную функцию. Переводчик разнообразил и цветовую гамму, дополнив ее прилагательными *кизиловый* («водой кизилового цвета») и *багряный* («закат багряный»). Выразительность образа оттенена им сопоставлением ночи с черным оленем и колоритной метафорой («покуда не оделась красной буркой вершины»). Переводчик подверг переосмыслению слово *красный*, вступившее в неожиданную смысловую связь с именем существительным *бурка*.

Все эти поэтические средства точно, в нюансах передают впечатление К. Кулиева от увиденной им картины природы, его восхищение ею. Стилистической настрой текста, несмотря на всю его сложность, воспринят переводчиком правильно и воссоздан в полной мере и все же он допустил небольшую погрешность: в резкий диссонанс вступает с картиной строка: «И вихрь во мраке загудит ночном». Нужна была краска, а не звук.

В сравнениях по цветовому признаку у К. Кулиева встречаются такие имена прилагательные, как: 1) *акъ* — «бети, биринчи къар кибик, акъ, таза» — «лицо ее было, как первый снег»; «жангы тефтерини бетлерин, анангы сютюча — акъ» — «страницы новой книги белы, как материнское молоко»; 2) *къызыл* — «бата баргъан кюн... къызыл гебен ызыча, жолну салды» — «заходящее солнце проложило себе дорогу, словно красный след стога». В данном случае поэт создал неожиданное сравнение на основе сближения цвета и действия для того, чтобы усилить живописность образа; 3) *къонгур* — «нигир, къонгур геммен кибик, кирди тенгизге» — «вечер вошел в океан, словно бурый як» и др.

Разнообразны имена существительные, вступающие в смысловую связь с именами прилагательными, как по семантике, так и стилистическим оттенкам: *къанатлы* (птица, — «умут — акъ къанатлы» — «мечта — белая птица»; *толкъинла* (волны) — «акъ толкъинла булутла кибик» — «белые волны, словно облака»; *атла* (кони) — «...чабын келгенча акъ эмлик атла» — «бегущие, словно белые необъезженные кони» и т. д. Таким образом, Кайсын Кулиев черпает материал для сравнений из общеупотребительной, известной всем лексики, поэтому ассоциации его просты, доступны и понятны всем.

Образные сравнения К. Кулиева обусловлены идейно-тематической направленностью его произведений. Главное для поэта — это выбор слов, способных передать его впечатления, чувства, его отношение к изображаемому.

Вот, к примеру, какие сравнения использовал поэт для того, чтобы точно и образно передать психологическое состояние лирического героя, пережившего трудную, полную кошмарных снов ночь, в стихотворении «Кече. Танг. Эртделик» — «Ночь. Рассвет. Утро»: «терекле, душман аскерлери болгъан кибик манга» — «деревья казались мне вражескими полчищами»; «окъ тийген жаз тауукъгъа ушап, назмум да жыгъылды жерге» — «стих мой, словно наступивший пулей фазан, упал на землю»; «къаяла кюйсюз пелиуанла болуп, чыкъгъанча жортууулгъа, алай кёрюне...» — «мне казалось, будто скалы превратились в злых великанов».

Объектами для сравнений взяты слова, обозначающие конкретные предметы и явления природы: деревья, скалы, трава, показанные в состоянии ярости. Все волнуется, злится, как человек, предчувствует что-то недоброе. Сопоставления подкреплены оце-

ночными именами прилагательными *кэарангы* (тёмный), *кэайгылы* (беспокойный), *тынчлыксыз* (непокойный), *кюйсюз* (злой), *кэара* (черный), *тынгысыз* (переживающий) и вместе с другими средствами с большой эмоциональной силой раскрывают отчаяние, волнение лирического героя, его напряженное состояние.

Последующие две части стихотворения («Танг. Эртдеплик») переданы в совершенно ином эмоциональном ключе. Кайсын Кулиев использовал слова с противоположной семантикой, поэтому все ассоциации отличаются от предыдущих мягким, радужным колоритом, в них много света, тепла, т. е. господствует мотив жизни.

Кышхыда тюшюмде кёрюниген
агыч тауукча, келдинг манга,
жарыкь танг!

Или:

Кыш кече тюшюмде кёрген
сабийлигимча, алай келдинг,
жашил агыч ичиде баргыан
кызылбоюн агыч тауукь — танг!

В глаза бросается резкий стилистический контраст. Кайсын Кулиев мастерски использовал игру светотени. Мрачные, тяжелые тона, преобладающие при описании ночи, сменяются новыми, светлыми, полными радости красками. Рассвет для поэта — это и счастливое, беззаботное детство, и розовый фазан, приснившийся зимой, и приветствующая яркий солнечный день птица, и сбывшиеся мечты. Обращает на себя внимание ассоциация — «рассвет — розовый фазан». Как известно, «в основе образного представления, выраженного сравнением, лежит сопоставление разных предметов, явлений, действий окружающего мира на основе сходства их признаков»²². В данном случае это сходство цветового признака, которое усиливает зрительное ощущение, восприятие образа. Для того чтобы четче оттенить контраст, К. Кулиев использует слова, выражающие радость, счастье, добро: *чууакь, жарыкь, жаппа-жангы*.

Как видно, лексика стихотворения в основном общеупотребительная, но К. Кулиеву удалось подчинить ее своему замыслу: каждая ассоциация наглядна, достоверна и достигает своей цели, ибо опорой внутреннего содержания образа, его организации являются именно сравнения, взятые в комплексе.

Читая перевод, ощущаешь психологическую атмосферу стихотворения, его поэтический колорит, проникаешься обаянием, приходящим только К. Кулиеву.

²² Федоров А. И. Семантическая основа образных средств. Новосибирск: Наука, 1969. С. 21.

И. Лиснянская уловила тонкий психологизм произведения и движение авторского замысла, образные сравнения переданы ею адекватными языковыми средствами и близки к авторским. Вот, к примеру, какие сопоставления использованы переводчицей при описании ночи:

...все деревья знакомого сада изуверскими ордами
чудились мне...

Или:

Грохотало в горах, раздавалась стрельба,
словно скалы пошли в наступление.
Словно кровью опять захлебнулись хлеба
и не будет уборки осенней.

В иных красках передан переводчицей рассвет: «О рассвет, ты пришел, как весенний фазан, что зимою мне снится нередко...», «ты явился, рассвет, словно детство мое, что мне снится зимой белокрылой...», «ты — фазан красногрудый, идущий легко по зеленой чинаровой роще», «ты приходишь в дома, как хорошая весть». Таким образом, она удачно соединила обе стилистические струи произведения и воссоздала на русском языке стихотворение К. Кулиева, соответствующее его творческой индивидуальности.

Иногда встречаются сравнения, яркие, динамичные, стремительные в оригинале, но подвергнутые такой трансформации в переводе, что их трудно узнать:

Жырым, жаралы агъач тауукъ
квбик, жоярыкъларып кёрюп,
учду, къутулду, таудан аууп.

(«Комитас»)

Моя песня, словно раненый фазан,
заметивший врагов,
взлетела, спасаясь за горой.

(Подстрочный перевод)

Я убит, но — раненая птица —
песнь летит, и нету ей конца.

(Перевод Н. Гребнева)

Сравнение переведено неудачно. На карачаево-балкарском языке оно звучит намного проще и яснее. Неуместно употребление разговорной частицы *не т у* с архаичной формой *песнь*, которое нарушает общую стилистическую окраску образа.

То же самое можно сказать и о переводе сопоставления «окъ

тийген булбул кибик ёлдум» («я погиб, словно сраженный пулей соловей») в том же стихотворении:

Я и сам на птицу был похож,
слабую пред злобой и железом,
и вражда свой отточила нож,
чтобы птице горло перерезать.

Краткая по содержанию, четкая по звучанию, предельно сжатая и компактная ассоциация растворилась в каком-то словесном потоке. Образ стал расплывчатым и вялым. Стилистическая окраска и значение слова должны быть в контексте органически связаны между собой: чем они ближе, тем перевод лучше. В приведенных примерах эта связь установлена менее отчетливо, и образы исказились.

Как показал проведенный нами сопоставительно-стилистический анализ образных сравнений К. Кулнева, переводу легче поддаются сопоставления по цветовому сходству и труднее — по сходству функций, действий. К примеру, в русских переводах опущены такие интересные и колоритные ассоциации, как «туз атылгъан кибик хантха, жашауда ачы, татлы бирге» — «в жизни и сладкое и горькое вместе, словно щепотка соли в пище»; «сора да билеме — кюйген юйню ити адамча жылягъанын» — «знаю, что собака из сгоревшего дома плачет, как человек»; «сиз, юйсюз сабийлеча, сакълайсыз жазны» — «вы ждете весну, словно бездомные дети» (о птицах) и т. д.

Однако эти погрешности не дают нам основания утверждать, что произведения Кайсына Кулнева переводят плохо. В то же время «как бы ни было ничтожно само по себе каждое такое нарушение авторской воли, в массе своей они представляют колоссальную вредоносную силу, которая может любого самобытного мастера превратить в убогого писака и вообще до неузнаваемости исказить его личность.

Незаметно действуют эти бактерии, но — яростно: в одной строке попрутшат какой-нибудь жгучий эпитет, в другой уничтожат живую пульсацию ритма, в третьей вытравят какую-нибудь теплую краску, — и вот от подлинника ничего не осталось: весь он, сначала до конца, словно его создал другой человек, не имеющий ничего общего с автором»²³, — писал Корней Чуковский. Переводы К. Кулнева в большинстве случаев близки к оригиналу, хотя иногда приходится испытывать досаду из-за того, что тот или иной образ не дошел до русского читателя во всем своем ярком и неповторимом своеобразии. Об этом говорил и сам Кайсын

²³ Чуковский К. Высокое искусство. Собр. соч. в 6-ти т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 3. С. 263—264.

Кулиев: «Бывает, что вдруг конь превращается в корову и, хотя корову мы все очень любим, конь должен оставаться конем»²⁴.

Одним из средств словесной образности Кайсына Кулиева являются метафоры, придающие его стихам особую экспрессию. Заменяя старое, стершееся значение слова новым, писатель тем самым расширяет его семантический объем, смысловые, эмоционально-экспрессивные связи, раскрывает в нем новые оттенки, т. е. метафора — это один из способов усиления выразительных качеств художественной речи и служит автору для выражения его восприятия окружающего мира в образной форме. Она наиболее эффективное средство для передачи душевного состояния, настроения, внутреннего мира лирического героя, восприятия читателем образа полнее и острее. В метафоре, таким образом, сталкиваются два значения: прямое и переносное. Первое — привычно, второе же, наоборот, свежо и оригинально.

Обратимся к стихотворению «Къанатлыла жырлагъан сагъат» — «Час, когда птицы поют».

В этом произведении удивительно тонко гармонируют философская насыщенность и необычайная лиричность, высокая образность и богатство речевых красок. В нем в образе рассвета — «часа, когда птицы поют», — поэт показывает обновление жизни на земле, рождение нового дня. Для того чтобы отразить свое восприятие этого явления природы, К. Кулиев использовал самые различные языковые средства, среди которых особое место занимают имена прилагательные *акъ* (белый) и *къара* (черный).

Ол сагъатда бар къара атла,
ол сагъатда бар къара булутла
тохтан къалалла жерде, кёкде,
жашау алагъа: «Тохтагъыз», — деп,
сора бошлайды акъ атлары,
бошлайды ол акъ булутлары,
сора чабалла акъ атлары,
барадыла акъ булутлары.

Подстрочный перевод:

В этот час все черные кони,
в этот час все черные облака
останавливаются на земле, на небе,
жизнь им говорит: «Остановитесь!» —
и тогда выпускает своих белых коней,
и тогда пускает свои белые облака,
и тогда скачут ее белые кони,
плывут белые облака.

Акъ атла, акъ булутла (белые кони, белые облака) в кулиевском восприятии — это символы счастья, радости, жизнеутверждения, а *къара атла, къара булутла* (черные кони, черные обла-

²⁴ Литературная газета. 1975. 1 января. С. 4—5.

ка) — зла, печали. Такое аллегорическое противопоставление двух имен прилагательных, обозначающих контрастные цвета, — один из эффектных поэтических приемов, характерных для творчества Кайсына Кулиева.

«Кайсын Кулиев ограничивается двумя цветами во имя яркости, отчетливости, полноты воплощения. Черно-белое видение было в фольклоре Балкарии. Но эта черта, перенятая у родной поэзии, как обычно, преобразуется у Кулиева, индивидуализируясь, усложняясь. Его «черно-белость» существует сама по себе; она эмоциональна и символична»²⁵, — пишет Ст. Рассадин. Эпитет *къара* (черный) встречается у многих писателей, пишущих на карачаево-балкарском языке, но, как отмечает Зейтун Толгуров, «и у разных поэтов он воспринимается по-разному. У одних он мертв и воспринимается как обветшалое, стертое, как признак бедности поэтического языка, у других же он в нашем восприятии преломляется как бы заново, читатель не задумывается над тем, встречался он с подобными словами или нет»²⁶.

Имя прилагательное *къара*, как и *акъ*, получает новое звучание, новое воплощение, лишнее какой бы то ни было трафаретности, оттенка штампа, и у К. Кулиева. Наоборот, оно отличается у него неповторимым своеобразием, а его контрастное употребление со словом *акъ* (белый) создает особую эмоциональную атмосферу. Поэт в контексте усиливает их смысловую нагрузку и подчиняет своему художественному замыслу.

Имена прилагательные в стихотворении подкреплены другими *бек жангы* (самый новый), *бек жарыкъ* (самый светлый), *бек насылы* (самый счастливый) и др. Рассвет для К. Кулиева — это счастливый час, самый светлый час, самый новый час; час, когда счастливы все — дорога, земля, пашня, гора; час, когда поют птицы, когда люди избавляются от пут печали, горя; час, когда скачет белый конь радости — «чабады къууанчы акъ аты». Выразительность образа усилена и искусной звуковой инструментальной: сочетания — *ра-ла* отражают стремительность, музыкальность, напевность и динамичность стихов.

СоРА бошЛАйды акъ атЛАрын,
БошЛАйды акъ булутЛАрын,
СоРА чабалЛА акъ атЛАры,
баРАдыЛА акъ булутЛАры.

В конце стихотворения рефреном звучат десять определений к имени существительному *дунья* (Земля), которое является клю-

²⁵ Рассадин Ст. Кайсын Кулиев. М.: Художественная литература, 1974. С. 134.

²⁶ Толгуров З. Х. Формирование социалистического реализма в балкарской поэзии. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 118.

чевым словом данного образа (на русский язык переводятся сложноподчиненными предложениями), создающие дополнительный смысловой эффект: «Къанатлыла жырлагъан сагъат, биз кюннге да жылынган дунья, биз отха да жылынган дунья, тенгизде да жууунган дунья, аналарыбыз тургъан дунья, чокъуракъ суула баргъан дунья, сабийле оюн этген дунья, жауун шууудлап этген дунья, барыбызгъа да юй болгъан дунья, къанатлыла жырлагъан дунья». Основная идея стихотворения — жизнь на земле непрерывна. Одно в ней умирает, другое — рождается. В ней рядом скачут и белые кони, и черные кони, плывут и белые облака, и черные облака. Эта преемственность общечеловеческих ценностей передана поэтом очень ярко, тонко и искусно.

Однако при самом педантичном сличении перевода с оригиналом трудно найти в нем что-либо авторское. Голос Кайсына Кулиева, уверенный, сильный, едва слышен, он утонул в словесном потоке поэтических красотей: «час рождения зари и росы», «час соловьиного пения» и т. д. Художественному стилю Кайсына Кулиева не свойственна и подобная банальность:

Просыпаются листья и сонно
смотрят ввысь, и, раскрыв свой талант,
на свирели дудит упоенно
счастье — очень скупой музыкант.

(Перевод Н. Гребнева)

В оригинале эта мысль предельно ясна: «Жашил жерде, тагъ ат-хан сагъат, келесе сыбызгъы согъа» — «Идешь по зеленой земле, рассвет, играя на свирели». А ключевые образы «акъ булутла», «къара булутла» переводчиком опущены, «акъ атла», «къара атла» лишились своих цветовых различий и стали «косматыми». «И во сне улыбаются малые дети, вдаль скача на косматых конях», — читаем в переводе. К. Кулиев не уверен в том, что час, когда птицы поют, — это час искупления. Он сомневается: «Может быть, это час искупления мне за все остальные дни?» «Может быть, в этот час мир забывает вражду и неправый свой суд?» — спрашивает автор.

Метафоры акъ атла, къара атла, акъ булутла, къара булутла — неотъемлемые части произведения. Они несут в нем основную смысловую и эстетическую нагрузку, в них кроется ключ к идее автора. «Образ, запечатленный в одном слове или одной синтаксической единице, — как писал академик В. В. Виноградов, — иногда определяет всю композицию литературного произведения, выступая как его художественный синтез и обобщающий символ»²⁷.

²⁷ Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. С. 53.

Маленькая, казалось, деталь — многоплановость образа не достигнута, его внутренний подтекст, философская глубина не дошли до читателя. Переводчик навязал Қайсыну Кулиеву другие речевые краски вместо того, чтобы воссоздать верно его образы с присущим ему поэтическим обаянием.

При переводе поэтического произведения любая деталь существенна, поэтому к переводимому материалу необходимо относиться вдумчиво, а нужные языковые средства искать в языке перевода кропотливо, тем более что в русском языке достаточно словесного материала, могущего передать любые особенности оригинала. «Передавать своеобразие приемов чужого литературного языка средствами русского должно и можно, ибо наш язык способен «перевыразить» любое своеобразие»²⁸, — пишет В. Станевич. Конечно, нельзя подлинник с педантичной точностью пересадить в русский текст, так как не все речевые средства, созданные на карачаево-балкарском языке, могут легко быть восприняты русским читателем. То, что звучит по карачаево-балкарски совершенно естественно, может ему показаться иногда сласщавым, витневатым, поэтому к переводимому произведению в отдельных случаях необходим индивидуальный подход.

Вместе с тем смысловая и стилистическая адекватность перевода должна стать основным требованием для любого переводчика в его кропотливой работе. Смог же тот же переводчик передать аналогичные языковые особенности Қайсына Кулиева в другом стихотворении «Мен кѐп затлагъа къууандым»:

Мен кѐп затлагъа къууандым,
жарсыдым кѐп затлагъа,
акъ атлагъа жер салдым,
миндим къара атлагъа.

Я многому радовался,
но печалило меня также многое.
седлал я белых коней,
но и на черных садился порой я.

(Подстрочный перевод)

Те же метафоры — акъ атла, къара атла, с помощью которых поэт передает противоречивость окружающего мира. Казалось бы, такое частое употребление К. Кулиевым одних и тех же языковых средств должно не только обеднять его поэтический словарь, но и действовать на читателя утомляюще. Нам кажется, что, наоборот, у К. Кулиева они каждый раз приобретают новые смысловые и стилистические оттенки.

²⁸ Станевич В. Ритм прозы и перевод // Вопросы теории художественного перевода. М., 1971. С. 80—81.

Много было всяких дней,
и почей, и тропок торных,
белых я седлал коней,
а порой скакал на черных.

(Перевод Н. Гребнева)

На этот раз переводчик сделал довольно точный перевод не только по смыслу, но и по идейной направленности, сохранив при этом ключевые образы. А это свидетельствует о том, что в русском языке можно найти соответствующий языковой материал для того, чтобы передать дух образа, если отнестись к оригиналу внимательнее.

Ключевым выступает имя прилагательное *къара* (черный) и в другом стихотворении поэта «О *къара таш...*» — «О черный камень...». В нем оно эквивалентно понятию «смерть»:

О, *къара таш*, мени эни *къоярыкы!* —
Сен да бу *къысха жанауумда* — дересе.
Таууулур да жолуму *къыйыры*,
билмей турганлай келип тиерсе.
О *къара таш!*
О *къара таш!*

В этом случае мы отвлекаемся от конкретного лексического значения словосочетания *къара таш* (черный камень) благодаря его новому стилистическому наполнению. А обращение к камню с междометием делает образ осязаемым, живым, создает особый экспрессивный тон, оказывает на читателя определенно эмоциональное воздействие.

О Черный камень! Над стезей исторной
ты смерть моя! Когда не ожидаешь
обвала твоего, лавиной горной
ты рухнешь с кручи и раздавишь.
О Черный камень, Черный камень,
Черный...

(Перевод О. Чухонцева)

Перед нами поэтическая миниатюра — символ, сочетающий в себе два плана: переносный и прямой, причем довлеет первый, метафорический. Символический образ смерти дается в форме довольно зримой и конкретной картины. Чтобы передать эмоциональный настрой стихотворения, переводчик использовал имя прилагательное *черный*. Перевод наглядно свидетельствует о мастерском умении переводчика владеть лексикой.

Эпитет *къара* встречается у К. Кулиева в самых неожиданных и необычных сочетаниях, и каждый раз наполняется новыми от-

тенками, нюансами, например: *къара таиш* (черный камень), *къара толкъунла* (черные волны), *къара боран* (черный буран), *къара къузгъунла* (черные филины), *къара къёк* (черное небо), *къара тютюн* (черный дым), *къара къыйыла* (черные кизяки) и т. д. Как видно из приведенных примеров, границы лексической сочетаемости слова *къара* в поэтическом тексте К. Кулиева значительно шире, чем в обычной речи. То же самое можно сказать и в отношении других имен прилагательных. Например, слово *ачы* (горький) вступает в синтаксическую связь с такими именами существительными, как *ётмек* (хлеб), *жел* (ветер), *туз* (соль), *суу* (вода), *акъ* (белый), *кече* (ночь), *толкъунла* (волны), *къойла* (овцы); *къанлы* (красавый) — *окъла* (пули) и т. д. Подобные примеры наглядно свидетельствуют об индивидуальности творческого мышления Кайсына Кулиева. Они способствуют нередко развитию в слове полисемии, а с другой стороны, неожиданны и создают определенный эффект в художественном тексте. Например, в таком словосочетании, как *къара къар* (черный снег) необычна смысловая связь двух разнопонятных слов, контрастирующих в контексте, но она основана на ассоциации в сознании с горем, о чем говорят и другие метафоры — *къанды ырхы* (красавый поток), *жаралы ай* (раненая луна), *къара кюн* (черный день), которые ярко дополняют образ в стихотворении «Поэтам двадцатого века».

Большую группу в поэтическом арсенале К. Кулиева составляют глагольные метафоры, что объясняется многозначностью и динамизмом глагола, поэтому он чаще всего привлекается мастерами слова для метафоризации.

Глагольные метафоры Кайсына Кулиева мы разделили на простые и сложные. Простые глагольные метафоры состоят из глагола и имени существительного; они выполняют в поэтическом тексте экспрессивную функцию. Например, в стихотворении «Башында сары жар оюлду» К. Кулиев с помощью метафор «суучукъ къайгъылы болду», «суучукъ ынчады», «къычырды» («ручей за-беспокоился», «ручей застонал», «закричал») создал напряженную, полную глубокого драматизма картину природы: ручей, заваленный при обвале камнями, глиной, горюет о том, что не сможет больше утолять жажду девушек, работающих в поле, детей, собирающих малину, усталого путника, печалится о том, что не увидит ни синего неба, ни луны.

Башындан сары жар оюлду,
баргъан суучукъ къайгъылы болду,
ташлары жар эниге учурду,
суучукъ а ынчады, къычырды.

Глагольное сочетание *къайгъылы болду* (забеспокоился) и глаголы *ынчады*, *къычырды* (застонал, закричал) в масштабе общенародного карачаево-балкарского языка ничем между собой не связаны. В данном случае для того чтобы ярче, разностороннее показать явление природы, поэт дополнил их значения новыми оттенками (метафоризировал), которые, взаимодействуя друг с другом, создают образ. Слова *къайгъылы болду*, *ынчады*, *къычырды* в контексте выступают индивидуальными синонимами, т. е. такими синонимами, которые являются принадлежностью поэтического языка автора и создаются им для конкретных целей. Метафорические значения слов вызываются ассоциациями самого К. Кулиева и передаются читателю. Они развивают язык, способствуют его совершенствованию, так как являются «одним из ярких проявлений творческого начала»²⁹ в нем.

В переводе же сохранена одна метафора — «ручей застонал», остальные переводчик заменил глаголом *звенеть*, который соответствует по своей семантике более легкому настрою, и поэтому не передает ни внутреннего состояния, ни тревоги лирического героя, хотя К. Кулиев не зря выбрал для метафоризации глаголы *забеспокоился*, *застонал* и, наконец, *закричал*. Именно в такой последовательности поэт нагнетает напряженность, которая прорывается, и мы слышим взволнованный до глубины души крик, чувствуем боль, отчаяние лирического героя.

Свособразно построено К. Кулиевым стихотворение «Къуругъан къуюну жарсыуу» — «Печаль заглохшего колодца». Основную эстетическую нагрузку в нем несет глагольная метафора — *биледиле* (знают): «Печаль заглохшего колодца знают и ветер, и дерево, знают и холм, и гора, знают и трава, и камни, знают и дерево, и его тень, пашни и колосья, знают облака, знают полдень и вечер...» К. Кулиев в сферу действия глагола ввел целый ряд имен существительных, обозначающих предметы и явления окружающей действительности: *жел* (ветер), *танг* (рассвет), *тау* (гора), *кырдык* (трава), *таш* (камень), в общей сложности тридцать слов, которые в комплексе с одним глаголом *биледиле* образуют развернутый метафорический контекст. Многократное повторение глагольной метафоры необычно усиливает выразительность образа. Кроме того, поэт разнообразил и слово *жарсыуу* (печаль), дополнив его синонимами — *къайгъы*, *ачыу*, *бушуу*, расположенными им по степени возрастания стилистических оттенков, эмоционально-экспрессивной окраски лексем. Переводчик употребил вместо глагола *биледиле* другие — *мучить*, *печалить*, *узнетать*. Произошло усиление эмоциональной струи образа, но внутренняя энергия его стала слабее.

²⁹ Абаев В. И. Языкознание — общественная наука // Русская речь. 1971. № 5. С. 133.

Нередко К. Кулиев в одном стихотворении сталкивает глаголы с основными и переносными значениями. При этом происходит как бы слияние живого и неживого начал, как это он сделал в известном своем стихотворении «Тиширы сууда жууунады»—«Женщина купается в реке».

Тиширы сууда жууунады,
сууда — кёк терек, ауана да,
кымыжа мылы имбанларын
кычакълайла кюп тыякълары.
Кёк жерк чапракъла бетине
тведиле, мылы этине.
Къууанады аркъасын жуууп,
акъ чыранланы жарыкъ сууу...

Образ женщины является одним из главных в лирике К. Кулиева. «В женщине, дающей начало всему, поэт находит наиболее полное и совершенное осуществление и выражение тому, что составляет смысл его жизни — поэзии»³⁰. Женщина испокон веков была опорой домашнего очага, мерилom нравственной чистоты, человеческой красоты, высокой любви, душевной щедрости и мудрости.

Небольшое по размеру, но яркое и эмоциональное стихотворение «Женщина купается в реке» заключает в себе большое содержание. И в нем К. Кулиев не отступает от своего главного принципа в поэзии — делает многогранные обобщения. И чем конкретнее его стихи, тем они жизненнее, тем больше в них философских открытий и душевных переливов и настроений.

Купающаяся женщина — это лишь тезис для развития идеи поэта. Зафиксировано всего лишь одно движение жизни, но сколько в нем энергии, силы, широты и размаха.

В стихотворении можно определить два семантических центра — *адам*, *табийгъат* (человек, природа), вокруг которых Кайсын Кулиев группирует несколько глаголов. Схематически это можно представить так:

Адам	<i>жууунады, къууанады, ишарады.</i>
Табийгъат	<i>жууунады, кычакълайды, тведи, къууанады.</i>

Значения глаголов, введенных К. Кулиевым в образную ткань произведения, в основном совпадают, но если во второй группе

³⁰ Урусбиева Ф. А. Путь к жанру. Нальчик: Эльбрус. 1972. С. 139—140.

они переосмыслены, метафоризированы, то в первой — выступают в своих обычных номинативных значениях. В совокупности они служат поэту средством эстетической отделки стихотворения и помогают ему выразить идею: образ женщины для К. Кулиева — это символ вечной и нетленной красоты, поэтому он и пытается продлить ее в природе и сливает их в нечто единое. Природа не только оттеняет эту красоту, но и придает образу большую обобщенность: земля забыла, увидев чарующую красоту человека, о своих ранах и горестях, и как бы заключительным аккордом вновь звучит строка: «Тиширү сууда жууунады» — «Женщина купается в реке», которой автор подчеркивает не только завершенность своего произведения, но и свою непоколебимую веру в торжество жизни на земле.

Женщина купается в реке,
нет смерти нигде в мире,
нет пашни, которая не может рождать хлеб,
в мире нет войны..
Женщина купается в реке.

(Подстрочный перевод)

В ином плане идея автора передана на русском языке. Переводчик все свое внимание акцентирует на природе, застывшей на мгновение перед человеческой красотой. В переводе использованы глаголы с противоположной семантикой: *затихать, замирать*. Движение человека передают синонимичные глаголы купаться, плескаться. Стихотворение лишено эмоциональности и динамизма, присущего ему в оригинале, хотя идея К. Кулиева воспроизведена верно:

Плещется купальщица в воде,
Нету зла и смерти нет нигде.
В мире нет ни войны, ни зим,
Нет тюрьмы на свете, нет сумы.
Войн ни на одном материке..
Женщина купается в реке.

(Перевод Н. Гребнева)

Перед нами два разных воплощения одной и той же идеи. У переводчика собственный взгляд на жизнь, несколько иное мироощущение, не зря говорят, что переводчик в поэзии — это соперник автора оригинала. Каждый переводчик обладает творческой индивидуальностью, которую он где-то может подчинить индивидуальности автора, но ни в коем случае не довлеть над ней, иначе неизбежны серьезные отклонения от оригинала. С другой стороны, механическое копирование образных средств может привести к буквализму в переводе, поэтому, как говорил К. Чуковский,

нужно передавать не букву, а улыбку, музыку, душевную тональность подлинника³¹.

Свидетельством того, что произведение является плодом пережитого переводчиком от строчки до строчки, является и немецкий вариант стихотворения (перевод З. Остеррайха).

Приведем подстрочный перевод с немецкого языка:

Женщина купается в серебристой реке,
Солнце растаяло, замерев далеко в вышине неба,
положив нежно на ее плечи золотые руки,
прикрывая ее лучами, как праздничным одеянием.
Рядом с ней, касаясь головы,
бросают длинные тени прибрежные деревья.
Затихли кусты.
Неподвижны трава и блестящие
камни на отлогих берегах.
А она беззаботно плещется в цветах,
будто нет на свете ни зла, ни смерти.
Нет! Нет никакого зла и нет смерти.
Нигде нет ни насилия, ни ссор.
Нигде ни тюрьм, ни бедности, ни горя.
Войны забыты, битв нет в округе.
Женщина купается в серебристой реке.

Немецкий переводчик близок к Н. Гребневу. Он тоже несколько по-своему интерпретирует содержание стихотворения, но сумел донести до немецкого читателя голос К. Кулиева. Им создана более эмоциональная картина: серебристая река, солнце растаяло, прикрыв женщину лучами, словно праздничным одеянием, и т. д., т. е. переводчик не поскупился на эпитеты. Конечно, если придирается к переводу, всего этого нет в оригинале. Но идея К. Кулиева дошла до читателей: З. Остеррайх открыл в обычном явлении природы нечто совершенно новое, заставил посмотреть немецких читателей на мир по-другому, осмыслить окружающую действительность оптимистичнее. Об этом свидетельствуют их отзывы.

Всякий художественный перевод выполняет не только познавательную, но и эстетическую функцию, поэтому образ автора должен быть сохранен. Потери неизбежны, тем более что русский и карачаево-балкарский языки (в данном случае и немецкий) — разноструктурные языки. Агглютинация делает карачаево-балкарскую речь лаконичнее, короче, в отличие от русской. Нередко целому предложению в русском языке соответствует одно слово или словосочетание в карачаево-балкарском языке.

Метафоризация — это одна из особенностей поэтического мышления К. Кулиева, поэтому случаи переосмысления слов, вклю-

³¹ Чуковский К. Указ. раб. С. 344.

чения в их значения дополнительных оттенков нередки в поэзии К. Кулиева, его творческой лаборатории. Это оттеняет не только отдельные стороны изображаемых явлений природы, но и характер мировосприятия самого поэта, ибо природа у него преломляется как в эстетическом, так и философском планах. Қайсын Кулиев не ограничивается простым описанием увиденного, или лучше сказать, что от внешних проявлений окружающего мира он идет к выражению тончайших неуловимых связей, которые могут существовать между изображаемыми предметами и явлениями. И каждое подобное описание требует от автора самой тщательной и кропотливой работы над словом, выявлению в нем новых смысловых и стилистических оттенков. Для того, чтобы передать свое восприятие, К. Кулиев должен найти лексику с соответствующей семантикой и организовать ее так, чтобы образ мог оказать на читателя определенное эстетическое воздействие.

Суу барады, башында кёкге,
акъ тау бла жашил терекге,
жангы кырдыкга кьууанады,
анга сыйлы — кёк, ауана да.
Жашил жерде барады черек,
жолу узакъ, жагъалары бек,
Черек ёлгендеге жиляйды,
саулагъа уа жарыкъ жырлайды.
Ёмюрлюк бла суу баргъаны
билмейдиле да арыгъанны.
Тау саула ючюн агъарады,
суу саула ючюн барады,
Суу кьууанады жерге, кёкге,
жагъасында чакыгъан терекге.
Биз да черекге ушайбыз:
биз да саула ючюн жашайбыз.

Стихотворение полностью построено на глагольных метафорах: барады, кьууанады, жиляйды, жырлайды, билмейди, определяющих внутреннюю силу образа и в совокупности образующих развернутый метафорический контекст. Все эти глаголы, взятые для метафоризации автором, относятся к одному слову — имени существительному *суу* (река) и помогают поэту показать изображаемую картину с различных сторон. Река, подобно человеку, радуется, поет, плачет, ей одинаково дороги и солнце, и тень. Метафоры К. Кулиева раскрывают свое содержание не сразу, а постепенно. С их помощью поэт по-своему интерпретирует обычное явление природы и открывает в нем нечто совершенно новое и необычное. Река для Қайсына Кулиева — это символ вечности бытия. Так всегда обычная для нас картина вдруг перестает быть ею: поэт заставил нас посмотреть на мир по-новому, не только видеть, созерцать природу, но и чувствовать ее, по-другому осмыс-

лечь увиденное. И в этом ему помогли добавочные значения глаголов, использованных им.

Отличительной особенностью стихов является их музыкальность, которая проявляется в плавности поэтической речи, в звуковой гамме, передающей движение реки (в частности, преобладание звуков р, л), в мерности ритма. Картина, изображенная Кайсыном Кулиевым, мягка и пластична. Выразительны и эмоциональны имена прилагательные *акъ, жашил, жангы*, способствующие более полному раскрытию образа. Интересен эпитет *жангы* в сочетании с именем существительным *кырдык* (травя) — *жангы кырдык* (новая травя), переосмысление семантики которого является результатом переноса значения слова *жаш* (молодой). Ср.: *жаш кырдык* — молодая травя.

Таким образом, метафорические значения в слове могут возникнуть на основе совмещения прямого и переносного, номинативного и добавочного значений. Метафоризация может охватывать одно или несколько слов, а иногда и целый текст — все зависит от целей, задач автора. Анализ метафорического употребления слов Кайсына Кулиева показывает, что у него свои пути переосмысления языковых средств, которые позволяют ему достичь яркой образности.

Переводчикам в большинстве случаев удается воспроизвести поэтическую речь Кайсына Кулиева, сохранив ее сложность, многообразие и метафоричность. Рассмотрим перевод стихотворения «Суу барады...» — «Река».

Реке отрадно видеть над собой
снега вершин и купол голубой.
Ей нравится листва густая сень,
и солнце радует ее, и тень.
Среди зеленых трав течет река.
Долга ее дорога, далека.

Она течет, течет всегда вперед,
о мертвых плачет, о живых пост.
Ни вечность, ни проточная вода
усталости не знают никогда.
Дождят во имя жизни облака.
Во имя жизни движется река.
И я с моей рекой иду вдвоём:
я и она — мы для живых живем.

(Перевод С. Липкина)

Перевод ярко и наглядно показывает возможность предельно точной передачи семантических и стилистических особенностей карачаево-балкарской лексики на русском языке. От взора переводчика ничего не ускользнуло — каждая деталь, каждая краска нашли свое место в переводе. Переводчик великолепно владеет

словом и умеет подчинять его своему перу. Строгость поэтического рисунка, простота глагольных метафор, свежесть поэтического видения, индивидуальность творческого почерка Кайсына Кулиева — все передано блестяще, с наивысшей точностью.

Важную роль в образной оценке поэтом изображаемых явлений играют сложные или развернутые метафоры. В них в сферу метафоризации К. Кулиевым включаются одновременно несколько слов, нередко развернутая, сложная метафора может быть равна целому предложению. Как правило, К. Кулиев в поэтический текст вводит не больше одной-двух сложных метафор и достигает при общей простоте и неброскости речевой ткани определенного эффекта, а переводчики, увлекшись этой внешней простотой стихов, иногда допускают грубые ошибки.

«Есть у меня хлеб, вино, есть спички, сигареты, и на земле моей идет, как всегда, снег. Это — сейчас. Но были такие дни, когда все это было сном для меня...», — пишет Кайсын Кулиев в стихотворении «Энтда да кьууандым...» — «Я вновь радуюсь...» (В переводе: «Как ни поспешно жизнь идет...»). Стилистический рисунок четкий, ровный, без шероховатостей, в который органически вплетены две яркие, но сложные метафоры:

«сабий оюну, кюлгени чыракъ болду да жанды» —
«смех, игра детей стали свечой и зажглись»;

«къан къатыш къар жаууп жолгъа, ол да эриди, кетди» — «снег вперемешку с кровью, покрывшей дорогу, тоже растаял, ушел». В них переносные значения опорных глаголов жанды, кетди охватывают все компоненты метафор, которые по структуре представляют собой распространенные предложения. Основная же нагрузка в стихотворении падает на общеупотребительную лексику, которая вместе с метафорами способствует образной передаче мыслей автора. Поэт встречает очередной в своей жизни Новый год и неизмеримо рад этому. Свою радость он выражает сдержанно, без лишних эмоций: «Я вновь радуюсь тому, что живым встречаю Новый год, радуюсь тому, что в моем доме по-прежнему горит свеча, и я работаю, как прежде». Все предельно ясно и просто. В переводе читаем:

Как ни поспешно жизнь идет,
свеча моя не догорела,
и я встречаю Новый год
живой, способный делать дело.

(Перевод Н. Гребнева)

Потеряна в переводе конструкция «энтда да кьууандым» — «и вновь я радуюсь»: «Энтда да кьууандым январ къарны акълыгъын кергениме» («и вновь я рад, что вижу белизну снега январского»), «энтда да кьыш къолда арып, юйюме келгениме

къууандым» («и вновь я рад, что возвратился домой после зимней дороги») ... Кайсын Кулиев безмерно рад не только потому, что сам жив и встречает Новый год, но главным образом его радует то, что «злой, черный ветер» («желни кюйсюзю, къарасы») не тронул дома всех добрых людей на свете, рад тому, что дети, как и прежде, смеются, играют. Так за обыденным у К. Кулиева скрывается большее — его огромное желание перенести свою радость на всех окружающих. Именно на это и необходимо было переводчику обратить внимание, т. е. за личным увидеть общечеловеческое. А он решил передать лексику стихов в их простоте и, употребив слова с другой стилистической окраской, огрубил речевые средства:

Я хлеб жую, курю табак,
сизу с дьтми, с женою.
Каких еще желать мне благ?
И это все не по заслугам!

Или:

Мы люди, надо нам не много.
И даже вечная тревога
сейчас мне сердце не сосет.

Образов Кайсына Кулиева как будто и не было. Совершенно другая эмоциональная атмосфера. Переводчик то там, то здесь включил в стихи такие слова, которые в них особой нагрузки не несут, а лишь помогают ему выдержать рифму: другом — не по заслугам, быть — жить, воды — годы, год — сосет и т. д.

А перевод метафор был необходим, так как они не только передают эмоционально насыщенную атмосферу стихотворения, но и способствуют читателю осмыслить идейную сущность стихов. Образ «къан къатышлы къар» — «окровавленный снег» метафорически, с некоторым подтекстом напоминает о прошедшей второй мировой войне и в то же время передает убеждение и веру автора в то, что она больше не повторится и ушла в прошлое. В карачаево-балкарском языке имена существительные *жауун* (дождь), *къар* (снег) сочетаются с глаголом *жауады*, который в переводе на русский язык больше соответствует глаголам снежить, дождить (менее употребительным в сравнении с глаголом идти). Но в данном случае Кайсын Кулиев включил в метафору глагол *кетди* (ушел), выступающий в контексте синонимом глагола растаять: окровавленный снег, покрывший землю, тоже ушел, растаял. Вторая метафора антонимична по своему смыслу первой: «Смех, игра детей стали свечой и зажглись», которой автор подчеркивает счастливое, беззаботное детство наших детей, их светлое будущее. Воспроиз-

вести эти образы переводчик смог бы, если бы проявил большую чуткость к выразительным средствам оригинала.

Вместе с тем подобные трансформации лексических средств, ведущие к искажению образов К. Кулиева, могут привести в совокупности к серьезным последствиям, ибо поэт может потерять свое творческое лицо. Прав был Нафи Джусойты в своей статье «Обманчивая прелесть «игры без правил»: «Перевод не должен быть «игрой без правил», плодом ничем не ограниченного переводчиком произвола»³², — писал он, имея в виду «полную подмену психологической, нравственной и эмоциональной атмосферы» стихотворения Кайсына Кулиева «Ай жарыкъ кече» — «Лунная ночь» при переводе на русский язык.

Подстрочник стихотворения «Ай жарыкъ кече» был помещен в «Литературной газете». Кайсын Кулиев получил несколько переводов, сделанных читателями. Наиболее удачным, на наш взгляд, является перевод профессора из Москвы В. Павловой³³.

Лунный свет в ночи.
Одинокий мой путь,
Каменист мой путь
По ущелью гор.
Ночь светла, но грусть
Мне стесняет грудь,
Лишь луна со мной,
Да реки простор.
Лунный свет в ночи,
На снегах вершин,
На дороге, что от снега бела,
На камнях оград,
Зелени бахчи.
На жердях ворот,
На домах села,
Над моей тропой,
Надо всей землей
Распростерт в ночи
Луносветный плащ,
Звонок стук шагов по земле сухой.
Лунный свет в ночи.
В эту ночь не плачь.

Автор этих строк В. Павлова писала поэту: «Я не могу читать Ваши стихи в подлиннике, но мне кажется, что я чувствую их обший тон и настрой, а это все вместе с грамотным подстрочником позволяет мне надеяться, что перевод в какой-то степени соответствует общему смыслу этого маленького, но очень тонкого по сути своей Вашего стихотворения»³⁴.

³² Литературная газета. 1972. 22 ноября. С. 4.

³³ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 2, ед. хр. 165, л. 126—127.

³⁴ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 2, д. 165, л. 126—127.

Читательница, несмотря на некоторые стилистические шероховатости, действительно, воспроизвела общую тональность стихотворения правильно. Сочетание луносветный плащ не свойственно стилю поэта. Кайсыну не присущи подобные красоты. Все величие его поэзии в ее простоте и скромности без излишеств.

В архиве поэта хранятся письма и других читателей, предлагавших свои услуги Кайсыну в качестве переводчиков. В частности, В. Карасевич из Белоруссии писал ему: «Дорогой Кайсын! Если Вы доверяете моему художественному вкусу, то дайте, что сами сочтете нужным для перевода на русский язык. Могу заверить, что постараюсь сделать все с учетом языка оригинала и размера, и образной системы.

Конечно, Ваши произведения переводят квалифицированные переводчики, но бывают, очевидно, случаи, когда не все нравится автору и поэт может сделать лучше. Буду счастлив сделать все возможное. 27 марта 1973 года».³⁵

К сожалению, как было указано выше, пока переводчики вынуждены пользоваться подстрочниками, которые лишают стихотворный текст не только поэтического пульса. Это по сути дела обескровленный, анемичный текст, который переводчик, не владеющий языком оригинала, должен реанимировать, и в то же время талант можно чувствовать и сквозь подстрочник. Свидетельство тому письмо Ильи Сельвинского К. Кулиеву: «Подстрочники Ваших стихотворений дают очень смутное представление о Ваших поэтических возможностях (надо слышать стихи, чтобы судить о них), но даже и здесь ощущаешь пламенность Вашей натуры, которая заставляет верить себе и в себя. А это самое главное в творчестве (1 января 1948 года)»³⁶.

Неточности в переводе чувствуют и читатели. Вот что писал инженер-строитель из Москвы Д. Клейн Кайсыну Кулиеву: «Стихотворение «Не ел ты хлеба горя никогда» переведено, кажется, неточно. В книге Байрамуковой³⁷ на стр. 196 я случайно нашел подстрочник этого стихотворения. Последние строчки перевода говорят совершенно не о том, что читаешь в подстрочнике! Более того, эти строки совершенно искажают все стихотворение»³⁸.

Не ел ты хлеба беды, которым
Кормила жизнь меня. Потому
Снесив ты. Через сердце твое
Никогда не проходило большое горе.

³⁵ Там же, оп. 1, ед. хр. 93, л. 1.

³⁶ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 1, ед. хр. 16, л. 1.

³⁷ Имеется в виду: *Байрамукова Н. Кайсын Кулиев. М.: Советский писатель. 1975.*

³⁸ ЦГА КБАССР, ф. Р-852, оп. 3, ед. хр. 78, с. 25.

Черный хлеб испытаний и горе
Учат нас многому.
Я читал книгу горя до конца,
Глядя на погасшие очаги земли моей.

(Подстрочный перевод)

Қайсыну был присущ великий дар ощущения жизни; он учился у нее, ибо не привык жить в уединении, находил у нее мощный источник воодушевления и мужества, помогавший выйти из любого трагического положения.

Не ел хлеба горя никогда,
А я вкусил его немало.
Гордишься тем, что боль тебе чужда?
Что сердце тягот не знавало?
Тот понял жизнь, кто ел нелегкий хлеб
Невзгоды, горести, печали.
Читал я летопись людских судеб,
И рапы мира мне зияли...

(Перевод С. Липкина)

В конкретных случаях, в зависимости от своей установки, К. Кулиев осложняет метафору и другими образными средствами:

Тереклени адамла кибик, ынчхай,
Жоюлгъанларын, бомбала тийгенде,
унутмагъанма...

Я не забыл, как деревья, словно люди,
стонали, умирая под бомбами.

(Подстрочный перевод)

Поэт метафоризировал одновременно глагол и деепричастие, дополнив их сравнением *адамла кибик*. Метафора в этом стихотворении служит автору средством оценки событий. В переводе она опущена. С такой же целью эта метафора употреблена Кайсыном Кулиевым и в «Стихах, написанных в Латвии»: «...*наратла, адамлача ынчхай, кюйгенлеринде...*» («Когда сосны горели, издавая стоны, как люди...»). В переводе она воссоздана верно: «сосны падали, как люди, стоная в миг падения своего».

В стихотворении «Жыйырманчы ёмюрню поэтлери» — «Поэты двадцатого века», очень богатом по содержанию и совершенном по форме произведении, Кайсын Кулиев использовал в комплексе метафоры, сравнения и эпитеты и достиг яркой экспрессии в характеристике собратьев по перу.

Оно в оригинале отличается не только силой мысли, поэтическим колоритом, но и стройностью рифмы, выдержанностью ритма, звучностью мелодии.

Поэты двадцатого века, они всегда были в гуще самых драматических событий эпохи, отражали жизнь во всех ее сложных и трагических проявлениях, гибли в темницах, видели огни крематориев, но не лишились рассудка, не потеряли разума — остались верны себе. «Поэзия вдвойне сильнее, когда она подкреплена делами и кровью ее создателей»³⁹, — говорит сам Кайсын Кулиев. Он гордится мужеством, силою духа собратьев по перу и уверен в том, что они всегда будут верны своим идеалам.

Так К. Кулиев искусно, с большим мастерством рисует коллективный портрет поэтов двадцатого века, дает тонкую характеристику прогрессивной поэзии. Тщательно подобранные языковые средства помогают ему достичь атмосферы особого накала. Они в комплексе создают густую сеть поэтических образов. Насколько богато и сложно содержание произведения, настолько сложна и экспрессивна его поэтическая речь.

Сизге дери да болду жарыму, ёлюм,
тутмакъ да, уруш да сынады адам,
бетин кёп кюйдюрдю терсликни жели,
кёзлеринден кьан сыкъгъан тангла ата.

Подстрочный перевод:

И до вас испытывал человек
печаль и смерть, тюрьму и войны,
много раз лицо его жег ветер неправды,
и рассвет приходил к нему, выдавливая из глаз
его кровь.

Первая строфа заканчивается двумя колоритными сложными метафорами: «бетин кёп кюйдюрдю терсликни жели», «кёзлеринден кьан сыкъгъан тангла ата». Словосочетание «кюйдюрдю жели» расширено словом *терсликни*, т. е. метафоризация одного компонента распространена и на остальные. Во второй метафоре семантическому смещению подвергнуты также все члены. Эти образы вызваны у поэта трагическими событиями эпохи и с первых строк стихотворения настраивают читателя на соответствующую эмоциональную атмосферу.

В переводе:

Бессилье в горестный час,
неволя и смерть человека —
все было на свете до вас,
поэты двадцатого века.

(Перевод И. Гребнева)

³⁹ Кулиев К. Голос родной земли // Я пришел с гор: Стихи. М.: Детгиз, 1959, С. 11.

Метафоры опущены, хотя сохранить их в русском тексте можно было при помощи эквивалентных средств, так как значения слов *жел*, *кюйдюрдю*, *танг* и т. д. совпадают по своим смысловым и экспрессивным оттенкам в обоих языках, и их перевод особых трудностей для переводчиков не таит.

Оригинально употреблен К. Кулиевым в стихотворении выражения «къан жугъулу болуп ай». Слова *ай* (луна) и сочетание *къан жугъулу болуп* (окровавленный) ни семантически, ни логически в рамках общенародного карачаево-балкарского языка несовместимы. Но в контексте они в яркой эмоционально-экспрессивной форме передают впечатление автора. Метафора употреблена К. Кулиевым, когда он говорит о том, как жгли в крематориях матерей вместе с детьми, подчеркивая ею то, что даже луна окровавилась от жестокости войны.

В переводе образ звучит намного слабее и проще:

...в тонки горящих печей
людей, как поленья, бросали.

Обращает на себя внимание неоднократное употребление имени прилагательного *къара* (черный) в сочетании с различными словами: Кайсын Кулиев расширил границы его функционирования, например: *къара къушла* (черные орлы), *къара тюшле* (черные сны), *къара отла* (черные огни), *къара таши* (черный камень). Эти метафорические словосочетания в стихотворении являются опорными и символизируют зло. Однако имя прилагательное *къара* у К. Кулиева — это не только определение злых начал. Поэт обыгрывает его в контексте и включает в него элемент антитезы:

Жыйырманчы ёмюрию поэтлери!
Урушда да, тутмакъда да ёлдюгюз,
къара къушла керип къанат тургъанда,
жазгъа да, кюннге да салам бердигиз.

Подстрочный перевод:

Поэты двадцатого века!
Вы гибли в боях, умирали в темницах,
над вами летали, распластав крылья,
черные орлы, и все же вы всегда
приветствовали солнце, весну.

Или:

Къараргъа да къара отлагъа,
къара болмазла поэтни тюшлери!

Подстрочный перевод:

Но никогда сны поэта не станут **черными**,
хоть и пришлось ему смотреть на **черные огни!**

В словосочетаниях *къара отла* — *къара тюшле* К. Кулиев употребил слово *къара* одновременно и в переносном, и в прямом значениях, в результате чего оно в контексте получило яркую стилистическую окраску.

Обновлению подвергнута автором стихов и стершаяся метафора *ауур жарала* — тяжелые раны. К. Кулиев вел в ее состав новое слово — *дунья*: *дуньяны ауур жаралары* (тяжелые раны Земли), и устойчивое сочетание зазвучало по-новому.

Во второй части стихотворения Қайсын Кулиев утверждает оптимизм человека, воспеваает его веру в добро:

Ийнанганлай къал сабий тюшлерине,
сууну да, къарны да акълыгъына
Ийнанганлай къалыгъыз кёкге, жерге,
аналаны сютуне, бешик жыргъа.

«Оставайтесь верными детским снам, чистоте воды, снега, верьте небу, земле, молоку материнскому, песне колыбельной!» — говорит поэт.

Таким образом, стихотворение можно разделить на две части с контрастными образными системами. Такая стилистическая разнородность мотивируется идейно-тематической направленностью произведения, которая предполагает изображение картины с двух точек зрения: мир представляется автору как противоборство двух начал — добра и зла. Для того чтобы достичь своей цели, К. Кулиев последовательно развертывает целую цепь образных средств — метафор, сравнений, эпитетов.

Переводчику необходимо было воссоздать прежде всего многогранность и сложность речевого аппарата стихотворения — это и насыщенная образная ткань, и сложный синтаксис, и высокая торжественность. Только при выполнении этого условия он смог бы добиться многоплановости произведения.

Статистические данные показали следующую картину: в оригинале использовано 206 знаменательных слов, в переводе — 125 (на 35,4 % меньше), из них 70 соответствий, 39 замен, 16 добавлений. В целом, считая замены, потери, добавления, в переводе воспроизведено лишь 34 % лексем оригинала, т. е. произошло значительное упрощение образной системы произведения. Переводчик поступил с оригиналом довольно вольно, хотя стихотворение звучит на русском языке неплохо, если не иметь в виду колорит и богатство красок К. Кулиева, не переданные переводчиком в полной мере. Заслуга переводчика в том, что он сумел передать интонацию стихов.

Различные стилистические функции выполняют в произведениях К. Кулиева и пословицы.

Пословица служит поэту нередко посылкой для его размышле-

ний, тезисом для развития идеи произведения. Иногда на ней может держаться содержание всего стихотворения. Наглядный пример сказанному — пословица «Айыу бла кертме ашама» — «Не ешь с медведем груши» в одноименном стихотворении.

«Айыу бла кертме ашама!» — деди
кесинден къарыулу биреу хорлагъан,
Къарыусузгъа къарыулу азап берди,
онгсузю къаны тегюлдю къарлагъа.
Жашагъанма, хурмет эте парт сёзге,
юйде, жолда айтмагъанма азлагъа.
Алай бар ыспасым, махтауум сизге,
айыу бла кертме ашагъанлагъа!

Пословица «Айыу бла кертме ашама» является смысловым ядром стихотворения, все последующие строки развивают ее содержание, как бы обнажая, раскрывая ее значение.

Пословица нас учит: груши есть
с медведем под одним стволом не нужно!
Что на уме у сильного — бог весть,
чем может кончиться такая дружба!
Я почитал от века мудрость строк,
обогащался дедовским наследием,
но восхищался теми я, кто мог
есть груши под одним стволом с медведем.

(Перевод Н. Гребнева)

Н. Гребнев дал безупречный перевод пословицы. А введение конструкции «Пословица нас учит» свидетельствует о том, что это народное изречение, а не кулневская мысль.

Интересно и своеобразно построено другое стихотворение поэта «Жашау барда...» («Пока есть жизнь...»), каждая строфа которого начинается с емкой по своему содержанию пословицы: «Жашау барда — ёлюм да бар», «Кюн батханлыкъгъа, от жанар», «Кезиу болады дуньяда хар зат». Они подчинены поэтической установке К. Кулнева всеми своими гранями — контрастностью построения, глубиной мысли, лаконизмом содержания — лежат в основе стилистической организации стихов.

Жашау барда — ёлюм да бар.
Алай ол тюз сёз кимни жансарды?
Тынчлыкъ ким табар
къысхара баргъанда кюно?
Акъялман айтды магна:
«Кюн батханлыкъгъа, от жанар».
Мен айтама акъялманга:
«Огъурсузду юзюлген къар!»
Акъялман айтады: «Кезиу болады
дуньяда хар зат».

Человеку нельзя находиться в плену упаднических настроений. Наоборот, он должен быть готовым во всеоружии встретить любые печальные проявления жизни. Такова идея стихотворения. Ею и обусловлен выбор автором пословиц, которые им употреблены не для экзотики, не только в качестве средства образности. Они несут читателю определенную информацию, поэтому переводчику важно выяснить прежде всего, какую роль пословицы выполняют в контексте, а затем найти в русском языке соответствующий способ передачи их. Необходимо перевести не только содержание пословицы, но и донести обязательно до читателя ее эстетическую значимость в художественном произведении.

«Пока есть жизнь, и смерть на свете будет!»—
твердит мудрец, степенен и суров,
он прав, но почему не могут люди
себя утешить правдой этих слов?
Мудрец, он прав, с ним спорить — труд напрасный,
но ясно и без слова мудреца:
заходит солнце, но огонь не гаснет.
И кто бы ни умер, жизни нет конца.
И вновь твердит мудрец неторопливо:
«Все в рамках сроков и границ своих!».

(Перевод Н. Гребнева)

Все пословицы переведены довольно удачно: «Пока есть жизнь, и смерть на свете будет», «Заходит солнце, но огонь не гаснет», «Все в рамках сроков и границ своих». По своему содержанию и экспрессивной нагрузке они соответствуют карачаево-балкарским пословицам, прекрасно вплетены в текст и лишены какой бы то ни было скованности и чужеродности.

Иногда пословица у К. Кулнева выступает в качестве синонима к отдельному слову. Например, в стихотворении «Самолёт да айтылган назму» («Стихи, сказанные в самолете»), пословица «Булбул жырлагъан жерде, къузгъун да къычырады» является синонимом смерти.

Мен билеме: булбул жырлагъан жерде
къузгъун да къычырады, учуп келип,
Алай а хорлаппи къалмаз ёмюрге
булбул ёню, аны хорламаз ёлюм.

Я знаю: там, где соловей поет,
кричит, прилетев, и филин.
Но никогда вовек не будет побежден соловей,
и смерти не победить его вовек.

(Подстрочный перевод)

По балкарским народным приметам крик филина — предвестие смерти. Жизнь противоречива: в ней рядом с добром всегда

зло, с радостью — печаль, с жизнью — смерть. Образ филина Кай-сын Кулиев использовал для антитезы. Поэт выражает свою уверенность в том, что жизнь сильнее смерти.

Прекрасны испокон рулады соловья,
Но и вороны карк людскую память гложет.
И верить никогда не перестану я:
свет соловья затмить ворошья мгла не сможет!

(Перевод Д. Долинского)

У многих народов, в том числе и у русского, предвестником смерти является не филин, а ворона. Отсюда и замена. Правда, по переводу не чувствуется, что в оригинале употреблена пословица. Но главной задачей для Д. Долинского в этом случае была передача идейно-эмоциональной атмосферы произведения, и он ее выполнил.

Таким образом, роль пословиц в образной системе К. Кулиева значительная: они служат поэту средством углубления, оттачивания мыслей, усиления эстетического воздействия их на читателей. Каждая пословица — это необычайно сконденсированное смысловое содержание, компактная форма, это порой и рифма, и ритм. В силу этих обстоятельств не каждый переводчик может успешно перевести ее, найти соответствующий стилистический адекват.

Не все пословицы, использованные К. Кулиевым, переведены на русский язык. Например, из 28 пословиц, употребленных поэтом в «Книге земли», эквивалентом передана одна, дословно — шесть, остальные двадцать пословиц, емких и компактных по своему содержанию и форме, в переводе потеряны. Хотя они могли бы быть успешно переведены на русский язык, если бы переводчики отнеслись к ним с большей ответственностью, потому что мысли, заключенные в этих пословицах, встречаются и у русского народа, но в другой форме. Особенно перевод пословиц был необходим в «Восточных стихах», в которых многие четверостишия поэта начинаются с интересной и колоритной пословицы, являющейся как бы ядром поэтического образа.

Причины переводческих неудач, на наш взгляд, скрыты прежде всего в нетворческом подходе к смысловой емкости слова в широком контексте. Недаром Ю. Тынянов назвал слово «хамелеоном», в котором всякий раз возникают не только оттенки, но иногда и разные краски⁴⁰. И если переводчик не сможет обыграть его в той мере, в какой это делает автор оригинала, или найти в сло-

⁴⁰ Тынянов Ю. Проблемы стихотворного текста // Советский писатель. 1965. С. 77.

ве приблизительно те же нюансы, грани, что и в подлиннике, он никогда не сможет воспроизвести образ во всем многообразии. В связи с этим мы не согласны с Г. Гачечиладзе, считавшим, что «переводчик... в первую очередь чувствует не языковой, а художественный момент и пытается его передать так же непринужденно, как и сам автор оригинального произведения»⁴¹, т. е. главное для него — это восприятие художественной стороны произведения, а «поиски языковых соответствий не представляют для него проблемы и его сознание свободно от этой мысли в процессе перевода»⁴². Нам кажется, и художественный, и языковой моменты в процессе перевода неразрывно связаны между собой и взаимовлияют друг друга, более того, они равноправны, ибо для того, чтобы достичь художественной адекватности, переводчик должен верно воспроизвести речевые средства оригинала, тем более когда перевод делается с подстрочника. Поэтому «поиски языковых соответствий» иногда являются камнем преткновения даже для опытных переводчиков. Это убедительно и наглядно показал вышеизложенный анализ переводов некоторых произведений Кайсына Кулиева.

⁴¹ Гачечиладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М.: Советский писатель, 1972. С. 144—145.

⁴² Там же. С. 83.

НАЧАЛО И КОНЕЦ ЗИМЫ

Листая архивные материалы, несколько лет назад в одном из блокнотов Кайсына Кулиева я обнаружила запись, сделанную поэтом в 50-е годы о том, что он задумал написать роман-эпопею «Тень орла», которая будет состоять из трех книг. Кайсын писал, что «пока мучительно сочиняет его, что эта вещь — смысл его существования, и, если он не сможет закончить ее, то чтобы его оплакивали вдвойне»¹.

Очевидно, роман «Была зима» и есть часть этой эпопеи. К сожалению, он увидел свет лишь после смерти автора, и у нас нет возможности выяснить подробности истории создания этого произведения. Кое-что проясняет предсмертное интервью Кайсына Кулиева корреспонденту газеты «Советская Россия», из которого мы узнали, что над романом писатель трудился тридцать пять лет.

— Тридцать пять лет! — сказал Кайсын в разговоре. — Даже не верится. В горах нет ГАИ, но все придерживаются правила — по улочкам аула нельзя торопить коня. Оправдывает только чрезвычайная причина. Я тоже не торопился и даже надолго останавливался, отдавал все время поэзии, а вот последние четыре года по-настоящему спешил, мучался невысказанным словом.

Действия романа происходят в Чалском ущелье, в старинном балкарском ауле Чал. В основу произведения легли события зимы 1942 года, когда фашисты рвались в родные горы писателя, события трагичные, пережитые и выстраданные родными и близкими автора. В ту суровую зиму Кайсын Кулиев находился с тяжелым ранением в Чебоксарском госпитале и о том, что происходило на Северном Кавказе, узнавал из скупых сводок Совинформбюро. Не важно, что он не был очевидцем этих событий: их последствия остались в народной памяти извечным злом, тяжелой болью и скорбью о погибших, чувством исторического оптимизма, поэтому содержание романа свидетельствует о хорошем знании Кайсыном того, что пришлось пережить балкарцам в те зимние месяцы.

«Но напрасно читатель станет искать на Северном Кавказе Чалское ущелье и древний балкарский аул — Чал. Их нет. Но я писал о том, что было, и земляки, конечно, будут узнавать описываемые места, людей, события... В наших ущельях все друг друга знают до седьмого колена.

Да, я изменил названия, имена, но не изменил художественной

¹ ЦГА КБАССР, ф. Р-851, оп. 2, ед. хр. 102, л. 1—16.

правде», — эти слова Кайсына Кулиева — прекрасное подтверждение правдивости наших предположений. Действительно, многие герои написаны Кайсыном с реально существовавшими людьми: в Сенде Акмурзе мы узнаем старейшего балкарского поэта Саида Шахмурзаева, в Азиме — Кязима Мечнева, в Борисе Игнатьевиче Орлове — любимого школьного учителя Кайсына, которому ранее были посвящены прекрасные стихи автора. А чегемцы, возможно, узнали в чаловцах знакомых и близких.

Роман К. Кулиев посвятил «сестре Мариам и всем, кто жил трудно». Действительно, балкарцы испокон веков поселялись в неприступных глухих местах, отрезанных от всего мира горами и скалами, и потому добывали свой хлеб с большим трудом. Они, несмотря на суровые климатические условия, были преданны родной земле, и «если кто-нибудь и уезжал из них, то, как пишет К. Кулиев, там, в другом краю, тосковал по шуму родных речек в вечерней или ночной тишине. Он слышал их и во сне. Так было и с фронтовиками из аула Чал, так было и с теми, кого царские власти ссылали в Сибирь или сажали в тюрьму. Чаловца можно было убить, но заставить забыть горы, речки Чал и Жали, чистоту и ледяной вкус их воды не смог никто и никогда. Чаловцы всегда носили с собой мужественный и мудрый облик родных гор. И, умирая на чужбине, в последний миг они видели лицо матери и белизну снега на вершинах, слышали ее голос и голоса быстрых речек...» — так Кайсын Кулиев несколькими колоритными штрихами говорит о привязанности своих земляков к отчему очагу. И в этом описании слышны отзвуки его поэтических строк:

Как старый горец любит свой Казбек,
Так я люблю все земли и края.
Но, к родине привязанный навек,
Всегда гордился тем, что горец я!

И как бы ни трудна была жизнь чаловцев, они к ней относятся по-философски, зная, что «их земля, как и всякая другая, не может вечно жить без испытания, горя и утрат». А к несчастьям они привыкли. Не всегда им светило солнце, чаще были ненастные дни. Не раз чаловцам приходилось оставлять свои сакли, не раз убийцы гасили огонь в их очагах, но они всегда возвращались в родные горы, вновь растили детей, пасли скот...

Так, небольшим экскурсом в прошлое чаловцев начинается многоплановое повествование, соединившее в себе социально-философские рассуждения автора о смысле человеческого бытия и лирические, полные поэзии отступления, этнографические микро-тексты и пейзажные зарисовки, обращения к истории народа и размышления о его будущем, документальные факты и символические элементы, хотя, быть может, не всегда писателю удается

такой творческий синтез различных художественных средств и приемов, но в любом случае он свидетельствует о масштабности мировосприятия Кайсына Кулиева.

Как было сказано выше, в основе романа лежат события военных месяцев 1942 года, на фоне которых автор рассматривает сложные нравственные, этические и психологические проблемы. Сталкивая людей с противоположными характерами, моральными качествами в сложных ситуациях, писатель раскрывает их отношение к добру и злу, морали и антиморали, показывает нравственные взлеты и падения своих героев. Попав в экстремальные условия, одни из них проявляют высокие человеческие качества, другие, наоборот, становятся предателями. Кого бы мы ни взяли из героев романа, за каждым стоит определенный духовно-нравственный мир. Для Кайсына Кулиева, на наш взгляд, важен не показ военного быта или военных событий, а важно исследование поведенческой деятельности людей, которые раскрывают свое истинное «я», оказавшись в необычной жизненной ситуации. Этому свидетельству и отсутствие значительных военно-хроникальных материалов в романе.

Жизнь чаловцев передана Кулиевым через призму судеб нескольких семей. Действие романа продолжается недолго — всего два месяца, но благодаря авторским реминисценциям мы узнаем о прошлом и настоящем действующих лиц.

Центральное место в романе занимает драматичная судьба горянки Мариам, которая рано осталась без родителей и познала всю горечь сиротского хлеба. Судьба к ней нежалостлива: радость счастливого замужества омрачается трагической гибелью ее мужа — охотника Жанхота. Но женщина стойко и мужественно переносит эту трагедию, никогда не жалуется на тяжелую жизнь, не старается вызвать у односельчан жалость к себе. Свою нерастраченную любовь и нежность Мариам переносит на детей, видя в них продолжение дела предков. Но судьба посылает ей новое испытание: от осколка фашистской бомбы погибает ее младший сын Тахир, поехавший на базар за кукурузой. «Марнам стояла как бы окаменев, даже не спросила — кто и где его убил. Мать, узнав о гибели сына, забыла все слова. Они стали для нее бессмысленными. Она знала, что на человеческом языке нет таких слов, которые могли бы принести ей утешение или утоление боли». Марнам была одной из тех горянок, которые мужественно принимали жизненные неприятности, как пишет К. Кулиев, «в бедственный час веря в то, что за тучами еще есть солнце и в свой час оно покажется, согреет поле, колосья, луга, и снова птицы будут славить тепло и радость...» И в этот день, оплакивая сына, Мариам «не позволила себе ни одного истерического крика, ни одного жалкого слова»: испокон веков горянки отличались твердостью своего характера, знали цену своим поступкам. Кайсын

не раз видел таких женщин в горах, не раз смотрел им в глаза в дни горя, не раз выражал им сочувствие, не раз восхищался их достоинством. Читая эти страницы, невольно вспоминаются строки поэта:

Не говорю, что всех ты краше:
Там, где начало наших дней,
Всего милей на свете — панне:
И день светлей, и ночь родней.

Но столько горя и мучений,
Как ты, никто не перенес,
Едва лишь начат день весенний,
А близок старости мороз...

...Но все-таки в груди святое
Не иссякло молоко.
Ты становилась тверже втрое,
Хоть горе было глубоко.

(«Горянке»)

Так проникновенно о женщине и в поэзии, и в прозе может говорить только большой мастер слова.

Новое горе не сломило Мариам, не притупило в ней веру в жизнь, не убило ее внутреннее достоинство, способность сопротивляться трудностям, словом, качества и свойства характера, типичные для горянок. Как и всякая мать, она, конечно, горевала, ее боли не было конца и меры, но она знала, что должна жить ради другого сына — Назира, который находился в это время на фронте: к его возвращению нужно было во что бы то ни стало сохранить огонь очага.

Так война ворвалась в сердца и души чаловцев: Тахир стал первой жертвой фашистов, но аульчане знают, что будут еще, поэтому готовятся встретить все невзгоды с достоинством. «Надо верить в лучший исход войны, но нужно быть готовыми ко всему. Так поступают разумные люди», — убежденно говорит Сеид Акмурза своим землякам, сидя во дворе Мариам Бергеновой во время похорон Тахира. Чаловцы согласны с мнением учителя, ибо его авторитет среди них непререкаем.

Сеид Акмурза — человек неординарный: он владеет несколькими иностранными языками, прекрасно знает мировую литературу, сам пишет стихи. До войны он работал руководителем областного отдела просвещения, преподавал в педагогическом техникуме, а перед войной он переехал в родное село, чтобы дожить свой век среди земляков. В душе Акмурза философ. В его размышлениях, на наш взгляд, отражен поэтический мир Кайсына Кулиева с его убежденностью в том, что жизнь противоречива: в ней сосуществуют смерть людей, ложь, предательство и величие человека, при-

роды. Акмурза считает, что не имеет значения, кто этот человек по профессии, национальной принадлежности. Главное, чтобы он делал свое дело добросовестно, на пользу людям. «Муравей по-своему так же велик, как и слон»,— говорит Акмурза Борису Игнатьевичу. Мудрый оптимизм Акмурзы внушает Орлову, что люди сильнее войны, что огонь Прометея по-прежнему будет освещать путь всем, кто служит добру.

Прометей, прикованный к скале,
Как сама скала, велик и вечен.
До сих пор кружит огонь во мгле
И клюет кровавым клювом печень.

Сила Прометея до сих пор
Царствует — она сильнее смерти,
Снежные громады катит с гор,
Мечет молнии и вихри вертит...

— читаем в одном из стихотворений Кайсына Кулнева. Мысли, чувства, душевный настрой, убеждения Кайсына-поэта нашли свое выражение и в романе. В диалоге Акмурзы и Орлова, нам кажется, отражено собственное отношение Кулнева к извечным жизненным проблемам. Акмурза уверен в том, что мудр тот, кто совершает добрые дела, тот, кто стремится к справедливости: «В человеке велик творец. В нем прекрасно мужество,— говорит Сеид Акмурза учителю.— А каждый человек по-своему велик. Главное — не бояться трудностей. Если человек боялся бы, не было бы столько шедевров». Источник размышлений Сеида Акмурзы — сама жизнь во всех ее проявлениях, свойствах, качествах и особенностях, пропущенная через призму творческой индивидуальности Кайсына Кулнева. Многие страницы романа посвящены интересу к познанию внутреннего мира личности, его духовных и нравственных возможностей. Автор стремится, как и в поэзии, глубже понять истоки добра и зла, любви и ненависти, морали и антиморали. Несмотря на трагизм повествования, Кайсына не покидает реальный оптимизм, вера в устойчивость человеческих ценностей. «Я за правду в искусстве, какой бы горькой или суровой она ни была,— пишет К. Кулнев.— Только тогда работа художника становится плодотворной, полезной и нужной людям. В нашем деле недопустимы лакировка и ложь. Они — враги творчества. Правда не может унижить никого, а тем более народ, ибо народ не может быть глупым или виноватым. Нет ничего хуже, чем выводить пером ложь на белизне страницы». Писатель бескомпромиссен в своих убеждениях, ему чужды ложь, дух смирения, покорности, ему близки правда, мысли о месте человека, о его достоинстве. Читая роман, постоянно ощущаешь, что он написан Кайсыном поэтом.

Такое стремление автора связать произведение с публицисти-

ческими вставками является характерной особенностью романа, хотя не всегда оно и мотивировано: многие мысли Кулиева повторяют то, что им было написано ранее и вошло в книги «Так растет и дерево», «Поэт всегда с людьми».

Несомненно то, что К. Кулиев смотрит на происходящие события глазами Сеида Акмурзы, который близок и адекватен автору и духом, и мыслями, и своим внутренним миром. Настроение, душевные порывы Сеида Акмурзы выразились во внутренних монологах, отразивших широту его интеллекта, масштабность его видения и позволяющих ему философски осмыслить внутреннюю глубину реальной жизни. О человеческих проблемах Сеид говорит не экзальтированно, высокопарно, а совершенно спокойно, как и подобает мудрецу. И в своих раздумьях, и в беседах с земляками он обращает внимание на то, что любые конфликты во все времена правильно решались не насилием, а разумом, мудрым взаимопониманием друг друга.

Образ Акмурзы оттеняют и апелляции поэта к природе, в которой он находит высшее проявление красоты и добра, в ней он черпает нравственные силы, чтобы мужественно противостоять жестокости мира, чтобы жить достойно: «Эти горы так же стояли, когда хоронили прадеда и деда Тахира. Мы смертны, а горам смерти нет. Как хорошо, что не все на свете смертно, что после ухода каждого из нас еще остаются люди, горы, реки, звери, муравьи, деревья, растет трава, над дорогами проходят облака, идет дождь, падает снег, над свежей бороздой сияют звезды. Да, мне хорошо от сознания вечности жизни. Уйдя в землю, я тоже стану землей — частицей этой бессмертной природы, прекрасной и мудрой», — размышляет Акмурза, обратившись к природе, вызывающей у него уверенность в нетленности бытия.

Система философских воззрений Акмурзы так же многогранна, как и многомерен его духовный мир. Его размышления являются плодом мудрого и пытливого ума, вызванного состраданием ко всему земному, нравственные позиции учителя не позволяют ему соглашаться с некоторыми односельчанами-охотниками, безжалостно убивающими туров ради забавы. Поэт убежден в том, что от здоровья природы зависит нравственное и физическое здоровье горцев, поэтому он не приемлет равнодушное, варварское отношение к окружающему нас миру. «Стрелять в тура — все равно, что стрелять в свободу», — говорит он. Таким образом, гармоничная связь Природы и Человека включена Кайсыном Кулиевым в ряд этических категорий, определяющих самые высокие нормы человеческого бытия.

Публицистические вставки, лирические миниатюры, составленные из размышлений автора, Сеида Акмурзы, Мустафы-эфенди, наполнены обобщенным философским содержанием и потому не отвлекают, как это может показаться на первый взгляд, писа-

теля от забот дня, социально важных проблем, а наоборот, они устанавливают связь с эмоциональной жизнью крестьян, полной трагизма, трудностей, дают трактовку поступкам героев, особенностям их взаимоотношений.

Нормы этики, определяющие отношение людей друг к другу, нравственные проблемы Кайсын Кулиев рассматривает через столкновение героев с людьми с противоположными интересами, принципами, взглядами, моральными ценностями. Таковы Сеид Акмурза и Таракчиев, Асан Атбаев и Харун Батыров, Мустафа-эфенди и полковник Шульц и др.

Ярко очерчен Кайсыном Кулиевым образ Кемала Ташчиева, вызывающего у читателя недоверие и отвращение даже внешним своим видом. Это человек честолюбивый, с большим самомнением, поверхностный, жаждущий признания стихотворец. По меткому сравнению Сеида Акмурзы, Ташчиев сродни афинскому графоману Мелету, просившему суд вынести смертный приговор своему учителю Сократу. Истоки его поведенческой деятельности в завистливости, а зависть, по мнению автора, всегда рождает ненависть, которая требует действий. Ташчиев — один из тех людей, которые ради собственного благополучия не останавливаются ни перед чем. Побуждаемый корыстными целями, он пренебрегает моральным кодексом горцев: предает нескольких односельчан, в том числе и Сеида Акмурзу, немцам, веря при этом в то, что такой путь поможет взойти его звезде. Так сталкиваются две жизненные позиции — Сеида Акмурзы, прекрасно знающего, к чему могут привести его неосторожные высказывания о стихах удавшегося Ташчиева, и самого Ташчиева, готового любой ценой добиться признания.

Образ Акмурзы — это воплощение вечности мудрости, чести и совестливости, реальное доказательство того, что никакие катастрофы, войны не способны убить человеческую мысль, разум. И на его фоне образ Кемала Ташчиева, который обратился к поэзии, чтобы стать известным, чудовищен.

Реалистически показан автором и конфликт между Асаном Атбаевым и Харуном Батыровым, в котором отражены социальные противоречия довоенного времени, усугублявшиеся тем, что у власти не всегда оказывались люди грамотные, понимавшие, как нелегко было горцам приспособиться к новому повороту в их жизни. Таким руководителем был председатель райисполкома Атбаев — человек невежественный, но с большими запросами, насаждавший во имя достижения своих интересов ложь, лицемерие. Для Атбаева нет других мнений, кроме своего, он отмечает на своем пути всех, кто неугоден ему, в ущерб будущему народа. Так он, чтобы подорвать авторитет председателя Чалского сельсовета, решает закрыть Ак-Мечеть, в которую каждую пятницу со всей Чални съезжались верующие. Атбаев не любит Харуна за

его популярность в республике, за орден Красного Знамени, который, по глубокому убеждению Атбаева, должен был украшать его грудь. С другой стороны, председателя райисполкома гложет и ненависть к Мустафе-эфенди, сын которого является командиром Красной Армии. Сам малограмотный, рисующий вместо подписи муху, он считает народ отсталой разношерстной массой, чьи прогрессивные настроения необходимо выжигать огнем. Этот человек убежден в том, что власть принадлежит ему, а не народу.

— Народом руководим мы, товарищ Батыров, а не народ нами,— ударение Атбаев сделал на «мы» и «нами».

— А руководитель разве не должен прислушиваться к мнению народа, не учитывать его настроения, не думать о его нуждах и требованиях, товарищ Атбаев?

— Мы от народа будем требовать, а не народ от нас. Мы являемся властью, а не колхозники. Мы им даем указания, а не они нам. Вы поняли, товарищ Батыров?

А желание Батырова сохранить Ак-Мечеть Атбаев расценивает как желание защитить религию. Харун — дальновидный руководитель, он прекрасно понимает, что закрытие мечети вызовет общественный протест, ибо Мустафа-эфенди не рядовой служитель культа, а высокообразованный ученый-мыслитель, пользующийся авторитетом не только в Чалии, но и в соседних республиках. Так оно на самом деле и получилось. И лишь благодаря решительным действиям нового секретаря райкома партии Тейрибекова Ак-Мечеть перед войной была вновь открыта, иначе этот факт стал бы козырем в руках врагов. К сожалению, из-за таких недалеких руководителей, как Атбаев, были не только закрыты, но и уничтожены мечети во многих аулах; сейчас они могли бы стать прекрасными памятниками народной архитектуры.

Грехи Атбаева не исчерпываются историей с мечетью: по его грязным доносам не один человек канул в безвестность, в судьбе не одного человека он сыграл роковую роль. Антиморальная сущность Атбаева была наконец разоблачена благодаря смелым действиям Тейрибекова, и на общем собрании жителей райцентра он был предан суду.

Полной противоположностью Атбаева является Харун Батыров, в котором воплощены лучшие черты нового человека нового общества, руководитель с большой внутренней культурой, не спавший перед трудностями, нетерпимый к проявлениям бездушия, косности, национальной ограниченности. Однако этому образу не хватает психологической глубины.

Своими морально-этическими качествами Сеиду Акмурзе и Харуну Батырову близок Мустафа-эфенди, человек высокой нравственности, духовный феномен, стремящийся к идеальным жизненным целям.

Мустафа-эфенди получил образование в Багдадском универси-

тете, прекрасно знает философию, историю, восточную литературу. Природа наделила его лучшими качествами человека гор: твердым характером, душевной чистотой, честностью, мудростью, огромной моральной силой. Мустафа нерасторжимо связан с народом, он без оглядки принял Советскую власть с самого начала. Эфенди убежден в том, что справедливо то общество, которое защищает интересы простых людей. Один его сын погиб на гражданской войне, другой — генерал-майор танковых войск. В общем, перед нами личность яркая, неординарная, сильная, с подлинно народным характером. Вот почему односельчане считаются с его мнением.

Как известно, немцы при оккупации Северного Кавказа большую ставку делали на служителей культа. И не случайно начальник гестапо полковник Шульц удивлен тем, что фашистов с почестями не встретил Мустафа-эфенди. Фашистам было известно, что перед войной власти обидели эфенди, закрыв мечеть. И тем не менее полковник Шульц не теряет надежды на то, что ученый священник отведет достойное место в своих проповедях фюреру и его доблестной армии. Он очень хочет, чтобы Мустафа выступил с речью перед соплеменниками во славу фашистов, ибо авторитет старика среди горцев велик. И эфенди действительно в очередную пятницу произнес речь, но не ту, которую ожидали немцы: он призвал участников моления достойно выдержать страдания, принесенные жестокими оккупантами, и выйти из бед, не потеряв совести и чести: «...Не верьте, что страх кого-либо спасал от смерти. Понимание и постижение этого — одно из главных требований и трудностей наших страшных дней. Трусовость и малодушие — худшие враги людей в нашем сейчас положении. Я хочу, чтобы вы приняли к сердцу мои слова, поняли их смысл и делали для родной земли все, что в наших силах. Сегодня — это главное для нас. Надо, чтобы все мы остались достойными родной земли и народа. Так говорит мне моя совесть и мой разум, так велит мне господь».

Не изменил своим принципам старик и после того, как, спасая Асхада, попал в руки врага. Не смог Шульц переубедить Мустафу, привлечь его на свою сторону и на этот раз, хотя он был уверен в том, что достигнет своей цели:

— Вашу беду очень трудно отвести, но из уважения к вашим сединам и вашему сану я постараюсь сделать даже невозможное,— продолжал полковник,— попробую спасти вас своей властью, моей доброй волей. Я привез вот это прекрасное, редчайшее издание Корана для вас, но вы не соизволили явиться ко мне и дать мне возможность торжественно преподнести его вам.

Но радужные мечты немца не сбылись: эфенди оказался крепким орешком. Шульц не учел одного обстоятельства — преданность старика, как и всех горцев, своей земле. «Служить захват-

чикам родной земли — издревле считалось у всех народов изменой и каралось смертью», — таков ответ старика на предложение фашиста.

В диалоге с полковником Шульцем Мустафа-эфенди оказался на такой нравственной высоте, что самоуверенный вояка был шокирован.

«— Вы не пожалеете о своем поступке и тогда, когда вас поведают на казнь?»

— Да, и тогда. Просто стану одним из миллионов убиенных вами. Я не лучше других и на жизнь имею права не больше, чем они».

Психологическая атака Шульца не привела к успеху: эфенди с достоинством выиграл этот нравственный поединок, ибо для него важно не то, сколько прожил человек, а как он прожил жизнь. «Иногда люди продлевают себе жизнь ценой предательства. Страшная цена. Гораздо страшнее смерти», — говорит он.

Никакие блага, которые сулил Шульц, не смогли заставить старика изменить чести, совести и долгу. Кайсын Кулиев высветил в этом поистине народном характере все те нравственные ценности, которыми дорожили горцы во все времена. Мустафа-эфенди — символ устойчивости этих ценностей. И в этом автор убежден глубоко.

Символичны и последние слова старика, которые он попросил перевести полковнику Шульцу;

«— На лице полковника я вижу сейчас печать смерти. И притом скорой. Да, это читается на его лице, как, вероятно, моя смерть видна в моих глазах... Я знаю, он хочет моей смерти, а сам не на много переживет меня. Слышите гул со стороны перевалов? Сегодня он ближе, чем вчера. Прислушайтесь!..»

Писатель устами своего героя выносит приговор фашисту и предрекает фатальный исход, обреченность войны.

Читая роман, постоянно чувствуешь масштабность, значительность Мустафы-эфенди, глубину его мировоззренческой позиции. Писатель позволяет читателю проникнуть во внутреннюю жизнь своего героя, трезво оценить реальный историзм образа и духовное величие персонажа, сохранившего свое достоинство до последних минут жизни. «Мустафа, в шубе из волчьих шкур и высокой серой папахе, неспешной походкой шел впереди, перебирая четки... Мустафа-эфенди казался спокойным, голова его была высоко поднята, спина не по возрасту пряма. Став у виселицы, он быстро повернулся к народу и молча склонил голову», — так писатель передал последние минуты жизни этого мужественного человека, который погиб так и непобежденным. Жестокий приговор фашистов свидетельствует об античеловеческой сущности гитлеровцев, чьи посулы красивой жизни горцам на самом деле оказались злой и беспощадной нетерпимостью к другим народам; он

развенчал миф об абстрактной свободе, обещанной кавказцам. Факт казни священника был немислимой, страшной трагедией для жителей гор. «Это был самый печальный день в истории древнего Чала, и он уходил в вечность, унося с собой безмерное горе людей и свой окровавленный, трагический облик.

Была зима в полной силе, зима, которая всегда со страхом ждет весны. Горы и день казни сурово смотрели друг на друга». Потрясающие строки, подчеркивающие и трагизм случившегося, и вечность бытия.

На наш взгляд, образ Мустафы-эфенди — художественное открытие Кайсына Кулиева, плод его творческих поисков, доказывающий то, что возможности эстетического освоения действительности в балкарской литературе многообразны и не исчерпаны. Одноплановый подход писателей к проблемам национального бытия на современном этапе не оправдывает себя и требует другого, углубленного отношения к изначальным ценностям национальной культуры, ведь не секрет то, что традиционно в балкарской литературе служители культа преподносились читателям как люди невежественные и алчные. И обращение Кайсына Кулиева к религии как к факту духовной жизни народа, безусловно, явление новаторское, ибо расширяет границы образного осмысления мира и человека в этом мире, открыто обозначает скрытые до сих пор нравственные стороны духовного и этического наследия народа, его традиций и мировоззренческих позиций.

Мужественно ведет себя перед казнью и юноша Асхад, из-за которого в сущности и пострадал эфенди. Асхад, в отличие от Мустафы, — человек нового времени, чей духовный мир, сознание сформированы советской школой. Парнишка, увлеченный мужественной поэзией Лермонтова, одержим романтикой бунтарства, которая побудила его пойти на риск, т. е. от воображаемого героизма перейти к реальному. В его образе автор олицетворяет человека нового времени, а связь юноши с Мустафой подтверждает то, что этот новый человек с новым мировосприятием появился не на пустом месте. Не зря Кайсын Кулиев их объединил, ибо старик — средоточие опыта старшего поколения, на котором училась, воспитывалась молодежь.

У Асхада свои жизненные принципы, представления о добре и зле, о кодексе чести и морали, в его характере органически сочетаются традиционно-национальные и новые социалистические черты. И если бы ни война, юноша, возможно, раскрыл бы свои духовные и нравственные возможности в других действиях и поступках.

Примечательно то, что ночью перед казнью Асхад говорит эфенди о том, что свобода Родины дороже ему собственной жизни и лучше умереть достойно, чем жить трусом и предателем. Муста-

фа несказанно удивлен услышанным и в то же время обрадовался тому, что парень мудрее и старше своих шестнадцати лет. Так два человека разных поколений, разной социальной принадлежности оказались людьми с цельными характерами и с сильной волей, людьми высокого морального уровня и большой чести. В этих персонажах Кайсын Кулиев отразил процесс взаимодействия традиционного и нового нравственного опыта, проследил проблему преемственности поколений.

Неоднозначны в своих взглядах на жизнь и Касбот Таракчиев с Келлетом Токлуевым, которые охвачены желанием вернуть былое свое состояние. Их не раскулачили, так как они добровольно отдали в колхоз свой скот.

Касбот, человек с уродливой душой, находящийся по ту сторону добра и чести, горит желанием стать богатым, потому не спит ночами, все видит себя хозяином большого подворья; он готов поставить на карту все, лишь бы добиться своего. Приход немцев воодушевил его, словно к нему вернулась молодость. Своей настрой Касбот пытается внушить и родственнику Келлету Токлуеву, который не менее жаден и не в меньшей степени хочет стать вновь богатым. Однако Келлет, в отличие от Касбота, находится в состоянии раздвоенности, смятения, крайнего внутреннего противоречия, так как он менее решителен, боится аульчан, с одной стороны, а с другой,— в нем противоборствуют мелкобуржуазные инстинкты и предчувственные обреченности войны, боязнь за последствия.

«А что, если немцев погонят отсюда? Придут наши и накажут нас за то, что мы разоряли колхозное добро. А если будем прислушиваться фашистам, то могут и расстрелять. Вот чем может это кончиться. Ты об этом не думал?» — сомневается Келлет, которого еще удерживает и то, что два его сына — красноармейцы и воюют против немцев.

Касбот же решителен в своих суждениях и желаниях. Он уверен в том, что фашисты победили окончательно.

«— Понимаешь, Келлет, я хочу быть богатым! Ради этого пойду на все. Понимаешь, ты, Келлет, родившийся робким?»

В сложной психологической ситуации Кайсын Кулиев раскрывает нравственную сущность обоих — и Касбота, и Келлета, их представления о чести и морали.

Келлет более совестлив и честен по отношению к окружающим. Он не хочет, чтобы жадность погубила его, не хочет опозориться перед земляками, думает о будущем своих детей, поэтому он мечется, чтобы преодолеть соблазн и иллюзии. Касбот же считает, что самое главное — это богатство для человека, а не чистая совесть.

«— Ладно, хватит. Ты думай о совести, а я займусь делом... Посмотрю, как совесть тебя и твоих детей будет кормить и оде-

вать. Из нее хлеба не испечешь и не сошьешь шубу...— грубо обрывает Касбот Келлета и с ехидством добавляет: — До свидания, Келлет, будь здоров, совестливый большевик Келлет! Живи, как знаешь, как тебе советует твой мудрый Акмурза, который мастер только болтать, поэтому он всегда оставался голодранцем...» В этом весь Касбот, терзаемый жадной наживы, и ради достижения своей цели он становится предателем. Надев новую коричневую черкеску, бешмет, папаху, пошел к немцам и предстал перед ними как человек, обиженный и ограбленный Советской властью.

Гиглеровцев вполне устраивает такой приспешник, готовый выполнять любые их поручения, лишь бы стать богатым. Касбота назначают старостой. Он не знал, что сказать от радости, как выразить свою благодарность немцам. Губы его задрожали, колени затряслись, крупное лицо побагровело, он чуть не кинулся обнимать немца за такое благо, но не осмелился, лишь шевелил губами:

— Спа-си-бо...

Изменник, гарцуя на белом коне, наслаждался своим новым положением, его радости не было конца. Так Кайсын Кулиев показывает нравственное падение Касбота Таракчиева. Писатель прослеживает те истоки, которые привели Касбота к предательству, в частности, он отмечает, что людей жестокими делает жадность. Устами Акмурзы он говорит:

— Теперь увидишь, Касбот таких дел натворит! Он жадный человек. А жадность делает людей жестокими. Их семья действительно была богатой. Он этого не забыл и ради богатства не пощадит никого. Перешагнет через труп любого, даже родного брата.

Не важно, что идет война. Кулиев показывает, что нравственное падение Касбота подготавливалось всю его жизнь: нужна была ситуация, в которой должен был произойти этот моральный взрыв. Сам факт деградации Таракчиева не так уже и важен, как ее суть.

Очень скупо писатель передает позорную смерть изменника, но достаточно выразительно: «Старосту Касбота Таракчиева нашли утром мертвым. Он лежал возле собственного туалета. Ночь была холодная. Кровь примерзла к земле. Удар ножом был нанесен в грудь».

Так из двух людей с обывательской психологией один находит в себе силы преодолеть собственнические побуждения, другой — выбирает нечестный и безнравственный путь предателя.

С любовью написан Кайсыном Кулиевым образ представителя русской интеллигенции — Бориса Игнатьевича Орлова, директора Чалской школы, который связал свою судьбу с чаловцами, изучил их язык, органически вошел своими мыслями, существованием в жизнь горцев. «Я навсегда породнился с горами, с ними был при жизни, с ними останусь после смерти. Я люблю эту

землю. Мне было любо ходить по ней и лечь хочу только в нее», — эти слова русского учителя красноречивее любых других признаний в любви к чаловцам. Именно в нем, в Борисе Игнатьевиче, на наш взгляд, Қайсын Кулиев воплотил осознание единства, родства русского народа с другими народами.

В романе много и других действующих лиц. Это и сплетницы Гунда и Дугалай, и рассказчица Гоша; это и почтальон Хусейн; это и красавица Сурагхан; это и старики Мазан, Газмай, Окоу, Бекбулат, Годой — далеко не косная масса, а достойные уважаемые люди, которые бессильны что-либо изменить в создавшейся ситуации, но как могут противостоят насилию, в их переживаниях нет ни пессимизма, ни безысходного трагизма. Во всех этих образах ощущается стремление Қайсына Кулиева к психологической индивидуализации каждого персонажа.

Завершается роман изгнанием фашистов из Чалского ущелья. Полковник Шульц нашел свою смерть у моста через реку Чал, так завершил свой путь этот типичный представитель гитлеровского вермахта, участник оккупации Норвегии, Польши, воевавший в Югославии, Испании. Остался лежать, уткнувшись в сапог немецкого офицера, прошитый пулями Кеметов, княжеский отпрыск, мечтавший с помощью фашистов править в Чалском ущелье. На обрыве над рекой Чал получил пулю и несостоявшийся стихотворец, превративший в культ свой отсутствовавший талант, бездарность и мещанскую тупость Ташчиев Кемал.

Чалцы энергично взялись за восстановление разрушенного фашистами аула. Возвратились из партизанского отряда председатель аульского совета Харун Батыров, секретарь парткома Темир Голаев, председатель колхоза Отунчу Сариев. Люди, несмотря на лишения, стойко выдержали все испытания, не смалодушничали перед трудностями: «Нам было невероятно трудно, но враг сокрушен, мы снова хозяева своей земли... Земля моя!» — ликует Сеид Акмурза.

Глубоко символично то, что после изгнания немцев Мариам, чудом уцелевшая от фашистской пули у противотанкового рва, возвратившись в родной аул, пытается в развалинах своего дома разжечь огонь.

Символично и то, что у одного из полуразрушенных домов молодая женщина кормит грудью ребенка. И то, что в ауле в этот день родился мальчик. И то, что Сеид Акмурза при свете сосновой свечи, склонившись над рукописью букваря, старательно вывел слово «Ана» — «Мать». В комплексе эти детали символизируют возрождение жизни, бессмертие человеческого бытия, непобедимость разума, добра и чести.

«И в этом — суровая биография времени, народа и человека, через чье сердце прошли жгучие токи великих и трагических событий истории, но не испепелили его, а закалили, пробудили в

нем ответное мужество и достоинство — чувства, не испытай человек которые, он не вправе считать себя человеком, гражданином «грозного века», — так сказал Чингиз Айтматов в статье «Пространство поэта», посвященной Кайсыну Кулиеву.

Хотя роман «Была зима» написан на русском языке, мир героев произведения сугубо национальный, ибо русский язык прекрасно отразил балкарскую эстетическую форму, не явился помехой Кайсыну Кулиеву в создании богатых колоритных образов, в воспроизведении быта, нравов, психологии горцев. Писатель мастерски использовал русскую словесную живопись для отражения характера мышления, мировосприятия, социального строя героев романа, так как все языковые средства отобраны в соответствии с личными ассоциациями, индивидуально-психологическими особенностями автора, а также с условиями национальной среды обитания балкарцев.

Язык романа — это художественное отражение мыслей, чувств, переживаний — словом, мировоззрения Кайсына Кулиева; сказался и поэтический опыт, и эстетическое отношение к жизненному материалу.

Создавая произведение на русском языке, Кайсын Кулиев не только не утратил черты самобытности своего творческого почерка, но, наоборот, обогатил русскую словесную палитру новыми красками, так как ввел в художественную ткань романа комплекс средств, неадекватных мировосприятию русскоязычного художника слова.

Характерной особенностью романа является наличие в нем местных реалий, отражающих, наряду с другими средствами, специфику духовного мира балкарских крестьян. Реалии, несмотря на то, что в тексте выполняют номинативную функцию, при взаимодействии с другими лексическими элементами придают повествованию особое экспрессивно-стилистическое звучание. Примерами использования Кайсыном Кулиевым речевых единиц, не имеющих эквивалентов в русском языке, могут служить следующие: *курманлык* — застолье в честь важного и радостного события с жертвоприношением, *эфенди* — служитель мусульманского культа, «*Тюз тепсеу*» — один из народных танцев, *хычины* — традиционные пироги, начиненные обычно сыром с картошкой, *ныгъыш* — место, где собираются мужчины аула, *кош* — стоянка и жилище пастухов, *намазлыкъ* — коврик, обычно козлиная шкура, для моления; *имам* — верховный служитель мусульманского культа, *сыйюнчюлюк* — вознаграждение за сообщение хорошей вести. Многие безэквивалентные слова связаны с религиозными обрядами: *дууа* — название молитвы, *абдез* — омовение перед молитвой, *жаназы* — упокойная молитва на кладбище перед погребением умершего и др. Подобные языковые средства в художественном тексте помогают автору воссоздать национальный колорит.

Чтобы они были понятны читателю, Кайсын Кулиев поясняет их, как правило, в сносках. Но в некоторых случаях он подробно разъясняет читателю назначение того или иного предмета до тонкостей и тем самым создает небольшой микроэтнографический текст в структуре повествования. Такое контекстуальное толкование местной реалии оживляет внутреннюю форму произведения. Например, описывая застолье в честь новорожденного, Кайсын Кулиев знакомит читателя со словом *тамада*: «Быть тамадой — руководителем застолья имел право из присутствующих только старший по возрасту. Другие заслуги или преимущества тут не учитывались...

По обычаю, тамада должен был не только поздравить молодых родителей, пожелать им и их ребенку здоровья, счастья, но и произнести в стихах традиционный тост, который бытует в горах издревле. Его произносили на разных торжествах прадед, дед и отец Бекбулата. Не всякий житель гор знал точно на память длинный, но мудрый, высоко поэтический тост, поражающий слушателей своей образной мощью, самобытной, своеобразной».

Или же говоря о том, что жители Чала собираются на *ныгъыше*, писатель не ограничивается словарным толкованием этого слова в сноске; он пишет: «*Ныгъыш* издавна был главным местом в ауле, где решались все вопросы и обсуждались все новости, здесь держали совет самые опытные, бывалые люди, они разрешали все споры и тяжбы. С краю площади, у каменной ограды, были поставлены на камни толстые бревна, слегка обтесанные топором, удобные для сидения и бесед стариков, которые ежедневно приходили сюда...» *Ныгъыш* для горцев был своего рода священным местом, где аульчане узнавали новости, рассуждали о смысле жизни, т. е. он заменял им радио, телевидение, газеты. Осквернение *ныгъыша* считалось самым большим нарушением горского этикета, вот почему «оккупанты сознательно решили поставить виселицу прямо на *ныгъыше* — главной площади селения, священном для аульчан.

Этим полковник Шульц лучше всяких слов хотел сказать, что новая власть встала солдатскими сапогами на сердце аула. Захватчики знали, что, осквернив *ныгъыш*, они нанесут чаловцам удар».

Авторские пояснения как в сноске, так и в самом тексте ценны тем, что создают особый культурологический фон, придают повествованию высокую стилистическую тональность. Однако не всегда использование писателем карачаево-балкарских лексических элементов в прямых значениях оправдано. Например, такие слова, как хайбуан (скотина), хабары (рассказы), лахор (общий разговор), аперим (молодец) имеют соответствия в русском языке, поэтому они не несут читателю фоновых знаний.

В систему организации текста органически входят топонимы

(Чал, Чалское ущелье, Жали, Шалала), зоонимы (Каплан, Пари), антропонимы (Бергенова, Азим, Сеид Акмурза, Арслан Тейрибеков, Харун Батыров, Суратхан, Ташчиев, Таракчиев, Габаш, Арсаров, Халеков и др.), которые в структуре романа выполняют не только номинативную, но и характерологическую функцию.

Многие собственные имена являются смысловыми, составлены самим К. Кулиевым, поэтому далеко не безразличны ему. Они служат автору средством яркой и точной характеристики персонажей, указывают на отличительные признаки героев, дают читателю ключ к пониманию образов. Например, антропоним Таракчиев (таракъ — гребень) подчеркивает скупость персонажа, Ташчиев (таш — камень) — жестокость, Арсаров (арсар — сомнение) — нерешительность, Токлуев (токълу — ярка) — неуверенность, Халеков (халек — порочный, безнравственный) — нечистоплотность. Резкую отрицательную оценку содержат и прозвища Саруек (крокодил), Терсбас (косолапый), Чолак (однорукий), Габаш (подстилка для обуви), включенные в контекст как значимые имена и соответствующие внутренним качествам, внешним признакам, чертам характера персонажей. Чтобы они были понятны читателю, автор в сносках дает русские функционально-смысловые эквиваленты. Например, Саруек — прозвище председателя райисполкома Асана Атбаева — олицетворяет собой безжалостную, хищническую сущность и физическое уродство персонажа: «Саруек ходил по райцентру как князек, а не как советский работник. Подхалимы и прихлебатели трусливо сопровождали его, когда тот шествовал по улице, стараясь делать большие шаги своими короткими ножками. Он из кожи лез, чтобы придать важность и солидность своему невзрачному облику, сурово поглядывал по сторонам, желая, чтобы все видели его шествие в окружении преданных людей, боялись его — их благодетеля и главу района — Асана Атбаева».

В основе прозвищ Терсбас и Чолак одного и того же персонажа Сахая Халекова лежат названия физических его недостатков:

«У матери Сафи был брат, немолодой человек, без правой руки, которого в ауле все звали Чолак Сахай, а чаще просто Чолак,— пишет К. Кулиев, разъясняя читателю смысл прозвища.— Когда этот конокрад однажды собрался увести белого жеребца из конюшни большого ценителя и знатока лошадей Османа, которого считали храбрейшим человеком в Чалском ущелье, тот заступал Сахая и отсек ему руку кинжалом».

Однако автор не всегда дает толкование собственным именам, поэтому русскоязычному читателю они ни о чем не говорят и не могут оказать на него эмоционального воздействия.

Например, такие фамильные имена, как Тейрибеков, Батыров, Бергенова, Иманлиева включают в себя этнопсихологический подтекст, так как семантически выражают положительное отношение

автора к персонажам, носящим эти фамилии. В комплексе с другими языковыми средствами участвуют в формировании образа, но не знающему бадкарского языка смысл их не понятен, хотя выбор таких имен обусловлен прагматическими задачами писателя. Видимо, Кайсыну Кулиеву каким-нибудь образом необходимо было раскрыть внутреннюю форму антропонимов, чтобы читатель чувствовал мотивированность их использования и был готов к восприятию характера с соответствующим настроением.

Говорящими, на наш взгляд, являются и топонимы Чал, Чалское ущелье (чал — седой), смысловое наполнение которых подчеркивает древность аула и ущелья.

Многие имена в романе связаны с именами реальных лиц или реальных населенных пунктов. Например, в Сеиде Акмурзе мы узнаем старейшего поэта Саида Шахмурзаева, в Азиме — основоположника балкарской литературы Кязима Мечнева, в Аханове, Мисосте Баеве, Измаиле Урбиеве — балкарских просветителей Шаханова, Мисоста Абаева, Измаила Урусбиева, в Султан-Беке Баеве — скрипача Султан-Бека Абаева, в Фузе Жакмановой, Ханифе Баевой — первых балкарок, получивших светское образование, Фузу Шакманову и Ханифу Абаеву. Фонетически обыграл писатель и некоторые топонимы, например, Черское ущелье — это Черекское ущелье, Ухол — Мухол, Жали — Жилги — приток реки Чегем, Лашин — Лячинкай, Шалала — Шалушка и т. д., которые использованы наряду с известными русскому читателю географическими названиями: Эльбрус, Ушба, Шхельда и др. Очевидно, зашифровка собственных имен Кайсыном Кулиевым обусловлена желанием автора отвлечь читателя от подлинных имен, сохранить связь с описываемыми событиями, географической средой.

Особую функциональную нагрузку в романе несут формулы речевого поведения, которые отражают социально-бытовые отношения между людьми, этикетные традиции народа, дают представление о нравственных качествах, культуре балкарцев. Это и формулы-приветствия («Ассалам-алейкум — Алейкум салам»); и формулы-обращения (душа моя, сын Гелли, дочь Аммы, дочь Бекировых, дочь Хангери, сын Анни); и формулы-благопожелания («Пусть тебе и твоему дому будет много всякого добра», «Пусть пророк повернет к хорошему твое сновидение», «Пусть наш покойный зять пребывает в жаннете», «Дай бог, чтобы наши кости не остались где-нибудь в чужих песках или снегах», «Мед тебе на язык», «Пусть хранит тебя бог», «Дай бог ему быть в раю», «Пусть Жанхот и Марнам увидят радость и счастье своих детей»); и формулы-клятвы («Пусть на том свете бог превратит меня в черную свинью, а деток моих в черных поросят, если обману тебя», «Клянусь именем и могилой моей любимой матери!»); и формулы-проклятия («Пусть бог покарает вас!», «Пусть матери твоих убийц плачут, как твоя мать, пусть всюду ждет гибель врагов,

убивших тебя», «Пусть им не будет ни хлеба, ни воды, ни жилья на земле»).

Большинство из них содержит в себе различные чувства говорящего в зависимости от того, как адресующий относится к адресату, — чувства либо положительные, либо отрицательные, т. е. формулы речевого поведения, помимо коммуникативной функции, выполняют и дополнительную — эмоционально-экспрессивную, а в русскоязычном тексте они создают своеобразный эстетический эффект. Выбор соответствующих формул зависит от речевого поведения адресующего, его личности, например, использование формул-проклятий, формул-угроз с грубым оттенком свидетельствует не только о социальном облике человека, но и о его низкой языковой культуре. Гармонично сочетаются с другими языковыми средствами и яркие балкарские пословицы и поговорки, дополняющие национальную семантику художественного текста: «О стариках надо заботиться и держать их для совета», «Речка, которая торопится, до моря не доберется», «Капля воды камень пробивает», «Невестку выбирай, глядя на ее мать», «Не ешь груши под одним деревом с медведем», «Кто не умеет кидать камень, тот себе в голову попадет» и др.

Другой важной особенностью языка романа является комплекс эмоционально насыщенных, лаконичных сравнений и метафор. Они, как и в поэзии Кайсына, отражают мысли, чувства, мир эмоций, внутренние свойства характера автора, сдержанны и вместе с тем впечатляют. Такие сравнения, как «вершины гор, как будто великаны, томившиеся в неволе», «силуэты скал казались сказочными великанами», «облака, легкие и белые, как мысли о радости, и тучи, темные, как горе, тяжелые, как свинец», «небо, порой синее, а порой потемневшее, как порох», «горы печальны, словно похоронили большую гору», «поэзия — женщина с окровавленными ногами», «небо, бескрайнее, как горе» и другие содержат в себе как элемент физического познания мира, так и элемент эмоционального восприятия реального бытия человека, являются активными факторами, средствами раскрытия художественных образов.

Прекрасно выписаны писателем картины природы, гармонирующие с суровой и мужественной жизнью горцев. В них нет никакого романтизма, они точны и выразительны и помогают автору раскрыть внутренний мир, характеры персонажей.

Все повествование пронизывает картина холодной и беспощадной зимы. Зимой жизнь сельских жителей становится трудной, а зима 1942 года была тяжелее вдвойне, поэтому зимний пейзаж усиливает впечатление подлинности событий. Он динамичен и изменчив, автор вносит в него все новые и новые нюансы, которые отражают душевное и физическое состояние героев. Картина зимы может восхищать своим величием, то подавлять своим трагизмом, то вызывать настроение безысходности или ощущение скорой

победы. Эти переливы создаются контрастными красками — белым и черным: «Была зима. За ночь выпал снег. Улицы, крыши, тропы, склоны, скалы, деревья стали белыми. Горе и траур людей были черными, а земля белой. От черноты людских несчастий снег не почернел». Кайсын Кулиев и в этом описании не изменяет своему мировосприятию. Палитра писателя, как и в поэзии, ограничена двумя контрастными цветами, но сама картина глубоко содержательна и символична: белый снег на фоне траура усиливает ощущение вечности бытия: «Он остался сказочно белым, как издревле, как в дни радостей и праздников», — пишет К. Кулиев. Такой контраст выражает столкновение противоречивых сил и создает цельность общего эмоционального фона произведения, постоянную напряженность повествования. Кулиевский пейзаж изменяется, дышит, живет вместе с чувствами, душевными переживаниями героев. Нередко он служит введением к главам романа и потому психологически готовит читателя к восприятию текста с соответствующим настроением. То зима холодно молчит, бессильна чем-либо помочь бедствующим: «Наступила зима. Всем было трудно — людям, зверям, птицам, деревьям. Война принесла страдания и смерть. Даже горам не стало покоя. Снаряды ранили скалы, деревья умирали, как люди. Стояли дни невиданных бедствий, когда горели даже камни». Или: «Белая равнина лежала безмолвно, вдали молча виднелись горы, над ними бескрайнее, как горе, небо и звезды, безучастно глядящие с высоты», — пишет автор, подчеркивая безысходность положения Марнам. То зима предвещает приближение победы: «Была зима, но теплый ветер освобождения приносил запах весны. Надежда на радость и счастье, как всегда, осталась с людьми». И заключительным аккордом звучат слова: «Была зима, но в горы уже пришла весть о весне: Земля, люди, птицы, деревья чувствовали ее приближение». Так писатель фиксирует все изменения, которые происходят в природе в течение двух зимних месяцев; они одинаково значительны и соответствуют сюжету.

Роман «Была зима» был бы обеднен, если бы в нем не было описаний традиционных обычаев и обрядов, обладающих специфически национальными чертами и отражающих духовную культуру балкарцев.

Этические нормы горцев включают в себя такие свойства, как уважение к женщине, сдержанность в проявлении чувств, которые находят свое выражение не только в комплексе обычаев и обрядов, но и в поведенческой деятельности людей. Интересна в этом плане такая этнографическая зарисовка: «Девушки в горах обычно не ходили на свидания. Поэтому встретиться и поговорить влюбленные могли только при случайных встречах на улице или на свадьбе во время группового танца «Абзех», когда парень имеет право танцевать, ведя девушку под руку среди других пар». Такие

микроэтноконтексты в художественной речи благодаря необычности и новизне семантики, оригинальности и самобытности духовного и эмоционального мира горцев приобретают особую смысловую и стилистическую значимость. Однако Кайсын Кулиев не ограничивает себя описанием того или иного обряда; нередко то или иное нравственное правило, определяемое современными учеными «пережитками прошлого», или неправильно трактуемое, наталкивает автора на размышления, своего рода моральные трактаты. Например, бытует мнение о том, что горянки в прошлом были забитыми, лишенными прав женщинами. Кайсын Кулиев пишет: «Я знаком с примитивными суждениями иных наивных авторов плохих книг, что в горах женщину и человеком-то не считали. Об этом написано в прозе и стихах, в двадцатых и тридцатых годах особенно. Согласиться с этим я не могу. Родился я в горах, рос в обыкновенной крестьянской семье. И мне хорошо известно, какие у нас были отношения между женщиной и мужчиной. Берусь утверждать, что в горах Кавказа к женщине относились несколько не хуже, чем в других краях. Говорить обратное, по моему убеждению, будет напрасной и клеветой на жителей гор — тружеников, рано ушедших из жизни, а потому не могущих заступиться за себя, за свою честь, за правду...»

Познавательны и описания застольного этикета горцев, народных традиций, требующих уважительного отношения к пище.

Из фольклорного репертуара К. Кулиев использовал и обряд оплакивания покойника. Плачи в горах были неотъемлемой частью эмоциональной жизни горцев, в них женщины-плакальщицы искренне выражали трагизм бытия человека («Как рано отцвел твой цветок, любимый наш Тахир!» «Твой олень трубит, зовя тебя, незабвенный наш Тахир»), с величавой простотой и благородством говорили о покойнике («Камень кулаками мог расколоть, а теперь лежишь, не в силах двинуть рукой, красавец наш Тахир!» «Подкову мог руками разогнуть, а теперь и былинку не согнуть тебе, ставший мертвым, силач, наш Тахир!» «Ты был чистым родником, а теперь ты сухое мертвое дно ручья, наш Тахир!» и т. д.), предавали проклятию виновников смерти («Пусть матери твоих убийц плачут, как твоя мать, наш Тахир!» «Пусть всюду ждет гибель врагов, убивших тебя, наш Тахир!» и т. д.). В плачах отражались лучшие качества души балкарского народа, таланта творцов причитаний, отличающихся тонким пониманием человеческой жизни, простотой и музыкальностью речи, характерными повторами междометий, поэтичностью формы, выразительностью слога.

В комплексе традиционные элементы в силу своей специфичности послужили Кайсыну Кулиеву одним из ярких и действенных эстетических средств в создании национального, сугубо балкарского художественного мира во всей его сложности и противоречивости, суровости и многокрасочности.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Мир и радость вам, живущие!	5
В оригинале и переводе	39
Начало и конец зимы	83

Литературно-художественное издание

Светлана Конакбиевна Башиева

В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ

Художественный редактор *Ю. М. Алиев*
Художник *О. А. Кесарева*
Технический редактор *Л. А. Глушова*
Корректор *Г. Г. Тырнаевская*

ИБ № 2246

Сдано в набор 06.03.90. Подписано к печати 21.11.90. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 6,04. Усл. кр.-отт. 6,38. Уч.-изд. л. 6,58. Тираж 1000 экз. Заказ № 4607. Цена 30 к.

Издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Госкомиздата КБАССР
Нальчик, пр. Ленина, 33